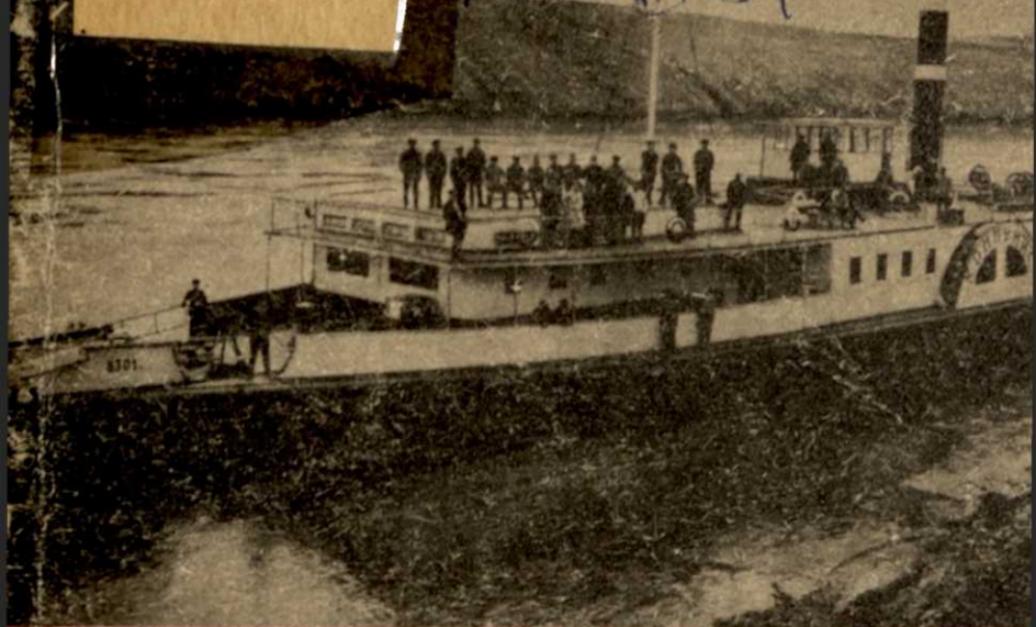

1590221

63.3(2)712

Б.84

*Борьба за власть
Советов
В Приленском крае
(1918-1921)*

1.590221

V01
82

63.3 (2) 712

Б.84

**БОРЬБА
ЗА ВЛАСТЬ
СОВЕТОВ
В ПРИЛЕНСКОМ
КРАЕ
(1918-1921)**

1590221
1990651

Иркутская областная
библиотека
им. И. И. Молчанова
Сибирского

ИРКУТСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО ИРКУТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1987

Деприма
библиотека
БССР
И. И. Молчанов

81x

Борьба за власть Советов в Приленском крае (1918—1921): Сб. документов / Под ред. В. Т. Агалакова, С. Ф. Ковалья. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. — 168 с., вкл.

Сборник документов — первая публикация источников по истории Восточной Сибири XIX—XX вв. Составлен из воспоминаний участников гражданской войны, документов, фотоматериалов и других источников, собранных в течение ряда лет историко-этнографической экспедицией университета. В нем отражены основные этапы борьбы за власть Советов на Лене и Витиме.

Расчитан на всех, интересующихся историей Сибири, послужит учебным пособием для практических и семинарских занятий по курсу истории СССР и спецкурсу по истории Сибири.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова

Главная редакция серии «Документы и материалы по истории и этнографии Восточной Сибири XIX—XX вв.»: д-ра ист. наук: *И. И. Кузнецов, В. Т. Агалаков, Б. С. Санжиев, Е. Е. Тармаханов*, доц. *С. Ф. Коваль*
Составители: канд. ист. наук *Л. Г. Олтаржевская, Т. А. Перцева, Л. В. Шапова, В. П. Шахеров*

Ответственные редакторы сборника «Борьба за власть Советов в Приленском крае» — *В. Т. Агалаков, С. Ф. Коваль*
Ответственный за выпуск *Л. В. Шапова*.

Рецензенты: д-р ист. наук *И. М. Разгон*, доц. *Г. А. Вендрих*

Предисловие

Тематический сборник «Борьба за власть Советов в Приленском крае» — первая публикация источников по истории Восточной Сибири XIX—XX столетий лаборатории истории Сибири исторического факультета Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова. Сборник составлен из воспоминаний, документов и других материалов по истории борьбы за власть Советов в Приленском крае, собранных историко-этнографическими экспедициями университета.

Более двадцати лет кафедрой истории СССР университета ведутся экспедиционные историко-этнографические исследования в пределах Восточной Сибири. За это время обследован ряд районов Иркутской и Читинской областей, Красноярского края, Бурятской и Якутской АССР. Последние семь лет исследования ведет созданная на историческом факультете источниковедческая лаборатория истории Сибири.

За годы экспедиционных поисков выявлены источники, существенно расширяющие исследовательскую базу исторической науки и имеющие исключительное значение в педагогической и пропагандистской практике. Публикация выявленных источников стала возможной лишь в последнее время, когда появились тематические комплексы документов и материалов как в целом по Восточной Сибири, так и по отдельным ее регионам. «Борьба за власть Советов в Приленском крае» — первый из таких тематических комплексов письменных исторических источников, сложившихся в результате обследования Приленских районов Иркутской области и смежных с ней районов Якутской АССР.

Публикуемые источники принадлежат к типу письменных исторических источников, главное отличие которых от вещественных (прежде всего археологических) состоит в способе кодирования содержащейся в них информации. Важность тех и других как фундамента исторической науки и первоосновы наших знаний о прош-

лом не требует доказательств. Источник всегда выступает следствием реальной действительности, в нем отображается или воплощается объективная действительность. Однако причина и следствие (реальная действительность и исторический источник) не всегда синхронны, между ними в большинстве случаев существует определенная временная дистанция. А такой род письменных повествовательных источников, как мемуары, вообще не может возникнуть одновременно с происходящими событиями, в противном случае он перестанет им быть. Известно также, что не все и документальные источники возникают в момент свершения воплощенных в них событий или явлений. Между тем и другим родом источников не существует непроходимой грани, и тот и другой могут взаимно проникать друг в друга и содержать определенную степень отображения и воплощения объективной действительности.

Как бы ни было велико количество письменных исторических источников, оставшихся нам от прошлого и отложившихся в системе государственных и партийных архивов, исследователи давно уже замечают те или иные их недостатки для всестороннего и глубокого раскрытия фактов и явлений прошлого.

В письменных источниках по ряду периодов, особенно новейших, заметен недостаток источников личного происхождения (мемуары, дневники, автобиографии, письма). Причина этого кроется, несомненно, в некоторой недооценке такого вида источников и снижения внимания к нему учреждений и организаций, призванных в общегосударственном масштабе заботиться о выявлении и хранении их. Есть, правда, в этой источниковедческой работе ряд трудностей, для преодоления которых нужны длительный целенаправленный поиск и усилия коллективов, специализирующихся в области источниковедения отечественной истории. Без соответствующей подготовки, организации экспедиционного поиска с применением современных технических средств невозможно их выявление, приобретение источников, находящихся в личных архивах, некоторые из которых не стали еще письменными и бытуют в переходных формах (устно-письменных). В таких случаях механическая запись, фото- и кинопленка служат незаменимыми средствами «создания» новых источников (фоно-, фото-, кинодокументов). Разумеется, все эти средства применимы лишь в случаях, когда датчик (автор) воспоминаний сам не в состоянии придать им письменную форму, но изъявляет желание устные воспоминания записать на бумагу или на пленку. При этом ни побудительные мотивы, ни условия происхождения источника не могут существенным образом повлиять на его характер и степень достоверности, поэтому всякие сомнения в целесообразности такого пути выявления новых письменных источников должны быть отброшены.

Первый выпуск из серии источниковедческих публикаций по ис-

тории Восточной Сибири посвящен одной теме и сравнительно небольшому региону — Приленью. Все источники, уже выявленные экспедициями университета, вместить не только в один, но даже в два-три сборника, невозможно. По мере завершения изучения других регионов Восточной Сибири лаборатория намерена готовить тематические сборники по борьбе за власть Советов Прибайкалья, в Ангаро-Илимском крае и других районах. В последующих выпусках будут опубликованы источники по основным проблемам истории и этнографии Восточной Сибири примерно с середины XIX в. и до наших дней. Уже сейчас можно назвать несколько почти сложившихся в фондах лаборатории подборок интересных документов по политической ссылке, участию сибиряков в войнах, в революционном движении до 1917 г., в революциях, в хозяйственном и культурном строительстве в первые годы Советской власти и т. д. Особо следует отметить уникальность источников по истории коммун, колхозному движению, участию сибиряков в Отечественной войне 1941—1945 гг. (кроме воспоминаний, представляют большой интерес фронтовые письма). В документах, собранных лабораторией, в большом числе представлены фотодокументы, источниковедческое значение которых трудно переоценить. По мере возможности их также предполагается публиковать в каждом выпуске.

Событиям гражданской войны в Восточной Сибири посвящен ряд изданных сборников воспоминаний ее участников¹, видных деятелей революционного движения в Сибири, занимавших руководящие партийные, советские или военные посты. Причем события в Приленском крае отразились лишь в нескольких воспоминаниях по очень ограниченному кругу вопросов, ни в коей мере не раскрывающих всего своеобразия, специфики и места этого края в истории гражданской войны в Сибири.

В данном сборнике впервые в таком количестве получили «право голоса» рядовые солдаты революции, бойцы красногвардейских и партизанских отрядов, выходцы из крестьян и рабочих, из самой гущи народа. Их дела и мысли, суждения и поступки — объективное отражение происходящих тогда процессов классовой борьбы, наглядное и убедительное свидетельство интернационализма, массовости, героизма сторонников и борцов за народную власть. В их воспоминаниях представлены судьбы сотен таких же, как они, людей, опытом и сознанием приходивших к выбору истинных путей социального освобождения. А опыт, преподанный врагами Советской власти, был тяжелым и кровавым. Для большинства безграмотных или малограмотных крестьян Приленья он был тем до-

¹ См., например: Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии. Иркутск, 1957; Годы огневые, годы боевые. Иркутск, 1961; За Советскую власть в Якутии. Якутск, 1957, вып. 1; 1967, вып. 2; и др.

полнительным фактором, который определил общенародный характер борьбы за восстановление Советской власти в 1919—1920 гг.

За несовершенством стиля, нелогичностью, неполнотой и неточностью изложения отдельных фактов и событий не может остаться незамеченным главное достоинство всех публикуемых воспоминаний — искренность, непосредственность, глубокое проникновение в суть происходящих событий, стремление дать им свою оценку и вскрыть истоки той массовости партизанского движения, которое всколыхнуло все крестьянство приленских сел, пробудило революционную энергию и вызвало ряд самостоятельных революционных действий (Марковское, Макаровское восстания против белогвардейщины). Не менее важным достоинством публикуемых источников, и прежде всего воспоминаний, является детализация и конкретизация событий, введение в научный оборот большого числа новых лиц, расширение границ ранее известных событий и приоткрытие многих новых граней, значительно обогащающих наши знания в этом вопросе.

Составители не считали вправе вмешиваться в стиль и последовательность изложения авторов воспоминаний, осуществили лишь допустимую источниковедением правку. В самых необходимых случаях вставлялись для связи пропущенные обороты речи, обычно опускаемые в устном рассказе. Все подобные дополнения, как и сокращения, сделанные составителями, взяты в квадратные скобки [...]. Неточности, ошибки или неясности в изложении событий поправлены или пояснены в комментариях и примечаниях. Сохранение индивидуальных особенностей каждого мемуарного источника диктуется не только принципом археографии и нормами научной публикации, но и позволяет специалистам смежных наук найти в них материал для социально-психологического, фольклористического, лингвистического и других анализов и обобщений.

Сборник составлен и прокомментирован сотрудниками лаборатории — Л. Г. Олтаржевской, Т. А. Перцевой, В. П. Шахеровым и Л. В. Шаповой. Научно-справочный аппарат подготовлен при участии научно-исследовательской группы студентов — Е. Кузьминой, Е. Игнатьевой, Л. Калашниковой, В. Антоника, В. Рябцева, В. Черненко.

Выходом в свет сборник обязан прежде всего авторам воспоминаний и владельцам документов и писем, передавшим ценные для науки источники личного происхождения для публикации и последующего постоянного хранения в государственных архивохранилищах. Из невошедших в настоящий сборник, но использованных в той или иной степени при комплектовании публикуемых источников, составители с благодарностью отмечают воспоминания Н. И. Красноштанова, Е. С. Корзенникова, И. Ф. Арбатского, С. Т. Нетесова, С. Г. Таюрского, М. В. Кузнецова, Г. Ф. Гомзякова и мно-

гих других. Особо необходимо отметить участие в подготовке сборника ленских краеведов, передавших часть собранных ими источников в пользование лаборатории и оказавших помощь в экспедиционных исследованиях.

Издание настоящего сборника будет лучшей памятью борцам за Советскую власть в Сибири, отдавшим за нее жизнь, выражением признательности еще живущим и наглядным свидетельством научного и общественно-политического использования источников по истории нашего родного края.

С. Ф. КОВАЛЬ

В. Т. Агалаков

Установление Советской власти в Приленском крае

В годы революции и гражданской войны В. И. Ленин придавал большое значение Сибири, огромной восточной части России, за которую пришлось вести тяжелую борьбу с белогвардейщиной и интервенцией. В. И. Ленин считал, что без советской Сибири не может быть сильной Советской республики. Сибирские крестьяне оказали героическое сопротивление¹ буржуазии, «помогли нашей Красной Армии побить Колчака»². Важное место в революционных событиях в Восточной Сибири принадлежало Приленскому краю, на тысячи километров протянувшемуся от Прибайкалья далеко на север, в глубь Якутии. Приленье связывает Якутию с сибирскими центрами и всей страной. До революции здесь пролегал путь ссыльнопоселенцев, после февраля 1917 г. многие из них тем же путем возвращались обратно. И само Приленье являлось местом ссылки. Через Лену оказывалась помощь большевикам и трудящимся массам Якутии, которые в трудных условиях боролись за власть Советов. В период временного торжества белогвардейщины в этом районе свирепствовали карательные эсэро-колчаковские отряды. Приленский край занимал особое географическое положение, что не могло не влиять на классовую борьбу в Сибири. Основная часть населения Приленья — крестьяне. Они занимались земледелием, скотоводством. Важное значение имели такие промыслы, как рыболовство, охо-

¹ См.: Ленин В. И. Ответ на вопросы американского журналиста. — Полн. собр. соч., т. 39, с. 115.

² Ленин В. И. К товарищам красноармейцам. — Там же, с. 232.

та. Классовый антагонизм старой деревни в полной мере проявился и на Лене. Приленская беднота стояла за Советы, середняки продемонстрировали незрелость, колебания, но в конце концов повернули в сторону Советов, кулаки и шедшие за ними зажиточные крестьяне были противниками пролетарской власти. На Лене во время революции существовали уже довольно крупные населенные пункты: Киренск, Верхоленск, Жигалово, Усть-Кут, Качуг и др. в пределах Иркутской губернии. Сложились и развивались отряды рабочего класса. Наиболее значительным в Приленье был отряд рабочего класса на Ленских золотых приисках, где в 1912 г. произошла знаменитая забастовка. Рабочий класс формировался на Усть-Кутском солеваренном заводе, на ленских пристанях и пароходах, на строительстве Илимского тракта и т. д. Возникали лесопильные, кирпичные, промысловые предприятия, различные мастерские. Постепенно росло пароходство: к 1917 г. в Ленском бассейне насчитывалось 37 пароходов и 107 барж³. Речной транспорт широко использовался на Лене в период гражданской войны.

Безусловно, промышленность в Приленском крае была развита в общем-то слабо, но, несмотря на это, рабочий класс и здесь являлся ведущей силой революции. На местах формировались и крепились большевистские организации и группы. Большую роль играли бывшие ссыльные большевики.

В настоящем сборнике воспоминаний и других источников рассказывается о событиях Октябрьской революции и гражданской войны в основном в Приленских районах Иркутской губернии, частично Якутии. История борьбы за власть Советов в Якутии изучена довольно хорошо⁴. Слабее прослежен и обобщен ход этой борьбы в Иркутском Приленье. Материалы по этому региону, конечно, публиковались. Революционных событий в крае касались исследователи, мемуаристы, очеркисты. Большое внимание закономерно уделялось и уделяется Ленским приискам. В сборнике статей и воспоминаний «Горняки Сибири в революции», изданном в Новосибирске в 1927 г., приведены довольно краткие сведения о периоде 1917—1920 гг. в Бодай-

³ См.: Колесов Г. Г., Потапов С. Г. Советская Якутия. М., 1937, с. 250.

⁴ См.: Новгородов А. И. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Якутии. Новосибирск, 1969.

бинском районе. Более полная подборка материалов содержится в сборнике документов «Ленские прииски» (М., 1937). Правда, в этом сборнике слабо отражен вопрос о восстановлении власти Советов после колчаковщины. В 20—30-е гг. были опубликованы журнальные очерки о революции в Бодайбо (авторы Н. Мирный, С. Щербинин, Н. Юдин и др.). Историки Ленских событий 1912 г. нередко доводили рассказ о приисках до времен гражданской войны. Автор очерков по истории золотой Лены И. П. Шарапов, наоборот, выпустил из поля зрения Октябрь и утверждение Советской власти на приисках⁵. В книге «Предвестник революционной бури», изданной к 50-летию Ленского расстрела, дан краткий обзор борьбы за власть в районе Бодайбо с 1917 г.⁶ Но авторы ошибочно написали, что отряд под руководством А. С. Рыдзинского ликвидировал в Якутске контрреволюционное восстание «и восстановил в Якутии власть Советов». Не может быть речи о восстановлении Советской власти в Якутии силами отряда, потому что до этого там ее и не было. Можно говорить только об установлении Советской власти летом 1918 г. Кстати, отдельные мемуаристы также ошибочно говорят о восстановлении в то время власти Советов в Якутии.

О борьбе за Советскую власть в Верхоленском и Киренском уездах в 20—30-е гг. опубликовано лишь несколько небольших газетных и других статей⁷.

С 1957 г. существенно увеличилось количество изданий об Октябре и гражданской войне. В сборнике документов «Борьба за власть Советов в Иркутской губернии», выпущенном в этом же году, помещены интересные документальные материалы об утверждении Советов, организации новой власти, состоянии производства, формировании вооруженных сил в Бодайбинском районе в первой половине 1918 г., о помощи Центросибири и Бодайбинского ЦИКа трудящимся Якутии по установлению там Советской власти. Районы Верхоленска и Киренска в сборнике почти не показаны. Борьба с белогвардейщиной на Ленских приисках и у Киренска описана в воспоминаниях активных участни-

⁵ Шарапов И. П. Очерки по истории ленских золотых приисков. Иркутск, 1949, с. 186—190.

⁶ Предвестник революционной бури. Иркутск, 1962, с. 116.

⁷ См.: Борьба за власть Советов в Восточной Сибири: Библиографический указатель. Иркутск, 1962.

ков революции И. А. Захарова и Н. И. Копылова⁸. Партизанское движение в Приленье, действия Северо-Восточного партизанского фронта в ангаро-ленском междуречье и восстановление власти Советов отражены в документах сборника «Борьба за власть Советов в Иркутской губернии 1918—1920 гг.» (Иркутск, 1959). Этим же историческим событиям посвящены воспоминания видных партизанских руководителей В. К. Брума, Н. В. Дворянова, С. Я. Романова и др.⁹

Сведения о борьбе за власть Советов в Приленском крае приводятся в работах историков А. Г. Солодянкина, И. Д. Дубины, В. С. Познанского¹⁰ и др.

Настоящий сборник, результат многолетнего коллективного поиска, состоит в основном из воспоминаний рядовых участников и очевидцев революции и гражданской войны. Он позволяет взглянуть на события огромной важности с точки зрения обычного труженика, увидеть массовость движения за победу нового строя, ощутить перемены в настроениях масс, почувствовать возрастающую революционную энергию рабочих и крестьян. Массы сами проявляли инициативу, брались за дело, выдвигали своих вожаков. Все это движение было подчинено великой цели, направлялось большевистской партией. Материалы сборника дают возможность узнать новые факты героической борьбы трудящихся, лучше представить белогвардейско-колчаковский террор на местах, становление советских организаций.

Борьба за власть Советов в Приленском крае, как и в других районах Сибири, прошла через несколько этапов. Первый этап — установление и укрепление Советской власти в 1917 г. и первой половине 1918 г. Весть об Октябре пришла и на далекую Лену. Органы свергнутого буржуазного правительства, партии эсеров и меньшевиков всеми силами противодействовали революции. 29 ноября 1917 г. объединенное заседание Советов Бодайбо и присковского района, на котором верхо-

⁸ См.: Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии: Воспоминания. Иркутск, 1957.

⁹ См., например: Годы огневые, годы боевые: Сб. воспоминаний. Иркутск, 1961; Дворянов Н., Дворянов В. В тылу Колчака. М., 1966.

¹⁰ См.: Солодянкин А. Г. Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. Иркутск, 1960; Дубина И. Д. Партизанское движение в Восточной Сибири в 1918—1920 гг. Иркутск, 1967; Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917—1918 гг. Новосибирск, 1973.

водили меньшевики и эсеры, приняло контрреволюционную резолюцию о неподчинении ленинскому Совнаркому¹¹. Но уже 21 декабря 1917 г. бодайбинская газета «Ленская тайга» сообщала, что «большевики здесь достигли громадных успехов среди населения». Вскоре, в январе 1918 г., власть Советов на приисках утвердилась. Был образован Центральный исполнительный комитет Советов, высший орган золотопромышленного края. Началась работа по мобилизации приисков на службу революции, готовилась их национализация. Создавались отряды Красной гвардии. У власти в Бодайбо стояли видные большевики: К. А. Мальцев, П. Я. Поручиков, Я. С. Щербинин. Воспоминания дают новые штрихи к портретам этих революционеров, новые сведения о первых Советах.

В январе 1918 г. революция победила в Верхоленске и ряде других пунктов Приленья. Образовался плацдарм для продвижения революции на север, в Якутию, открылся путь для оказания помощи якутским трудящимся.

Особо важное значение имеют данные о советизации сибирской деревни. Большой интерес, например, представляют помещенные в сборнике воспоминания Г. П. Сухарева. Г. П. Сухарев, сохранивший воспоминания о верхоленской деревне в годы революции, свидетельствует, что трудовое крестьянство с радостью встретило известие об Октябрьском восстании, одобряло советские Декреты о земле, мире, власти. «В деревне было приподнятое праздничное настроение», — вспоминает он. В марте 1918 г. состоялся Верхоленский уездный съезд Советов, который высказался за новую власть и избрал уездный исполнительный комитет. Председателем исполкома стал известный в этих местах революционный работник П. К. Толмачев. Г. П. Сухарев сообщает о создании первого сельского Совета в деревне Картухай (Куртухай). Во главе сельсовета был крестьянский активист, «пионер всего нового» Н. А. Бурков. О возникновении низовых Советов в Качуге, Жигалово вспоминает Я. А. Гробовский (см. настоящий сборник). М. И. Пешков, участник событий в Киренске, также отмечает, что в 1918 г. «в деревнях создавали Советы». Каждый новый факт о сельских

¹¹ См.: Ленская тайга, 1917, 12 дек.

Советах ценен для уяснения общей линии советизации деревни.

Второй этап борьбы за власть Советов в Приленье относится к лету 1918 г., когда чешско-белогвардейский мятеж охватил всю Сибирь. В Приленский край были двинуты хорошо вооруженные белые отряды Растамашвили, Красильникова. Подняли голову местные белогвардейцы. На Лене действовали отряды красных войск под командованием А. С. Рыдзинского, А. Б. Стояновича, Т. М. Алымова и др. В сборнике даются яркие характеристики этих подлинных героев революции. На борьбу с белыми бандами направлялись рабочие и беднейшие крестьяне. Ленские прииски выставили до 600 вооруженных бойцов.¹² Ожесточенные бои развернулись на Киренском фронте. Материалы сборника показывают, что не сразу белогвардейские атаманы справились с вооруженным сопротивлением трудящихся Приленья. Борьба продолжалась около двух месяцев. Но в конце концов общее соотношение борющихся сил, военно-технический перевес врага определили временное поражение Советов. 15 августа 1918 г. белогвардейцы захватили Бодайбо.

Озверевшие белобандиты буквально залили кровью Ленский край. В общем это было известно и раньше, но в сборнике воссоздаются дополнительные картины бело-эсеровских злодеяний. Белогвардейцы расстреляли Т. М. Алымова и других работников Киренского и Качугского Советов, десятки советских людей, красногвардейцев. Особенно жуткую картину представляет рассказ о расстреле членов Верховенского уездного Совета. В муках погибли председатель Совета П. К. Толмачев и многие его соратники. Зверства белогвардейцев не могли привести к повиновению местное население. Борьба не прекратилась, а, наоборот, вступила в новую фазу.

Третьим этапом движения за Советы в Приленских районах следует считать борьбу, главным образом, против колчаковского режима осенью и зимой 1918 г. и в 1919 г. В. И. Ленин говорил: «Колчак дал нам миллионы сторонников Советской власти в самых отдаленных от промышленных центров районах, где нам трудно было бы их завоевать»¹³. Это ленинское обоб-

¹² См.: Ленские прииски. М., 1937, с. 486.

¹³ Ленин В. И. Речь перед слушателями Свердловского университета, отправляющимися на фронт, 24 октября 1919 г. — Полн. собр. соч., т. 39, с. 241.

щение прямо относится к Ленскому краю. В данном сборнике нашел отражение процесс политического воспитания немалой части трудящихся. Так, коренной житель Киренского уезда В. П. Арбатский рассказывает: в 1917 г. созывались разные митинги, «а мы, народ темный, не понимали ничего, агитаторов приезжих не было», через два же года, в 1919-м, «здесь пошла заваруха, кругом восстания, офицеров всех перестреляли». «Темный» народ превратился в решительных борцов с распоясавшейся белогвардейщиной.

В январе 1919 г. в Бодайбо произошло антиколчаковское восстание. Оно являлось одним из множества восстаний, прскатившихся тогда в Сибири. В восстании участвовали рабочие и часть солдат. Вначале восставшие добились успеха, но вскоре колчаковцы оправились, подтянули силы. Восстание, не имея опытного руководства и не получая помощи, не могло долго продолжаться. Колчаковцы жестоко подавили восстание, многих повстанцев казнили. В восстании проявились исключительный героизм молодых рабочих и одновременно слабая организация, неопытность, поспешность выступления. Но оно имело большое значение: нанеся удар по врагу, восставшие приобрели опыт, оно отозвалось в сердцах всех честных людей таежного края, звало на борьбу.

Движение трудящихся масс развернулось под руководством большевистской партии, что придавало борьбе организованный характер, ставило ясные задачи и цели. Повсеместно формировались подпольные большевистские ячейки и группы. И. С. Канин, например, вспоминает о подпольной организации в Жигалово, сообщает некоторые моменты ее деятельности. В рассказах других свидетелей и участников событий речь идет о работе большевиков в партизанских частях, среди колчаковских солдат и т. д. Конечно, рядовые борцы за Советскую власть не могли знать о размахе партийной работы в масштабе всей губернии или ее северной части, но их показания дополняют наши представления о большевистских организациях Иркутской губернии в те годы в целом.

Вторая половина 1919 г. знаменуется сильным развитием партизанского движения. Одним из крупных партизанских районов становится Ангаро-Ленский, где действовали отряды партизан под руководством Н. А. Бурлова, Д. Е. Зверева и других командиров.

Отряд Д. Е. Зверева продвигался в направлении на Усть-Кут. Осенью 1919 г. создается Северо-Восточный партизанский фронт, который протянулся от Николаевского Завода через Братск до района Усть-Кута. Восточное крыло фронта упиралось, таким образом, в Приленье. Главкомандующим фронтом был избран видный партизанский деятель Д. Е. Зверев. Высшим органом власти на освобожденной фронтом территории являлся краевой Военно-революционный Совет, переименованный позднее в Центросовет. Партизанские части фронта завязали бои за Усть-Кут, стратегически важный пункт с перевалочной пристанью на Лене и крупным телеграфным узлом. Колчаковцы сильно укрепили Усть-Кут. 13 ноября 1919 г. после упорного кровопролитного боя партизаны освободили Усть-Кут. Выйдя на Лену, Северо-Восточный фронт отрезал северную часть от основной территории Сибири. Одна группа партизан двигалась вниз по Лене в сторону Киренска, другая — вверх по реке к Жигалово. Партизанское движение охватило весь Приленский край. В публикуемом сборнике зафиксированы многие моменты и факты этого движения. Интересны сведения о вооружении партизан, о переходе бывших колчаковских солдат на сторону повстанцев, братании с партизанами. Более подробно, чем прежде, освещена история Боярского восстания (см. воспоминания Н. И. Высоких, Г. Е. Зырянова). В начале декабря в карательном отряде Колодезникова в дер. Боярской восставшие солдаты перебили ненавистных офицеров и перешли на сторону партизанского отряда Д. Е. Зверева. Это был немалый успех: сильный отряд белых стал советским. Воспоминания рисуют организацию солдатского выступления, связь солдат с местным населением и партизанами и, наконец, довольно подробно само восстание. Восставший отряд получил наименование Боярского партизанского полка. Одно за другим вспыхивали народные восстания в Приленье — в Марково, Макарово и других местах. В воспоминаниях об этих восстаниях также выявляются некоторые новые данные.

Ход классовой борьбы привел в декабре 1919 г. к победоносным восстаниям в Жигалово, Верхоленске, Киренске, Бодайбо и многих других крупных и важных населенных пунктах. Следует напомнить, что основной, сокрушающий удар по колчаковским полчищам нанесла регулярная Красная Армия, части которой

приближались к Иркутской губернии. Но тем не менее и партизанские соединения, и рабочие дружины в тылу белых внесли свой существенный вклад в общую борьбу. 10—11 декабря поднялись на борьбу с колчаковцами рабочие Жигалово, на помощь им подошли партизаны. Через несколько дней колчаковцы вынуждены были оставить Верхоленск: здесь также восстало население. Под руководством большевиков 17 декабря началось восстание в Киренске, 20 декабря в город вступили части Северо-Восточного партизанского фронта. В декабре власть Колчака была свергнута и в Бодайбо. Тогда же примерно пала власть белых в Якутске. Вскоре вспыхнуло восстание в Иркутске. Таким образом, к концу 1919 г., еще до подхода регулярной Красной Армии, огромная территория Ленского края освобождается от колчаковцев. Это — результат героических усилий рабочих и трудящихся крестьян, их союза, окрепшего в годы гражданской войны, результат деятельности партии коммунистов.

Четвертый этап борьбы за Советскую власть в Приленье — конец 1919-го — начало 1920 г. В этот период происходит восстановление Советских органов власти, делаются первые, после разгрома колчаковщины, шаги в советском строительстве. Материалы сборника еще раз показывают цели движения масс в 1918—1920 гг., стремление к восстановлению утраченной в 1918 г. народной власти. В освобожденных районах создавались военно-революционные комитеты или Советы, созывались съезды Советов. К 22 декабря 1919 г. сформировался Верхоленский уездный военно-революционный комитет во главе с Г. В. Пуляевским¹⁴, затем В. М. Михайловым. Военревкомом утверждалось, что «вся власть — исполнительная и административная должна принадлежать Советам»¹⁵. Возникли Жигаловский, Тутурский и другие ревкомы. 18 декабря был сконструирован Киренский ревком (исполком), председателем которого стал В. Г. Никольский, один из организаторов Советской власти в уезде. В конце января 1920 г. открылся Киренский уездный съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Председательствовал на съезде старый большевик Н. А.

¹⁴ См.: Борьба за власть Советов в Иркутской губернии. 1918—1920 гг. Иркутск, 1959, с. 196.

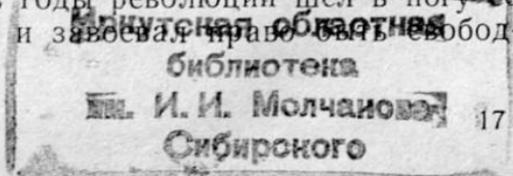
¹⁵ Иркутская партийная организация в восстановительный период: Документы и материалы. Иркутск, 1960, с. 64—65.

Алексеев, соратник В. И. Ленина. Съезд заседал длительное время, рассмотрел многие вопросы уездной жизни, закрепил власть местных Советов. Военревкомы, ревкомы, Центросвет на Северо-Восточном партизанском фронте были временными чрезвычайными органами, рожденными чрезвычайной обстановкой гражданской войны. После прекращения военных действий, по мере нормализации обстановки они передавали власть обычным выборным Советам депутатов и упразднялись.

Становление Советской власти на Лене происходило в сложных условиях. В феврале 1920 г. через Ленско-Байкальский район прошли отряды каппелевцев, неся с собой вновь смерть и разрушения. Ряд воспоминаний и других материалов сборника посвящен этим событиям. Ленским партизанам и дружинам снова пришлось сойтись в бою с жестоким врагом. Противник располагал еще значительными силами. Белыми отрядами командовали генералы Сукин, Галкин, Перхуров и полковник Казаков. Кроме приленских партизан с находившимися каппелевцами вели бои партизаны Н. А. Бурлова и Н. А. Каландаришвили. Каппелевцы стремились пробиться за Байкал и соединиться там с семеновцами. Но удалось это далеко не всем. В боях в Приленье каппелевцы были разгромлены, часть попала в плен. Многие солдаты белой армии, видя бесперспективность дальнейшей борьбы, принимали предложение партизан сложить оружие. Часть белых все же ушла в Забайкалье.

Итак, в Приленском крае, как и вообще в Сибири, несколько лет шла упорная борьба за власть. Но победа Советов еще не означала, что борьба уже закончилась. Появились белокулацкие банды Черепанова, Большедворского и других главарей. Борьба с политическим бандитизмом в Иркутской губернии изучена еще слабо. А между тем это один из острых моментов классово-партийной борьбы вообще. В 1920-м и в последующие годы немало сил ушло на ликвидацию бандитизма. В сборнике уделено значительное внимание этому вопросу по районам Приленья. Ликвидация бандитизма явилась по существу еще одним этапом движения за Советскую власть.

В целом настоящий сборник позволяет заключить, что Приленский край в годы революции шел в ногу со всей огромной страной и завоевал право быть свободным и счастливым.

**РЫДЗИНСКИЙ
АПОЛЛИНАРИЙ СТАНИСЛАВОВИЧ**

А. С. Рыдзинский¹ (1880—1960) родился в Варшаве, в семье рабочего. В революционном движении принял участие с конца 90-х гг. XIX в. В 1905 г. был членом военно-революционного комитета в Севастополе, затем вел революционную работу в Лодзи и других польских городах. С 1906 г. член партии СДКПиЛ (Социал-демократия Королевства Польского и Литвы). Февральская революция застаёт его в Сибири, в г. Сретенске. В 1918 г. по постановлению Центросибири возглавил интернациональный отряд Красной гвардии. В июне 1918 г. его отряд освобождал от белогвардейцев Якутск, а затем действовал на Киренском фронте. Был арестован белогвардейцами в 1918 г. и просидел до января 1920 г. в иркутской тюрьме. По окончании гражданской войны работал в СССР, занимая ответственные посты в народном хозяйстве и торговле. (Рыдзинский А. С. Отрывки из воспоминаний. — В кн.: За Советскую власть в Якутии. Якутск, 1957²; Борьба за Советскую власть в Якутии. — Вопр. истории, 1967, № 8).

Декабрьские события в Иркутске произошли тогда, когда стало окончательно известно об октябрьском перевороте в Петрограде. Раньше не было известно, потому что мешала власть, а она была в руках эсеров и меньшевиков. Городским комиссаром был Тимофеев, губернским — Кругликов. Существовало окружное бюро³, где, за исключением двух-трех человек, большинство были меньшевики и эсеры, во главе с меньшевиками Гольдманом, Чиркуновым, эсерами Краковецким, Яковлевым. С одной стороны, окружное бюро тоже фактически не представляло власти, а было как бы помогающим органом, представительством от народа, а властвовал [в действительности] комитет эсеров и меньшевиков. С другой стороны, это бюро укрепилось сильными большевиками Красноярской организации [во главе] с Окуловым, Виленским, Янсоном и целым рядом других. Они поставили вопрос об установлении Совет-

ской власти. В Иркутске было тогда три юнкерских школы. За большевистскую организацию была часть гарнизона. Часть юнкеров и часть командного состава и офицерства была за эсеров. Эсеры поставили ультиматум окружному бюро: выпускникам юнкерской школы дать полное обмундирование подпоручика, вооружение и трехмесячное офицерское жалование⁴. Окружное бюро [впоследствии], состоящее из большевиков, воспротивилось этому. Голосованием на последнем заседании отклонили требования юнкеров и эсеров. Тогда эсеры и меньшевики сказали: «Если вы голосованием не провели, то [мы вас] силой заставим». Было 8 декабря 40 градусов мороза. Вышли мы из [здания] окружного бюро и на улице встретились с юнкерским отрядом, расставленным по городу. Начались повальные обыски и выступления юнкеров.

Первое нападение произошло на дом бывшего губернатора, где заседало окружное бюро и там остались товарищи⁵. Дом был окружен, наши товарищи отстреливались несколько дней. Первые дни борьбы показали, что на нашей стороне больше сил, юнкера попрятались по домам и от наступательной борьбы перешли к обороне. Заняли более крупные каменные дома и начали отстреливаться. Бои шли восемь дней. Несколько дней во главе революционных сил был Борис Шумяцкий⁶ и впоследствии расстрелянный Дмитриевский⁷. Бои [были] кровопролитные. Штаб несколько раз предлагал замирение. Сначала эсеры не шли [на соглашение], но впоследствии сами выбросили белый флаг, выслали парламентариев. После боев началась организация Советской власти. Было расширено окружное бюро, куда вошли: Трилиссер, Шевцов, Прокопьев, Сафонов, Лазо, Сташевский, Лисов (?), Гаврилов.

После организации [органов] Советской власти началась организация Красногвардейских отрядов. Первоначально это была самостоятельная организация разных национальных отрядов. Грузинский отряд был организован через* известного Караева. Он фактически назывался анархическим отрядом. Позднее Караев перешел на сторону Семенова и расстреливал, убивал наших⁸. Второй отряд был организован Каландаришвили, смешанный, затем — польский отряд. Поляки, служившие в старой царской армии, в Сибири были собраны

* Так в подлиннике, имеется в виду — с помощью.

во главе с полковником Бурхардом и генералом Свенцицким. Был организован «военный союз». Он фактически носил мирную вывеску, что это «союз поляков для организации, чтобы в удобный момент добраться до отчизны». Какие у них задания [...] — это было неизвестно. Господа офицеры были в резерве, а в подходящий момент могли быть организованы и пущены против Советской власти. В этот момент местные партийные организации и польский партийный комитет, во главе которого стоял расстрелянный [впоследствии] Ласевич, послали меня в отряд, чтобы сделать отряд большевистским.

Я проработал в течение двух-трех месяцев. За это время убрали полковника Бурхарда, Свенцицкого и переделали отряд на большевистский. Отряд был подготовлен, чтобы выступить на защиту Советской власти.

Я помню один момент, когда анархический отряд выступил против Шевцова и Трилссера, имея задание ликвидировать Советскую власть. Им не нравились появившиеся дисциплинированные отряды Красной гвардии, как наш и Зотова (Зотов — это первый начальник организации Красной гвардии в юнкерских казармах)⁹. Мне пришлось повести бой с Караевым. Дело дошло чуть ли не до настоящих боев — мы в окнах выставили пулеметы и поставили караул. Когда они, [караевцы], увидели, что отряд подготовлен [к обороне], сделали нападение на милицию. Милиция также была поставлена нами [в известность], во главе [ее] стоял Дулгашевский, бывший политкаторжанин, впоследствии известный адъютант Пилсудского.

[Когда] Караев сделал нападение, произошла короткая схватка с милицией, а головка [ее] удрала. Отряд Караева куда-то выслали, а вслед за этим пришло донесение из Бодайбо, что они [бодайбинцы] отрезаны от Якутска, что продукты не присылают: и что есть организованные белые отряды, выступившие против Советской власти и не пропускающие пароходы с продовольствием¹⁰. Им предложили организовать военный отряд и выступить против Якутска. Бодайбинцы дали ответ, что сами не могут этого сделать, так как не имеют вооружения, и предложили Иркутску послать отряд, а они присоединятся со своим и общими силами выступят против Якутска и свергнут белую банду.

Постановлением Иркутского комитета наш отряд был назначен свергнуть власть белых в Якутске. К это-

му отряду был частично присоединен отряд (фамилию [командира] не помню), который прибыл из Петропавловска¹¹. До Качуга ехали на автомобилях с разными препятствиями и очень долгое время, потому что шоферы были эсерами, контрреволюционерами и по дороге все машины портили. Наконец, добрались, и в Качуге в отряде оказалось несколько офицеров, которые хотели [уничтожить большевистское руководство], забрать казну, ликвидировать весь отряд. Этого им не удалось сделать. Открыли одного главного руководителя — отослали в Иркутск. Затем спустились до Киренска, [где] просили дать пароход, чтобы добраться до Якутска. В Иркутске было смутное представление [о том], что делается в Якутске, какие силы [белых] — неизвестно. Говорили разное, что силы огромные, много офицеров, много командиров, многие наши расстреляны, сидят в тюрьме. Большую ясность внес Виленский, который мне сказал, как там [обстоят дела]¹². Он сказал, что там около 500 человек, преимущественно якуты, хорошие стрелки.

Я с самого начала решил, что мы так должны дойти до Якутска, чтобы там не было известно [о нашем отряде]. И отчасти нам это удалось. Мы дошли до Якутска и там не было известно, что идет отряд больше 300 человек. [В Киренске] мы достали пароход «Соболь». Капитан парохода был старый швед Фок. Он пошел навстречу нам, сказал, что он поедет. Его заместитель, известный каторжанин Езерский, настроенный против Советской власти, вначале отказался, но видя, [с одной стороны], наше боевое настроение, и, с другой стороны, решительное требование Фока, согласился поехать. Кроме того, часть рабочих из команды, находящаяся под влиянием меньшевиков и эсеров, заявила, что не поедет воевать против своих братьев, «против власти, которая находится в Якутске». Я потребовал у местного начальника гарнизона Лангалова, чтобы он повлиял на них. Но он сказал, что ничего не выйдет, [что] команда дальше ехать не желает. Впоследствии оказалось, что он сам был в их рядах. Тогда я взял с собой Лесневского Кательде¹³ и кого-то из своего отряда, пошел в порт и в течение 15 минут говорил с командой, после чего сказал: «Если не помогут слова, то помогут винтовки». Этими словами воспользовались эсеры и стали упрекать нас: «Угрожаете., вот тебе и Советская власть» и т. д. Но наше заявление внесло некоторый

раскол среди команды и часть согласилась поехать, за ними и остальные.

Хочу обратить внимание на один инцидент. В январе был направлен [из Иркутска] небольшой отряд (человек 16—20), который в Киренске сделал большие бесчинства: много [ими] было убито и т. д. На Лене представление было такое, что советские отряды — это только грабители. А мы были настолько хорошо снабжены продовольствием (мы снабжались в Качуге и Иркутске), что у крестьян по дороге никто ничего не брал. Каждый из красногвардейцев получал жалованье два рубля в день, в отряде была строгая дисциплина. Категорически запрещалось продавать [красногвардейцам] водку, пить и что-нибудь брать без денег.

И такой случай был в Киренске — два красногвардейца пошли в город. Вдруг (я был на берегу) слышу: «Отряд приехал и грабят». Я немедленно решил выяснить, кто грабит. Послал Лесневского выяснить, в чем причина. В скором времени Лесневский приходит и говорит: «Женщина плачет. Два красногвардейца вошли в комнату и просили [у нее] молока (а потом выяснилось — не молока, а водки), она пошла в кладовую принести молока, а за это время они утащили карманные серебряные часы со стенки». Поднялся вой женщины. Я предложил привести [бойцов], выстроил отряд, говорю: — «Кого не хватает?» — «Королева и еще кого-то». Их разыскали. Женщина говорит: «Они». Я подхожу и спрашиваю: «Вы?» Королев признался. Я спрашиваю: «Где часы?» Он говорит: «Под кустом спрятаны». Часы вернули [хозяйке]. Я созвал короткое совещание, где и постановили их [виновных] ликвидировать. Королев говорит: «Вот этот не виноват, а это сделал я...» И мы ликвидировали Королева. Это имело такое большое значение для киренских жителей, что [после этого случая] они стали говорить: «Советская власть дерется [даже] за такую мелочь, они не дают грабить». [...] А батюшка с крестом пришел и просил отдать тело убитого.

Мы сели на пароход и добрались до Витима. Там стояли недолго и встретились с отрядом бодайбинцев под командованием Стояновича¹⁴. О нем я слышал, что он был бывший сербский офицер. У меня была надежда на то, что руководства [теперь] будет больше.

Из Витима мы направились единым отрядом¹⁵. У них

был один пароход, у нас два парохода и два катера. И так мы добрались до Олекмы.

Тактика у нас была такая: я вперед пускал катер за две-три версты ниже остановки с целью перерезать телеграф. Когда мы приезжали на какую-нибудь станцию, [белые] хотели дать [своим] знать, но не могли, так как телеграф был перерезан. Когда приехали в Олекму, — сделали так же. Несколько человек, представители власти, были вооружены, мы их арестовали и во главе оставили Лесневского с отрядом в пять-шесть человек. Оттуда направились дальше. Нас предупредили, что за Олекмой есть щеки — это высокие горы. Капитан Бондалетов поднялся [туда] с отрядом и нас там встретит¹⁶. Я выслал разведку с катером. Катер прошел вперед, не был обстрелян, и мы благополучно доехали до Покровска. Покровск лежит в 80 километрах от Якутска. В Покровске произвели ту же диверсию, как и было раньше, т. е. послали катер, посадили несколько человек и велели [...] объехать Покровск с другой стороны, спуститься на два-три километра, обрезать телеграф и начать наступать. Так и получилось. Когда они начали наступать, [белые] их приняли залпами; в Покровске был выставлен первый пикет. Там было один-два раненых, несколько арестованных, остальные разбежались. Мы взяли Покровск. С нами были Мордвинов¹⁷, Гладунов¹⁸ и один телеграфист. Я им предложил соединить телеграф. Соединили. Пришли на телеграф, там [обнаружили] ленту. Прошу ее прочитать. Телеграфист читает: «Идет на другой стороне лодка, с какими-то людьми (сообщалось в Якутск), лодка приближается к нам, после прибытия к берегу сообщу, что на лодке и что за люди...» Эта лента осталась, а когда началась стрельба, то их телеграфисты начали давать отзыв и сообщать в Якутск, что здесь военный отряд, но телеграф был перерезан. Я совместно с телеграфистом выяснил, какой [был условный] сигнал, вызвал Бондалетова и сообщил: «Лодка прибыла. Научная экспедиция из Иркутска направляется в Якутск». Дальше мы сообщили, что экспедиция в числе пяти человек, из них две женщины и трое мужчин. Такую телеграмму дали, обрезали проволоку и проехали до станции Табаги (20—30 километров от Якутска). Там встретили Васильева, который обрисовал положение — кто сидит в тюрьме, как надо подойти, чтобы их освободить, сообщил о том, что есть намерение «ликвидировать всех на-

ших»¹⁹. Я, правда, откровенно должен признаться, не доверял ему, а больше верил Гладунову. Но все-таки принял во внимание, дал указание составить небольшой отрядик на двух катерах (человек 25-26), во главе с т. Одишария²⁰. Дал я ему пулемет, ручные гранаты и велел объехать все островки кругом за Якутском и спуститься на два-три километра, начать наступление на тюрьму, подойти к тюрьме, обезоружить охрану и ждать сигнала, и когда услышат сигнал из бомбомета, то убить надзирателей и овладеть тюрьмой. А мы должны были наступать с другой стороны. Так и случилось. Бодайбинский отряд был с левой стороны, наш — с правого фланга, и так прошли от Табаги до Якутска. Интересно, 26 километров мы прошли в течение трех часов. Надо было не дать [белым] подготовиться. Я мобилизовал все подводы, которые были в Табаге, их было небольшое количество, так что на них могли посадить только часть отряда, а когда мы выступили к Якутску, отряд сократился — часть пошла в обход, а часть осталась на пароходе для охраны. Так как весь отряд составлял человек 120, не больше, а подвод можно было набрать на 40—50 человек, мы сделали таким образом: часть отряда села на подводы с вооружением и пошла вперед, а остальные пошли пешком. Те, которые были на подводах, доехали до определенного места, сошли с подвод и шли пешком, а в это время лошади отдыхали, и отряд, подтянувшись, сел на подводы и поехал*. [...] Когда подошли километра за два [к Якутску], то была допущена ошибка: красногвардейцы из бодайбинского отряда решили пойти по левой стороне, их задачей было отрезать Якутск. Из бодайбинского отряда кто-то пошел по берегу и натолкнулся на [белогвардейский] якутский пост. Началась перестрелка, и бодайбинцы [белых] положили. Поднялась тревога, и все узнали, что мы идем.

Если бы не это, то мы зашли и взяли бы город голыми руками. Нам рассказывали, что там ничего не ожидали и, когда поднялась тревога, то Бондалетов и начальник милиции выскочили в одном белье, это было в восемь часов. Когда мы подошли на близкое расстояние, то из домов приняли нас залпами. И тут все решила быстрота действий отряда, мы бежали бегом, километр прошли, остановились на минуту — пулемет прижал к земле, и опять вперед, до Якутска.

* Так в подлиннике.

В церкви на колокольне засели белогвардейцы и открыли ураганный огонь из пулемета. Командовал ими какой-то казачий офицер. Я приказал отряду Янковского захватить церковь, а сам пошел прямо в город. Белые были сняты с церкви, и мы ворвались в город. [...] Борьбу пришлось вести ожесточенную. Якутск — небольшой город, но каменный. В каменных зданиях якуты дрались, из церкви крýло* несколько человек, и они успели в отряде убить несколько человек — убили брата Королева — хорошего переплетчика, [...], Янковского²¹ и еще пять человек было убито. Когда мы захватили церковь, то вытащили несколько якутов, которые были на колокольне. Когда они вышли, я хотел их арестовать, чтобы выяснить, откуда они, но отряд был настолько разъярен, что на штыках подняли их наверх, и тут их положили. Я пошел в штаб. Мне сообщили, что очень плохо обстоит вопрос с казначейством. Я выскочил. С Котенко мы ворвались в здание казначейства, несколько человек ликвидировали, и на этом закончили бой.

А с тюрьмой сделали так, как было намечено по плану. На вышке сняли часового, ворвались в караульное помещение, бросили бомбу, наделали много шума. И все были освобождены. Те, которые сидели в тюрьме, даже имели приготовленные самодельные свинцовые гранаты. [...] Мы еще ликвидировали несколько человек в школе и [...] на почте. Таким образом, каждое помещение брали приступом, пока все не освободили. И с этого момента началась организация Советской власти. Мы со Стояновичем взяли лошадь и поехали вслед за Бондалетовым. Бондалетов и Клингоф²² удрали в лес, но было известно, куда они поехали. [...] Их забрали на другой стороне. И они были приведены и посажены в тюрьму. На другой день организовалась Советская власть, но мы здесь натолкнулись на очень интересное явление, достаточно опасное для молодой Советской власти — оружие попало в руки уголовных элементов. В Якутске было много их, и была опасность, что они начнут разбой. Об этом можно судить по одному случаю — один из уголовных типов ворвался в квартиру судьи для того, чтобы забрать свое дело. Судья ему не дал, выскочил в окно, он — за ним и застрелил [его]. (Конвасер — фамилия убийцы). На дру-

* Так в подлиннике, имеется в виду — стреляли.

гой день я дал распоряжение по городу, что должно быть сдано все оружие. Кто не сдаст, будет немедленно расстрелян. Был организован ревком и следственная комиссия, во главе которой стояла т. Виленская. А мне было поручено поехать на Алдан, где было много пушнины, и нужно было ее забрать, чтобы ее не разграбили. А с другой стороны, полагали, что на Алдане находится часть белогвардейского отряда, который туда удрал. Мы отправились на пароходе, осмотрели окрестности, но никого не нашли, кроме пушнины. Я оставил там известное количество работников, человек 20—30, и мы отправились обратно. [В Якутске] осталась часть из бодайбинского отряда, часть из иркутского. А мы поехали обратно. Когда мы доехали до Витима, часть из бодайбинского отряда поехала обратно, а Стоянович и другая часть выдержанных [бойцов] поехала вместе с нашим отрядом по направлению на Иркутск. Первую неприятную встречу имели под Чечуйском. Здесь мы были обстреляны отрядом, который подготовил засаду.

Наша ошибка была в том, что разведка недостаточно глубоко прошла, недостаточно глубоко просмотрела кругом [окрестности] и леса, они вернулись и сказали, что отрядов не было. Мы благополучно поехали дальше. Только отъехали несколько километров от Чечуйска, как под Александровском были обстреляны со всех сторон. На том пароходе, на котором ехал наш отряд, было убито два человека, рулевой бросил руль, и пароход выбросило на берег. Вслед за этим [то же] сделал и бодайбинский пароход, который стоял на середине. Мы вышли на берег, стали обсуждать, как быть. В это время появляется вновь прибывший командир бодайбинского отряда Худояров, который говорит: «Ничего не остается делать, давайте сдадимся, мы со всех сторон окружены белыми. Выхода нет, надо сдаваться». Я посоветовался с Щербининым²³ и предложил ему вывести Худоярова к кусту и здесь ликвидировать. Щербинин говорит: «Знаешь, он довольно популярный человек, может быть, он и правильно говорит, а может быть, ошибается.» Я согласился. Он говорит: «Взять его и отослать».

Мы решили Худоярова отправить. Оказалось, что я был прав и что он бывший офицер, поручик, и был изменником, его эсеровская организация прислала из Бодайбо, чтобы он внес дезорганизацию [в наш от-

ряд]²⁴. Его отправили, а под вечер мы выгрузились. На бодайбинском пароходе вернулись до Чечуйска, забрали вооружение и оттуда пошли пешком, и начали наступать на белогвардейский отряд. Но отряд оказался не таким страшным, как в первый момент. Первое наступление сделал Стоянович и был ранен, его вернули на пароход и отправили в Бодайбо. Тогда атаку начал я. Забрал Алексеевск, там было несколько человек убито. Прошли дальше, наткнулись на отряд Тотомашвили, [в бою] погибло семь человек, забрали два ручных пулемета и разбили этот отряд. Это так подействовало, что доехали до Никольска, и там нам сообщили, что Киренск заняли белые и больше продвигаться мы не можем. Они, [белые], засели на пароходе «Кушнарев»²⁵. Пароход «Кушнарев» был хорошим пароходом, бронированным. Мы же на берегу имели засаду и не могли подойти [к ним]. Они были хорошо вооружены и хорошо обстреливали, а у нас, [в отряде], произошел раскол, мы не имели связи с Иркутском. Из Иркутска власть отступала. Последнюю телеграмму я получил из Читы: «Держитесь, мы отступили, но скоро вернемся обратно». Больше телеграмм я не получал. Посоветовавшись с Щербининым, мы, чтобы не допускать раскола, под Никольском решили поставить вопрос о том, кому не нравится воевать, пусть выйдет из отряда.

Вновь установленная власть [белых] извещала нас о том, что большевики отступают. Между прочим, было подброшено письмо от Яковлева: «Сдавайся, дальше не воюй, тебе и твоим ребятам не будет преследования. Знай, что имеем твою семью как заложников»²⁶. Я дал ответ, что с негодьями говорить не хочу, мы не сдадимся и воевать будем дальше. Такое письмо было отправлено, и мы продолжали драться. В дальнейшем все это не действовало на отряд. После того, как нежелающие воевать покинули отряд, и учитывая то, что еще в дороге несколько человек было ранено и убито, в отряде осталось человек 60—70, а когда выходили, было 270 человек. После этого нагрянул отряд Растомашвили²⁷. Это эсеровский деятель, бывший секретарь Брешко-Брешковской. Этот отряд пришел одновременно с отрядом Красильникова (известный атаман, который сделал переворот)²⁸. Красильников прибыл с хорошо вооруженным отрядом молодых бойцов, преимущественно юнкеров и офицерства, объехал нас сзади, со сторо-

ны Киренска, и здесь мы были окончательно разбиты. Правда, разбиты были благодаря недостаточному вниманию нашего отряда. И у нас попадались изменники из тех, которые были в Никольске. У нас не было недоверия к ним. И за 8 дней, когда мы стояли в Никольске, они приходили, знакомились, выявляли нашу силу и мощь. И [как бы] между прочим бросали разные сведения о силах белых, о свержении Советской власти и т. д., т. е. проводили пропаганду, которая расстраивала отряд. Отряд Красильникова пришел 6 августа 1918 г. Они обстреляли пароход, на котором мы были. С этого парохода часть успела уйти, а на пароходе между другими остались Алымов из Бодайбо и Мойле из нашего отряда — они были уверены, что им удастся обратно по Лене уйти, но [команда] парохода была дезорганизована, их задержали и еще семь человек и расстреляли под Алексеевском²⁹. Мы со Щербининым и другими дошли лесом до Чечуйска, а там оказался отряд, который был послан нам на помощь³⁰. Но если бы он [при]был раньше, то оказал бы помощь, а то он пришел тогда, когда мы были разбиты и чуть не попали в руки Красильникова.

[...] В Чечуйске мы сели на пароход. Щербинин пошел пешком. Как он дошел, я не знаю. Когда мы дошли до Витима, там встретили отряд, который был послан на помощь [из Бодайбо]. Там был Левандовский и целый ряд других товарищей, которые постановили, что будут дальше драться. Одни говорили, что можно драться на углу Витима, где он впадает в Лену, другие не советовали, потому что вооружения было недостаточно. Постановили вернуться в Бодайбо и там дать бой. И когда возвращались в Бодайбо, постановили затопить железную баржу. Долго с ней возились, и в конце концов она так была неудачно утоплена, что съехала на бок и никакой задержки отряду [белых] не дала.

Мы приехали в Бодайбо. А в Бодайбо, после того как вся власть уехала [на фронт], меньшевистская верхушка подняла голову, [агитируя за то], чтобы сдать. И Поручиков был такого мнения, что драться незачем, мы все проиграли: «Советской власти нет и надо сдаваться». Мы порешили со Стояновичем и другими отправиться дальше. Разговоры были о том, как вывезти золото. Некоторая часть бодайбинцев считала: «Никакого разговора быть не может о вывозе, давайте разде-

лим, и дело в шляпе». Другие не допустили такого грабежа золота³¹. Мы отъехали вверх по Витиму, приблизительно [на] два километра от Бодайбо. Остановили пароход. Начало темнеть. Вдруг идет какой-то пароход. Я выскочил и сказал Стояновичу: «Давай, выйдем на берег». Потом спросил: «Какой пароход?» Он говорит: «Наверно, из Бодайбо идет». Мне что-то говорит о неприятном*. Пароход идет без огней и подходит вплотную к нам. На нашем пароходе стоит целый ряд бойцов — бодайбинцев и часть моих. На берегу мы стоим и слышим, кричат с нашего парохода: «Кто идет, стой!» Они подъезжают вплотную к борту парохода и открывают сразу из двух пулеметов огонь и сметают все. Только были слышны стоны умирающих. Убили одну сестру милосердия, три-четыре пули в грудь попали. Начали стрелять по берегу. Но здесь никто не был убит. Стоянович ушел в лес, я тоже пробрался. Но много было убито на пароходе. Когда они вплотную подъехали к пароходу, перекинули мостик и начали кричать: «Сдавайся, красная сволочь», [мы поняли] — это был отряд Растомашвили.

Мы со Стояновичем скрылись в лесу, но только он [ушел] в один конец, а я с одним красногвардейцем в другой, и так скитались 12 дней. Пошли на лесозаготовки. Ими заведовал какой-то эсер. Просили [у него] дать есть. Я ему свою фамилию не сказал, но сказал, что мы из отряда Рыдзинского. Принял хорошо, дал поесть, потом говорит: «Ребята, одевайтесь, я вас доведу до Красильникова, потому что есть такое распоряжение, если я вас не сдам, то меня притянут». Я думаю, если ты повезешь нас, то спустим с лодки. Оказалось, что большими противниками были двое рабочих. Они говорили: «Пусть поживут, а если не хотите, то перевезите на бодайбинскую сторону и пустите». И жена тоже стала его умолять. Он был молодой блондин, лет 34—35. Категорически настаивал. Рабочие сели с нами в лодку и говорят: «Ты оставайся, Иван Михайлович, а мы их отвезем. Если их поймает Красильников, их дело, а так нет». Довезли до следующей стороны, высадили, и мы пошли. Этот товарищ пошел прямо на пароход и пробрался до Иркутска. Когда я приехал в Бодайбо, я виделся с Ананьевой. Моя встреча с ней оказалась роковой. Она рассказала кому-то, где я нахо-

* Так в подлиннике, имеется в виду: меня что-то насторожило.

жусь [до этого никто не знал]. Я жил у колбасника в комнате два-три дня. Вслед за этим приходит вдруг полиция и ищет меня. Когда я пришел, хозяин говорит: «Уходите от меня. Вас ищет полиция. Вы скрыли свою фамилию».

Я не мог его подвергать опасности и решил пройти к реке, взять лодку и спуститься по течению. Однако по дороге меня остановил шпик Малиновский³² (поляк) и говорит: «Вы гражданин Рыдзинский?» «Да.» «Пройдемте, пожалуйста, со мной».

Меня забрали и отвели в бодайбинскую тюрьму. Переночевал там одну ночь (между прочим, там же находился и Захаров)³³. Нас, человек 600 бодайбинцев, погрузили на пароход и отправили на Лену. Когда посадили на пароход, Захаров спросил капитана, можно ли петь? На что тот ответил: «Пойте, сволочи, долго не придется, только до Витима». Мы были уверены, что ночью нас ликвидируют. Но команда и охрана пили всю дорогу, и до Усть-Кута мы доехали благополучно. Не доезжая Усть-Кута, меня вызывает Красильников и спрашивает: «Кто такой Гуть?» «Санитарный врач», — отвечаю. «Врач, а не пулеметчик?» Я говорю: «Нет». «Ладно, ступай». Я пошел в трюм, а через полчаса этого Гутя вывели на берег и тут же расстреляли. Оказывается, этот Гуть умудрился надеть крест красный и сказать, что он был в отряде у... [пропуск в тексте.— **Сост.**]. Там был сыпной тиф, а он за больными ухаживал. А с моим отрядом был фельдшер, который сидел в трюме. Какой-то часовой обратил [на это] внимание и говорит: «Какая несправедливость, фельдшер сидит в трюме, а тот пулеметчик ходит на свободе за врача». Это моментально передали и на основе этого расстреляли Гутя.³⁴

Таким путем довели до Усть-Кута, до Жигалово и пешком до Качуга прошли. За один день прогнали 43 километра. Дали за это время полфунта хлеба и воды. Окружили такой охраной, что дышать не дали, гнали без отдыха. Мне и Стояновичу предложили подводу, но мы отказались и шли пешком и благополучно дошли до Качуга. Там встретили нас не очень приятно. Многие местные эсеры и меньшевики плевали на нас, ругали непомерно. [...] Белогвардейские отряды отгоняли их от нас, говоря: «Иди, иди, откуда ты взялся, а прежде ты с ними шел».

Таким путем нас отправили в Иркутск, в тюрьму.

В Иркутске после переворота те товарищи, которые сидели — Мальцев, Щербинин, я, Янсон — 60 человек, были назначены к смертной казни, и нас хотели ликвидировать в Чите. Из 60 человек 31 заболел сыпным тифом. 29 человек были высланы в Читу, их привезли туда, и все они в тот же день были ликвидированы. Я просидел до освобождения Иркутска.

До этого заболел еще сыпным тифом, два месяца лежал больной, а потом, когда вышел, нам предложили упаковываться и ехать в Читу. Мы были уже готовы и стояли на переселенческом пункте. Нас вызвали в семь часов вечера, простояли до четырех часов утра и затем предложили вернуться в камеру.

За Байкалом были взорваны пути, и нас нельзя было вывезти. После этого появилась надежда, что наши отряды действуют, мы все время слышали, что Ремишевский³⁵ и другие отряды воюют и взрывают железнодорожные пути. Была надежда, что нас спасут. Потом пришла комиссия от центрального политуправления³⁶. Припоминаю эсер[а] Иванов[а] и меньшевик[а] какого-то, которые нас уговаривали: «Сидите, товарищи, мы на днях выпустим, потому что чехословаки поставили ультиматум: если сейчас выпустим, то чехословаки повернут оружие против нас. Но выберите комитет». Мы выбрали комитет, в который вошел я, Рубнак, и когда подошел момент, то всех политических выпустили.

[...] В апреле 1920 г. я был командирован в распоряжение ЦК ВКП(б) в Москву.

Архив лаборатории истории Сибири Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова (в дальнейшем: АЛИС ИГУ), ф. 6, оп. 1, д. 20, л. 1—40).

ГРАБОВСКИЙ [Я. А.]

Грбовский, или Грабовский Я. А. — командир одного из взводов отряда Стояновича, участник борьбы за установление Советской власти в Якутии в 1918 г. Вместе с бывшими болайбинскими краснोगвардейцами, работавшими на строительстве Илимского тракта, в 1919 г. организовал партизанский отряд, влившийся затем в состав армии Зверева, возглавлял топографический отдел при штабе Северо-Восточного партизанского фронта. Дальнейшая судьба его неизвестна¹.

После подавления иркутского восстания юнкеров, согласно полученным распоряжениям временного ревко-

митета², который состоял из тов. Янсона, Бориса Шумяцкого, Постышева и Дмитриевского, мы выехали в составе трех человек (а именно: Курбатова из дер. Змеиновой и Тетерина из дер. Рыковой, которые были в то время в Иркутске и принимали активное участие в усмирении юнкеров) в Бодайбо с поручением — по пути своего следования провести и выполнить директивы временного ревкомитета об организации Советов. Мы провели это в Качуге, где был избран председателем Зинченко, которого впоследствии расстреляли бандиты Красильников³. То же самое проведено было в Жигалово. Затем мы прямым путем прибыли в г. Киренск. Вечером того же дня мы созвали собрание местного гарнизона, на котором присутствовали частью и рабочие, и сделали информационный доклад об иркутских событиях и о падении керенщины.

Весь местный гарнизон (за исключением комсостава) и присутствовавшие рабочие вынесли постановление об организации власти Советов. На собрании приходилось говорить и спорить в полном смысле слова до потери сознания. Поддерживали нас тов. Галат и тов. Яшины⁴.

По окончании собрания мы ушли на свою квартиру по Курбатовской улице (ныне Советская). Ночью к нам пришли один рабочий и один солдат из местной команды (к сожалению, не знаю их фамилий) и сказали, что нас ищут и хотят арестовать. Обсудив положение, мы решили пойти в казармы к солдатам и там осветили положение, в котором находилась только что организованная на месте власть Советов. Солдаты вынесли постановление — арестовать всех тех лиц, которые будут препятствовать организации Сов[етской] власти. В числе противников Соввласти были унтер-офицеры, отделенные*, которые, узнав о решении солдат, о [предстоящем] аресте, дали знать своим соумышленникам и утром частью разбежались, а частью, чувствуя свое бессилие, оставались индифферентными.

К вечеру этого дня мы выехали в Бодайбо. Дойдя до Витима, мы узнали, что в Бодайбо идет какое-то брожение среди населения. Поэтому мы в Витиме ничего не предпринимая, выехали в Бодайбо. По прибытии туда мы остановились в казарме, так как мы были военные. Но на следующий же день начальник конвой-

* Так в подлиннике, имеется в виду — командиры отделений.

ной команды, офицер Санджаренко, приказал нам немедленно освободить от своего присутствия казармы⁵.

Мы пошли в депо к рабочим, которые сообщили, что ходят слухи, будто бы собираются арестовать большевиков. Я спросил: «Кто здесь большевики?». Мне ответили: «Тов. Мальцев и Стоянович». Узнав их адреса, мы пошли к ним. По дороге встретились с тов. Щербининым, политссыльным, принадлежавшим к партии большевиков. Мы передали ему пакет, который был послан с нами из Иркутска и адресован бодайбинским рабочим.

К вечеру того же дня на квартиру Щербинина собрались все большевики, находящиеся в г. Бодайбо, и стали обсуждать вопрос о немедленном переходе к власти Советов. Тут же избрали комитет. На собрании присутствовало более 20 человек, причем, должен заметить, что из 20 человек почти половина рабочих была беспартийной, сочувствовавшей Соввласти. В комитет избрали тов. Мальцева, Стояновича, Щербинина, Зверева и Алымова. Комитетом было решено никаких мер не принимать до общего собрания, а пока выехать по приискам для информации, так как телеграф в то время не работал и приносил лишь случайные отрывки.

Я поехал на Надеждинский прииск, где созвал собрание в механическом цехе, хотя администрация прииска всячески старалась собрание сорвать. Но рабочие единогласно после моего выступления вынесли резолюцию: «Долой керенщину, да здравствует власть Советов».

После информации по станам главная контора дала распоряжение милиции об аресте всех разъезжавших по станам агитаторов, в том числе и меня. Но, благодаря заступничеству рабочих, я, да и все остальные товарищи, избежали арестов. На пятый день мы возвратились в Бодайбо и на станции узнали, что в депо проводится бурное собрание, на котором от имени большевиков выступали тов. Стоянович и Щербинин. Придя туда, мы информировали (нас было четыре человека), что вся «таежная масса» на стороне Советов. После этого эсеровский комитет в составе Шапиро, Амбразевича и др[угих] удалился с собрания. Так закончился переход власти от Керенского к Советам.

На первых порах как будто все обошлось благополучно, но в марте месяце стали уже поступать из Якутска тревожные телеграммы. Приезжие из Якутска го-

ворили, что там готовится «реставрация» романовщины.

Бодайбинский ревком издал распоряжение о немедленной организации боевых дружин. Мне было поручено сформировать летучий отряд из рабочих, численностью до 120 человек. К 1 Мая отряд был сформирован и обучен. 20 мая выехали с первым пароходом в Якутск. Не доезжая Якутска, в с. Покровском, мы и соединившийся с нами отряд Рыдзинского были обстреляны. Только тогда мы узнали, что действительно имеем дело с белогвардейщиной. После этого часть отряда была высажена на берег, а часть на пароходе медленно продвигалась к Якутску, не доезжая семи верст до Якутска, мы встретились с первыми белогвардейскими отрядами. После небольшой перестрелки белогвардейцы отступили к городу. Наутро мы повели наступление на город. После 6 часов боя город был занят нашими отрядами. Но долго в Якутске нам задерживаться не пришлось, так как из Чечуйска пришла телеграмма, извещавшая, что в Киренске сделан эсерами переворот. Тогда в Якутске собрали заседание, где было решено, что половина наличных сил останется в Якутске, а вторая половина двинется в направлении Киренска. Начальником отряда был назначен Стоянович.

Не доезжая Чечуйска, наш отряд был встречен белогвардейцами. Благодаря сильному обстрелу с обоих берегов мы вынуждены были спуститься немного ниже, оставить пароход, высадиться на берег и с боем продвигаться к Киренску. В то же время нами было послано извещение в Бодайбо о формировании и высылке подкреплений и патронов, которые вырабатывались Бодайбинским депо. Но, к несчастью, патронов в наличии не оказалось.

Через некоторое время получили телеграмму, что к нам выехали Щербинин и Алымов с отрядом в 60 человек. В одном из боев Стоянович был тяжело ранен, временно, до прибытия Щербинина и Алымова, командование отрядом я взял на себя. Первым прибыл Щербинин с 25 человеками, которому и было передано командование, я же с 15 рабочими направился в разведку. Около с. Никольского нас встретили белогвардейцы, но отступили в г. Киренск. Здесь мы получили известие, что весь Киренский Совет был арестован и тов. Галат, Леонов и Тараканов были расстреляны белогвардейцами⁶. Из числа убитых с нашей стороны

5 человек похоронены на Мельничной у часовенки — три местных крестьянина и двое бодайбинских рабочих.

На следующий день мы заняли Готовский затон, Мельничную, Воронину и, вырыв окопы по берегу Лены, осадили город. Мы не решались вести наступление: 1) потому, что нас было всего 76 человек, 2) не было хорошей переправы и 3) вооружение противника было лучше, и мы все время ждали подкрепления из Бодайбо. Во время ожидания перестрелка не замолкала.

Простояли пять дней. В это время приехали Алымов и Рыдзинский с отрядом человек в 30 и остановились у с. Никольского. В то же время получили известие, что со стороны Иркутска движется сильный белогвардейский отряд под командованием атамана Красильникова. Нами была послана конная разведка к с. Макарово, которая ночью же вернулась и подтвердила, что отряд Красильникова частью уже находится в Макарово. Мы сделали совещание и решили без боя не отступать. Наутро начался бой. Наши силы благодаря тому, что Киренск был нами окружен, — не были стянуты в одном направлении и поэтому под давлением многочисленного отряда Красильникова вынуждены были отступить в разных направлениях. Я с отрядом в 15 человек пошел по Киренге, Щербинин — по Тунгуске, Алымов с пароходом попался в плен. Рыдзинский отступил к Витиму. Этим закончилась наша боевая деятельность до поры до времени на реке Лене. Из местных жителей принимали участие в борьбе против белых крестьяне дер. Змеиновой и Рыковой, с. Никольского и дер. Алексеевской. Городское население участия не принимало, за исключением тов. Яшиных, которые вели подпольную работу, за что и были арестованы.

Ленская правда, 1927, 12 нояб.

СЫРЦОВА-ВЛАЩЕНКО ДАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА

Д. В. Сырцова родилась в 1900 г. в Бодайбо, в семье рабочего. Как санитарка местной больницы, Даша Сырцова добровольно вступает в 1918 г. в первый Бодайбинский революционный отряд, становится его медсестрой. После поражения красновардейских отрядов под Киренском она вместе с Алымовым и другими товарищами была схвачена белогвардейцами. Находилась в Киренской, затем в Иркутской тюрьме. Наконец, в 1919 г. она была освобождена и по заданию большевистского подпольного комитета обеспечивала связь между подпольным комитетом и [заключенными].

В 1920 г. с 253-м полком участвует в борьбе с Врангелем. В начале 1921 г. принимает участие в подавлении кулацкого мятежа под Петропавловском (Казахстан). В 1922 г. увольняется из рядов Красной Армии и работает в различных учреждениях Москвы.

Не могу забыть героя, павшего в борьбе за власть Советов, тов. Андрея Бранковича Стояновича. Стоянович — бывший сербский офицер, в Бодайбо работал в мирное время преподавателем в реальном училище. Он был военным комиссаром, командиром бодайбинского отряда. Высокий, стройный, смуглый, с большой шевелюрой, черными умными, немного грустными глазами, внимательный и чуткий к бойцам. Но в то же время Андрей Бранкович был строгий; бойцы его боялись и любили. Когда брали дер. Змеиново, я впервые узнала его. Стоянович действительно строг, но справедлив; он зря не обижал людей, а врагам пощады не давал, во время боя сражался, не щадя себя. Наш санотряд двигался вместе с бойцами осторожно, без шума, так как Стоянович дал приказ: «Не разговаривать, не курить. Мы сегодня во что бы то ни стало должны взять дер. Змеиново». Впереди отряда шла разведка под командой Николая Копылова. Копылов — белокурый, выше среднего роста, с добродушным лицом, был начальником разведки. Мы шли вместе с отрядом. Через каждые 20—30 минут можно было видеть на коне Стояновича. Он объезжал отряд и вполголоса беседовал с бойцами, сошел с коня и с шуткой подошел ко мне. Я немного смутилась. Время было после дождя, я была в грязных сапогах, на одном плече санитарная сумка с медикаментами, а на другом — небольшая винтовка, уставшая. Стоянович строго сказал: «Слушайте, товарищи бойцы, перед вами девушка-боец и она же наша сестра. Вы видите, какая у нее ноша? Надо ее разгрузить. Вы знаете, что у нее впереди большая работа. Берегите ее», — повернулся и пошел.

Как раз в это время возвращался Копылов с донесением, сообщил Стояновичу: «Беляки идут к нам навстречу». Стоянович строго приказал: «Товарищи бойцы, приготовьтесь, наступаем», — дал команду и сам с ручным пулеметом впереди бойцов ринулся в бой, и все за ним. Ружейные и пулеметные выстрелы грянули как-то разом. Беляки этого, очевидно, не ожидали, перепугались и стали отступать.

Откуда [...] ни возьмись вражеский офицер, незаметно оказавшийся очень близко, выстрелил в Стояно-

вича и ранил его в грудь. Тут же Копылов выстрелил в офицера и наповал убил его из нагана, тем самым спасая Стояновича от дальнейшей расправы. Раненого Стояновича мы с фельдшером Ружицким окружили и оказали ему первую помощь. Были с нами санитары с носилками, которые быстро уложили тов. Стояновича на носилки и так несли его до парохода, а это было не близко.

Так как время было уже под вечер, тов. Алымов дал команду: «Рано утром на завтрашний день отправить тов. Стояновича в г. Бодайбо, сопровождать Сырцовой». Зменново было взято нашими. Еще были раненые, вернулись мы до темноты. Все проголодались, устали, ведь боролись как львы и разгромили полностью отряд беляков. После боя была подана команда тов. Рыздинским: сделать ужин и на отдых. Ужин был готов, все перекусили. Наступала ночь, бойцы улеглись спать, кроме дежурных. Я пошла в купе первого класса, где лежал Стоянович, и сменила сестру Гладких и фельдшера Ружицкого. Я сидела возле Стояновича, прислушиваясь к его дыханию; дышал он с переборами и хрипотой, ни стопа, ни звука. У меня усталость и сон исчезли. Я сидела и смотрела на этого человека и удивлялась его мужеству и храбрости, вспомнила его перед отъездом на Якутский фронт на помощь Рыздинскому, его выступление¹. Он говорил с самозабвением, убедительно. Думала я, на что способны люди, отдающие себя идее, которая определила их жизненный путь. Меня снова ночью сменил А. И. Ружицкий. Я ушла к себе в каюту и долго-долго не могла заснуть, каждое его слово, движение проносились у меня в голове. Все думала — такое короткое пребывание возле тов. Стояновича оставило во мне неизгладимый след, след человека, большевика, стойкого командира, которого любили бойцы. Я не помню, как заснула, проснулась от стука рано утром. Тов. Рыздинский постучал: «Сырцова, вы едете провожать тов. Стояновича в Бодайбо. Катер готов». Я быстро оделась, взяла нужные медикаменты: «Я готова». А. И. Ружицкий сказал напутственное слово. А. Б. Стоянович уже был перенесен на катер, и мы поехали. Стоянович лежал в каком-то забытьи, только по его высохшим губам мне было видно, что он просит пить. Ему был приготовлен сироп из брусники. Он жадно пил и глазами был благодарен за то, что, мол, дога-

дались напонтъ. Ни слова, ни стопа за всю дорогу не было. И так мы доехали до ст. Витим.

В Витиме нас встретили представители парторганизации, врач-хирург из больницы Лензолото, делегаты и жена Стояновича — Галина. Стояновича из нашего катера перенесли, а я снова вернулась на Киренский фронт. Перед разгромом нашего отряда, еще не совсем здоровым, из лазарета А. Б. Стоянович снова возвращался на Киренский фронт с пополнением на пароходе «Николай». Но по дороге пароход попадает в плен к белякам, а Стоянович уходит в лес и через 12 дней возвращается в Бодайбо. Таких товарищей, как Тимофей Моисеевич Алымов, Аполлинарий Станиславович Рыдзинский, Андрей Бранкович Стоянович, Вася Котенко, Николай Иванович Копылов², — этих верных сынов славной ленинской партии, мужественно боровшихся за Советскую власть, — должны знать и помнить в нашей стране. А я их никогда не забуду, как они дороги нашей Родине. А. Б. Стоянович в 1920 г. погиб в боях с японцами.

Когда в Бодайбо создается Красная гвардия, и я вступила добровольцем, начальником отряда был коммунист тов. Алымов. Алымов Тимофей Моисеевич родился в г. Ташкенте. За активное участие в подпольной большевистской организации сослан в Якутск. Помню, он рассказывал о себе, что в подпольную организацию вступил в юношеские годы в Ташкенте, где жил с родителями. Однажды их выследили, когда они собрались на тайное собрание в булочной или парикмахерской, но большинство успело убежать. Небольшая группа в три-четыре человека вступила в перестрелку, в результате которой был ранен смертельно полицейский пристав г. Ташкента, и эта группа вынуждена была сдаться большому отряду полицейских. Через некоторое время был арестован и Алымов. Четырех человек приговорили к смертной казни, а других осудили к высылке в Сибирь.

Октябрьская революция застала Алымова в роли преподавателя реального училища г. Бодайбо. В июне 1918 г. наш отряд получил приказ выступать на фронт для борьбы с белогвардейской бандой. Через пять часов, к шести часам вечера, наш отряд был в полной готовности и грузился на пароход «Игнатъев» для от-

правки на борьбу с белогвардейцами г. Киренска. Устроили митинг. Выступали рабочие. Ответную речь держал Алымов. До станции Витим не встречал отряд на пути препятствий, но уже нарастала напряженность, чувствовалась близость врага. Не доезжая до дер. Чечуйской, мы столкнулись с белобандитами, которые были уже осведомлены о нашем наступлении.

В течение 10 дней наш отряд дрался с белогвардейцами, численностью и по вооруженности превосходящими наш отряд. Наши силы начали ослабевать как в людском составе, так и в отношении продовольственных и боевых припасов. Но, к нашему счастью, из Якутска к нам прибыло подкрепление в количестве двух красногвардейских отрядов под командованием Рыдзинского и Стояновича.

На совещании командиров этих отрядов — Рыдзинского, Алымова и Стояновича, с участием комиссара тов. Щербинина — было принято решение о совместных действиях по освобождению г. Киренска от белых. Был создан объединенный штаб отряда в составе командиров трех отрядов. Общее руководство объединенным отрядом было возложено на А. С. Рыдзинского, начальником штаба объединенного отряда был Т. М. Алымов, зам. командира отряда по строевой части — Стоянович, а по политической [...] — Щербинин.

Ожидаемое подкрепление запоздало, потекли уже серые дни августа. Тов. Рыдзинский, Щербинин, Алымов в тесной каюте парохода обсуждали план дальнейшего действия. Вдруг внезапно раздался сверху голос начальника разведки тов. Копылова: «На нас наступают белогвардейцы». Сформированный белогвардейцами отряд под командой атамана Красильникова повел наступление на нас с целью полного уничтожения. Без торопливости, в полном мужественном спокойствии тов. Рыдзинский и Щербинин ушли в отряд. Алымов и я остались на пароходе. Мне было поручено в случае угрозы захвата парохода противником уничтожить документы, носящие оперативный характер, и списки личного состава отряда.

Моросил дождь. Наутро от Рыдзинского прибыл на пароход красногвардеец и попросил у тов. Алымова разрешения помочь доставить в район бани, находящейся на берегу реки Лены, пулемет. Я с красногвардейцем, уложив на носилки пулемет, доставила его на крышу бани, где он был установлен для отражения пер-

вой попытки атаковать наш отряд. Закончив установку, я увидела, что на берегу реки корчился в невероятных муках от раны красногвардеец. Я оказала ему [медицинскую] помощь. Раненым оказался тов. Игнатьев, по национальности якут. Втащила его на пароход, уложила на постель, спустилась вниз, взяла винтовку и открыла огонь по врагу. Бросила стрелять, когда не осталось ни одного патрона.

К вечеру белогвардейцы достигли берега, расколов на две части фронт обороны наших отрядов. К пароходу плыли три белогвардейца-офицера с тем, чтобы захватить шлюпку для переброски своих войск на нашу сторону. По ним я открыла стрельбу из пистолета, но они были далеко, а я уже успела израсходовать все патроны. Офицеры беспрепятственно взяли с парохода лодку и через тридцать минут к пароходу плыло пять человек белогвардейских офицеров. Среди обслуживающего персонала парохода возникла паника, в страхе не снискать себе пощады выбросили белый флаг. О том, что к нам плывут белогвардейцы, я сообщила тов. Алымову. Он был болен, у него была высокая температура, однако он отдавал приказания. «Сестра, — обратился ко мне Алымов, — проберитесь в деревню и сообщите нашим, что мы через 20 минут будем в когтях у белой банды». Сюю же минуту я отправилась по трапу. Но выстрел ожег правую ногу, вторая пуля прожужжала у уха. Я упала на трап, но, вспомнив, что уже не успею известить свой отряд об угрозе захвата парохода, решила ползком добраться до парохода и выполнить свою боевую задачу — уничтожить все бумаги до темноты. Возвратившись на пароход, доложила тов. Алымову, что белые подплывают уже к пароходу: «Алымов, мы погибли». Я немедленно стала рвать списки личного состава, фотокарточки бойцов и командиров и другие документы. Оставшиеся винтовки немедленно спустила в реку. Через некоторое время я потеряла сознание и упала, а когда очнулась, то почувствовала острую боль в ноге и в голове. Раздался рев: «Сдавайтесь, проклятые красногвардейские гады». Мы подняли руки вверх. Арестованных бросили в одну каюту, не было среди нас тов. Алымова, его, как одного из организаторов Красной гвардии, бросили связанного в одиночную каюту. На другой день пять человек из числа арестованных белогвардейцы расстреляли, среди них был и Алымов, а оставшихся выпороли шомполами.

Пароходы наши были подведены к Киренску. Буржуазия с хлебом и солью встречала их [белогвардейцев]. Нас бросили в казематы. Ежедневно они пополнялись нашими товарищами, которых ловили по лесам. Капитан Лихаревский³, расстрелявший тов. Алымова, явился к его жене Александре Петровне и, бесчеловечно издеваясь, передал письмо, взятое у Алымова перед расстрелом.

Судьба начальника третьего отряда тов. Рыдзинского оказалась такова, что он скрывался в г. Бодайбо и нередко выступал открыто. По доносу шпика он был схвачен и брошен в тюрьму. Из Киренска нас отправили в Иркутскую тюрьму. На неоднократных допросах, особенно выпытывали про тов. Рыдзинского, Щербинина и Стояновича. В тюрьме я узнала, что с нами находятся наши командиры — Рыдзинский, Мальцев, Стоянович и Аладьин⁴. А когда я была освобождена, то ходила на свидание к ним.

В августе 1918 г. Щербинин был схвачен под г. Бодайбо и брошен в Иркутскую тюрьму. Из Иркутска его отправили в г. Бодайбо, чтобы привести приговор в исполнение. Но трудящиеся массы не дали это сделать, и поэтому его снова отправили в Иркутск, чтобы по пути покончить с ним. Он убежал по дороге от конвоиров, добрался до займки, немного поработал там работником. А дальше [продолжалась] снова борьба.

От Щербинина Я. С. из тюрьмы я получила записку, где он предлагал мне устроиться в военный госпиталь, в тифозный барак, где работала коммунистка Вера Синеглазова⁵.

Тов. Щербинин — член партии с 1906 г. Был сослан в Якутск. Через главного врача Гусарова⁶, сочувствующего большевикам, меня приняли в военный госпиталь, размещавшийся в Знаменском предместье. Там же была и церковь. Одна половина госпиталя была занята больными чехами, вторая колчаковскими солдатами и офицерами. Работала я в госпитале и одновременно выполняла поручения большевиков: Рыдзинского, Щербинина, Аладьина, Мальцева. Так как в госпитале работала через день, то устроилась и в частную столовую Сандер, куда на явку должны были приходиться большевики. По указаниям Щербинина должна была доставать документы умерших от тифа колчаковских солдат. Большевики с этими документами должны были являться после выписки в госпиталь [ко мне] для [до-

кументального оформления] продолжения службы и проведения работы среди колчаковских солдат. Более тридцати документов достала (вошла в доверие к работнице регистратуры). В столовой бесплатно кормила моих товарищей. Однажды пришел человек наш и сказал, что арестованы якутяне — Бужак, Жиркова Дора, Парадовский⁷, надо предупредить всех остальных. Вечером я обошла все явочные квартиры и предупредила Аладьина, Щербинина и других. Явочная квартира у меня была на Благовещенской улице, вторая у А. П. Алымовой на Иерусалимской улице, третья — у тов. Палкина в Знаменском предместье. По заданию подпольного комитета заготавливала медикаменты.

В декабре 1919 г. была организована коммунистическая дружина под командой коммуниста Щербинина Я. С., в которой я участвовала в качестве медсестры. Сражались на Ушаковском фронте.

Потом направили в ЧК работать, там же работал Рыздинский А. С. Как-то встретила переодетого Лихаревского, немедленно доложила, и он был арестован.

Летом 1920 г. вступила в ряды Красной Армии и была направлена в качестве медсестры в 253-й стрелковый полк 39-й стрелковой дивизии.

АЛИС ИГУ, ф. 6, оп. 1, д. 22, л. 1—9; д. 20, л. 3—18.

ВАСИЛЕВСКИЙ ИВАН ЮРЬЕВИЧ

И. Ю. Василевский родился в 1899 г. в селе Никулино Киренского уезда Иркутской губернии. До революции работал матросом на пароходе. В 1917 г. добровольцем вступил в отряд Красной гвардии. Под Киренском был ранен, скрывался, но вскоре был арестован. После освобождения вступил в партизанский отряд. С 1920 г. в составе регулярной Красной Армии участвует в освобождении Забайкалья, Якутии. Проживал в Киренске, пос. Пролетарский.

В Февральскую революцию молодежь [Киренского] затона через профсоюз металлистов, председателем которого был Биршов Василий Иванович, организовала охранные отряды типа общественной милиции: стояли у магазинов частников (Рогульского, Соколова) и смотрели, чтобы они не транжирили продуктами, мануфактурой. В 1917 г. из Иркутска пришел с отрядом Рыздинский¹. Люди у него были набраны из тюрьмы: всякие шкурники, картежники — в общем уголовники.

Их по новой он пересадил здесь в тюрьму, некоторых выгнал. За пополнением обратился в затон. Собрание прошло. Вся молодежь затона, 100 человек, вступила (среди них были Крюков Василий, Поворотневы Степан и Николай и я). Сразу нас он, [Рыдзинский], не взял, оставил до весны. В мае объявил Рыдзинский, чтобы в июле все пришли в казармы. Список составили на нас, дали обмундирование полное: гимнастерку, сапоги. С первыми пароходами пошли вниз на Якутск. Там произошло восстание реалистов, купечества, и Советской власти не было.

Пошло нас около 300 человек. Подошли с Витима, из Бодайбо. Бодайбинский отряд привел Алымов. Человек 200 их было. Подошли к Якутску и спустились на 5 км ниже, к Осенней пристани. Пришли ночью. У нас было затемнение трюмов, сигналов никаких не подавали. Четыре парохода было: «Тайга», «Пропагандист», «Работник», «Пермяк». В три часа ночи высадились и пошли в Якутск. Там нас не ожидали. Встретились с белыми перед самым Якутском у протоки, где стояла баня (и сейчас стоит она). Шесть часов дрались. Все-таки выбили и установили Советскую власть. Прошли здесь около месяца.

На митинге Рыдзинский сказал, что Иркутск приказывает идти обратно до Киренска; там был совершен переворот. Участники его — мелкое кулачество, мешане — Тирские, Марковы, Зарубин. Сюда же пришел отряд белых во главе с Растомашвили². Он-то и организовал повстанческое движение против Советской власти. Арестовали Галата, Стояновича³, весь штаб.

Шли почти от самого Якутска с боями. Человек нас было тогда около 700. Крупные бои были у речки Салтыковки, в Подъельнике. Был обстрелян «Пропагандист», бывший «Кушнарев»⁴, «Тайгу» завели в Бабшин затон и потом утопили. Адамов вытащил золотишки. У нас там были боеприпасы. На пароходе остался один масленщик Грищенко, остальные все убежали. Пришлось срочно на лодках перевозить боеприпасы. Спасибо, местные крестьяне помогли найти «Тайгу», а то бы совсем остались без припасов.

Перед Подъельником пошли по двум сторонам. Здесь оперировал отряд Рогульского на пароходе «Карлик». Убежал от нас до дер. Змеиново. Догнали мы его там. Деревню в обход взяли. Пулеметов не было. Вместо них трешотки были. Офицеры все были

пьяные по домам. Бежали на пароход в чем мать родила. Пароход стоял на якоре. Его некогда было убирать, так [мы] просто отрубили цепь. Ушли в Никольское. Крестьяне потом рассказывали, что когда белые проходили мимо какой-то деревни, то бочки с известью, стоявшие на берегу, приняли за партизан и расстреляли их. Утопили два карбаза с камнями и баржу у Никольского.

Мы остановились у Камня. Основные отряды выгрузились. На Никольской церкви устроили пропускной пункт. Оставили заставу в 20 человек. Остальные на Мельниково перешли. В доме Еремеева штаб организовали. В нём были Рыдзинский, Стоянович, Белов. Киренск обложили окопами от Мельниково до Воронино. Я был у Гольца на окопах (они и сейчас там проглядывают). Потом Рыдзинский приказал Алымову идти к Бочкарево и к Кирпичикам. Было у него человек 80. Я там был. Окопы делали высотой около одного метра. Окопы рыли по яру. Сами мы разместились в казармах. Снаряды доставали в Никольском, в Пролетарском поселке, доставляли на заводы и на Мельниково. Рыдзинский предполагал на двух плашкоутах переплавиться в Киренск, на каждый посадить по 80 человек. Был август. Плохая погода, дождливая. Кто-то из местных Красильникова из Макарово вывел через гольцы к берегам Киренги. Часть пошла по берегу, часть — по реке. Подошли к нашей деревне, окружили. Сняли часового, зарезали кинжалом. Но он успел выстрелить, поднять тревогу. У нас в это время пересменок был. Одни пришли из окопов и чай пили. Вторые собирались идти в окопы. Было около часу ночи. Вбегает Алымов и говорит, чтобы без паники брали ружья и отступали от Бочкарево стороной и от Кирпичиков. Ранило двоих: Якова-латыша в руку и мадьяра одного в горло. Дотащили мы их и сдали Кожевникову, крестьянину. Он жил на краю деревни. Спрятал раненых в подполье. Через деревню [мы] прошли в Нижнее поле. Офицеры белые вышли из леса, выстроились и от кладбища пошли на нас. А мы засели недалеко от моста в рывину. Встретили их, а потом оставили заградительный отряд, а сами отошли к Никольским камням, к протоке. Из пароходов остался один «Пермяк». Все остальные ушли вниз. Переплавлялись кто на чем: на санях, трапах, кругах, лодках. Переплавлялись в районе реки Салтыковки и через Никольское рывиной [ушли] к Змеино-

вой. Собрались в Чечуйске. Здесь произошла группировка. Стояли пароходы: «Пропагандист», «Работник», «Николай», провели митинг и на пароходах пошли в Бодайбо. Там нас должны были встретить рабочие.

Но [в Бодайбо] произошел переворот. Всех пересажали, поэтому помощь не могли дать Рыдзинскому. Когда высаживались, Красильников нас догонял.

Здесь же, на берегу, собрали митинг, обрисовали положение. Выход один — через тайгу идти. Разделились на два отряда. Отряд Стояновича — Белова пойдет через депо, а Рыдзинского через тайгу. Я оказался в отряде Стояновича и Белова. Пулеметным огнем еще на митинге убило несколько человек. Выходили через депо. Там, за ним, навален лес, где мы и засели. Всю ночь перестреливались. Перед утром Стояновича ранило в ноги. Отряд наш отступать начал под утро. Меня ранило в правое колено. Я залез между бревен. Утром уже далеко услышал выстрелы. Вылез я из бревен, смотрю — тупик ремонтный. Залез я в вагон и жду. У меня две гранаты, винтовка. Живым, думаю, не дам-ся. Подошли люди к вагонам. Один говорит что-то и показывает на вагон, где я засел. Ну, думаю, все. Приготовился. Открывается дверь — стоит Мунгалов Николай и еще четыре человека. Сделали они мне перевязку, хлеба дали и сказали, чтобы сидел до вечера. Когда стемнело, они пришли и унесли меня в «Париж» (так называлось общежитие).

Две недели отдыхал я там. Нога закисла. Решил я ехать на пароходе в Киренск. Узнал я, что за эти две недели были взяты Рыдзинский, Стоянович и еще ряд других товарищей. Везли их в барже. И так получилось, что ребята устроили меня на тот пароход, который вел баржу. На этом пароходе был у меня знакомый Ефим Алексеевич Григорьев, механик, большевик. Написал ему записку, не может ли он каким-либо образом взять меня. Ответил, что попробует, написал когда придет. Подошел ко мне с их парохода Поворотнев. Дал мне подшипник. Сам он, якобы, вышел в мастерские за подшипниками. Взял я их и пошел на пароход «Граф Сперанский». На трапах стоят юнкера. А Григорьев меня уже ждал. Только я подошел, давай он кричать и ругаться на меня, что я так долго ходил. У них в кочегарке было спрятано еще несколько человек.

На пароходе был весь штаб Красильникова. Сам он был высоким, рыжим, с бородой, то ли подпоручик, то

ли ротмистр. Приказал он капитану сделать проверку команды. Капитаном был Корнаков, киренский, помощником тоже — киренский. Думал, что пропал, потому что Корнаков знал меня и моего отца. Меня он узнал, но ничего не сказал. Приехали домой, я на лодку — и из Киренска к Подъельнику. Там жил знакомый крестьянин, урядник Канон Перфильевич. Отвез меня на зимовье свое. Через некоторое время привез он еще Левицкого, поляка, тоже из нашего отряда. Так и кормил нас Канон. Однажды привез газету. А там приказ Колчака: кто из красногвардейцев добровольно явится, против того не будут применены репрессии. Посоветовались и решили идти: попались на приманку. Поехали в Киренск на двух лошадях. Переночевал дома, а утром чай даже не успел выпить — пришел за мной со взводом Телис Михаил, фельдфебель из местных, я с ним вместе учился. В тюрьму посадили. Собралось нас до 80 человек: Деликин, Уральский, Яшин. Сидели до весны, а весной отправили в Иркутскую тюрьму. Три месяца сидели. Был там Варшавский — сапожник, он взял нас учениками. Работал он на сторону. Приоделись. Потом выпустили нас за недоказанностью.

До Качуга шли пешком. Ночь идем, день лежим — жарко. В Качуге достали лодку, отремонтировали, доплыли до Усть-Кута. Там нас взяли, посадили на «Тайгу» и в Киренск в тюрьму привезли. До весны 1919 г. сидели там. Выпустил из тюрьмы главный инженер Затона Тюленев, в чине капитана или подполковника. Привел в Затон нас по списку комендант города. Стал распускать, а мы не идем — голодные. Дома есть нечего. Выступил Степан Поворотнев. Тюленев приказал нам выдать по одному пуду муки пшеничной из запасов Глотова. А утром пришли в мастерские и работали до конца 1919 г. Тайно в город приехал Белов, сказал, что вот-вот наши подойдут, надо будет выступить. Сказал, что готовиться надо. Делали патроны токари, мы их набивали. Около шести ящиков набили боеприпасами, увезли их на Макаровский фронт. У нас в Затоне организовался отряд почти из тех же, Белов стал во главе. Поехали на лошадях навстречу отряду Зверева в Нижне-Илимск. По дороге шел Пепеляев⁵, Вишневский. Пошерстили их. Вышли через Заярск на ст. Зима. Там влились в отряд Макарова. Он оперировал в районе железной дороги. Пускали под откос эшелоны [...].

АЛИС ИГУ, ф. 6, оп. 1, д. 17, л. 78—92.

ШИПИЦИН ПЕТР ИННОКЕНТЬЕВИЧ

П. И. Шипицин родился 4 октября 1900 г. В апреле 1918 г. вступил добровольцем в Красную гвардию, стал бойцом отряда Алымова. 7 августа 1918 г. попал в плен к белогвардейцам и до конца октября 1918 г. находился в Иркутской тюрьме. В августе 1919 г. вступил в отряд И. Слюсарева, участвовал в освобождении Усть-Кута, Киренска, Иркутска, а затем в составе 5-й Армии воевал в Забайкалье и на Дальнем Востоке.

Я родился в 1900 г. на приiske Утесистом Бодайбинского района. До 14 лет жил с матерью, учился в школе на Андреевском приiske. Окончил четыре класса. Потом умерла мать. В 1918 г. на Федосеевском, Надеждинском и Александровском приисках большевики стали создавать красногвардейские отряды. В Красную гвардию шли фронтовики и молодые парни. В апреле записался и я со своими товарищами: Иваном Пауткиным, Елисеем Воробьевым, Александром Ивлевым, Иваном Пуляевым и др. Обучали нас военному делу Василий Петрович Осташенко¹, Григорий Петрович Черных и другие фронтовики. Затем красногвардейцев направили в г. Бодайбо. Здесь нас с Иваном Пауткиным обучили управляться с пулеметом «Кольт». И до отправки на Киренский фронт я охранял склад банка, где хранилось золото. Началась навигация. Но продовольствие и другие грузы в Бодайбо поступать не стали, их не пропускали колчаковцы, занявшие Киренск.

В Бодайбо под командованием тов. Стояновича и его помощника комиссара Алымова² формируется отряд красногвардейцев. Мы вступили в его отряд. С боями отряд продвигался к Киренску. Крепким орешком оказалась оборона белых у дер. Змеиновой. Пришлось наступать по открытому хлебному полю жарким днем. На исходе боя был тяжело ранен в грудь командир тов. Стоянович. Но это не внесло смятения в ряды красногвардейцев. Вскоре Змеинова была занята, белые с потерями отступили к Киренску. У нас был командиром Алымов.

Гарнизон города, уверенный в том, что ему будет оказана помощь, предложил красногвардейцам капитуляцию. Несмотря на то, что в нашем отряде знали о захвате колчаковцами Иркутска, это наглое предложение было отвергнуто. Красногвардейцы заняли оборону вокруг Киренска, взяли [прилегающие] деревни. [...] Я с пулеметом находился в окопах на Мельничном. Отсюда

мы вели обстрел белых у церкви в Киренске. Большая часть [нашего] отряда переправилась на правый берег Киренги в дер. Бочкарево.

Бой продолжался семь суток. Неожиданно перестрелка усилилась, это на подмогу киренскому гарнизону подошли каратели Красильникова и отряды белочехов. Много наших бойцов полегли в этом бою. В окопе нас осталось четверо: начальник пулеметной команды Владимир Юрченко, Иван Пауткин, еще один боец и я. Пароход белых уже подходил к левому берегу Лены. Выпустив последнюю ленту, мы покинули окопы и стали пробираться на Никольское. Это было 7 августа. Часть бойцов уехала в Бодайбо. В Никольском из нашего отряда никого не осталось, пароход с немногими оставшимися бойцами уже ушел. На берегу мы нашли лодку и поплыли вниз на 300 километров. На подходе к Дубровскому слышим, что сверху идет пароход. Быстро подгребли к берегу, бросили лодку и ушли через деревню в лес. Спрятали оружие (все равно патронов не было), чтобы легче через заставы белых пробраться в Бодайбо, и разошлись. Я заночевал в балагане на острове Курейском. Тут явился патруль из Якутского отряда и олекминских казаков. Находившийся с ними парень Оська Косой опознал меня. Меня доставили на пароход, увезли в Дубровск и посадили в баню, где уже было несколько красногвардейцев. После пыток и допросов, которые вел офицер-чех, под конвоем двух солдат — студентов из Якутска, меня повели в лес. Им было приказано найти спрятанное оружие. Но я не показал, где лежит пулемет.

Вскоре снова всех перевели на пароход и повезли в с. Витим. Там пробыли неделю, а затем пленных направили в Киренскую тюрьму. Допросы и пытки не прекращались. Некоторых товарищей ночью уводили, и больше мы их не видели. Из Киренска пленных партиями направляли в Иркутск. В первой партии, разбитой на две группы в 70 и 40 человек, со мной шли Елисей и Александр Воробьевы, Долгих, Пауткин, Иван Халматов, Александр Иванов. Ехали сначала на лодках. Ниже Жигалово высадили на берег и босых, полуголых, голодных погнали пешком. Проходили два-три станка в день. Гнали и ночью. Как-то остановились в трех верстах от Верхоленска. Долгих воспользовался удобным случаем и бежал. В партии было много больных. В Верхоленской пересыльной тюрьме попросили

начальника конвоя сделать общий осмотр. Врач ставил отметки некоторым больным синим карандашом, а другим — красным. Затем началось «лечение». Конвойные брали заклеянных по одному и пороли. От Верхоленска до Иркутска этап гнали без горячей пищи. Слабые умирали, некоторых застреливали.

В конце октября 1918 г. в числе 16 человек малолетних я был освобожден из Иркутской тюрьмы. В нижнем белье, босой добрался на постоянный двор в Кузнецовском переулке. Здесь встретил своих знакомых — рабочих с Александровского прииска, высланных отсюда после переворота. Они помогли мне с одеждой, обувью. Затем пошел к своей младшей сестре Доне, которая как сирота была отдана присяжному поверенному Грозину, выехавшему в Иркутск из Бодайбо. Я поступил на работу в центральную баню Иванова, где познакомился со слесарем Михаилом. Он был связан с городской подпольной организацией. По его совету пошел в июне 1919 г. на Илимский тракт в село Каймоново Усть-Кутского района. Дорога строилась от Большой Мамыри на Усть-Кут. Жили в балагане. Работали на вырубке леса и раскорчевке. Работа была тяжелая. Жара, мошка, да еще обшеты со стороны администрации. Мне как уполномоченному артели часто приходилось вступать в споры с техником Вольфом. Поддерживала нас надежда на то, что скоро колчаковское царство кончится. В конце августа под видом монашки пришла к нам женщина и рассказала, что в низовьях Ангары действуют партизанские отряды тт. Бурлова и Зверева. Через несколько дней с другого участка прибыло шесть человек. В их числе был Иван Слюсарев³. В августе он организовал отряд из 20 человек. Вся наша артель присоединилась к отряду: Андрей Соловьев и его брат Семен, Иван Иванов, Федор Отрадных-Васильев (Хрипатый), Иван Захаров, Петр Берестенев, Владимир Преловский и др.

Утром мы заняли Каймоново. Отобрали оружие у милиционеров, а у техника Вольфа — револьвер и трехствольное ружье. Сразу же провели собрание рабочих и местных крестьян. Слюсарев объяснил обстановку и призвал желающих вступить в наш отряд. После собрания к нам присоединилось несколько рабочих и крестьян, в том числе и Степан Семенович Антипин, который был назначен помощником командира. В отряде теперь числилось 22 бойца. В Усть-Куте стояли отряды белых:

Лаврушина, Рубцова, Бобрякова. Ежедневно ездили на разведку в сторону Усть-Кута. Иногда доезжали до Короля⁴. Через крестьянина деревни Пановой или Карповой Михаила Жукова (точно не помнит. — Сост.) распространяли воззвания о присоединении к отряду защитников Советской власти. Вскоре началась подготовка к наступлению на Усть-Кут. Командир Слюсарев ставил цель: снабдить отряд оружием, боеприпасами, снаряжением и продовольствием. Все это было на складах Усть-Кута. Разведчики через крестьян распустили слухи, что в нашем отряде 600 человек, хорошее вооружение, есть артиллерия.

В ночь на 12 октября 1919 г. отряд сосредоточился в дер. Пановой. Здесь нам помог перешедший на сторону партизан разводящий белых Павел Оконешников. С ним бесшумно сняли посты, подошли к пароходу и домам, где располагались солдаты. Офицеры и часть солдат бежали на «Тайге» вниз по Лене. Более 20 человек захватили в плен. Из кладовых «Илимтракта» и «Лензолото» погрузили в большие лодки муку, сахар, масло и другое продовольствие и снаряжение. По берегу Куты погнали сто быков в Каймоново, принадлежащих купцу Гростфельду и предназначенных для отправки вниз по Лене. Белые отступили к Якуриму.

В связи с малочисленностью отряда и слабым вооружением держать Усть-Кут было нецелесообразно. Поэтому тов. Слюсарев приказал отряду двигаться обратно. К нам присоединилось четверо пленных солдат, остальных оставили в Усть-Куте. Недалеко от Пановой встретили конный отряд в 18 человек, который вел тов. Осташенко. Решено было вернуться в Усть-Кут. В разведку вызвались пойти со мной Петр Берестенев, Иван Иванов. Белые уже заняли Усть-Кут, подошел пароход. Нас встретили выстрелами. Лошадь мою ранили, я соскочил и укрылся в огороде. Берестенев проскочил, а Иванова ранили в ногу, его подобрала и отправили на пароход. Находясь в укрытии, я слышал, как искали меня, но все ждал: вот-вот подойдут свои, и начнется наступление. Но выстрелы затихли. До рассвета просидел в укрытии, а потом стал пробираться по полю под видом крестьянина, ищущего лошадь. Вышел из Усть-Кута и лесом отправился на дорогу. На берегу пилил лес крестьянин дер. Пановой. Спрашиваю его, не проезжали ли вверх белые. Он ответил, что нет, тогда я смело вышел на дорогу. И тут на дорогу выехали всадники. Это были беляки из отряда Лаврушина. Бе-

жать уже было поздно, и я направился навстречу им. Первые два солдата проехали мимо меня, а четвертый оказался Вольф. Он опознал меня и доложил Лаврушину. Офицер несколько раз ударил меня и приказал оставить на месте, т. е. расстрелять. Но солдаты молчали. Меня увезли в штаб и здесь продержали пять дней, несколько раз допрашивали, избивали. Затем с отрядом мобилизованных, около полусотни человек, отправили меня в Иркутск. 18—19 октября в с. Боярском ночевали на правой стороне реки у крестьянина Василия Пуляева. Один солдат проговорился, что ведут из Усть-Кута красного партизана. После ужина Пуляев стал беседовать, и я понял, что он сочувствует партизанам.

Мы договорились, что если мне удастся бежать, то Василий мне поможет. Побег я совершил и остановился у него. Он дал мне приют. Прожил у Пуляева два дня, он рассказал мне, как идти. На дорогу дал два ярушника (хлеб из ячменной муки). Четыре дня шел в Каймоново. Добрался до своих. Здесь уже шло наступление под командованием Остащенко... Наступление шло неудачно. 18 человек наших попало в плен, их расстреляли.

Мы стали ждать Зверева и начальника конной разведки Бутакова Федора Павловича. Подходил также 1-й Ангарский полк под командованием Молчанова⁵. У Зверева была пушка. 13 ноября 1919 г. в 7 часов утра стали наступать. Мы бились до полудня. Многие погибли. Бились в районе [современного] курорта. До вечера заняли оборону. Вечером по единому сигналу взяли Усть-Кут. Белые отступили в Подымахино, Якурим. Полк Зверева стал в Усть-Куте. Здесь же еще было несколько боев. Сверху шел 63-й стрелковый полк под командованием Колодезникова. 12 декабря они нас окружили. Завязался бой с отрядом Зверева. Наш пулеметчик убил поручика Арбатского и офицера Панина. Белые паниковали, они побежали. Мы взяли в плен штабс-капитана Балышева и еще 25 человек. Белые стали отступать в Киренск. В это время в 53-м полку под предводительством Пуляева сделали переворот⁶, убили восемь человек офицеров, оставили двух и одного фельдшера. И присоединились к отряду Зверева. Пошли на Киренск, взяли его. К этому времени освободили Бодайбо, Якутск. Зверев взял командование⁷. Киренским уездом стал править Поляков⁸.

ИВАШКЕВИЧ ФЕЛИКС ИВАНОВИЧ

Ф. И. Ивашкевич родился в г. Ковно. Перед 1 империалистической войной переехал в Бодайбо, был призван в армию в 1914 г. В 1918 г. вступил в Бодайбинскую Красную гвардию. С поражением красногвардейцев в августе 1918 г. попал в плен к белогвардейцам. После освобождения из Иркутской тюрьмы в 1919 г. участвовал в борьбе за восстановление власти Советов в Баргузинском районе. По окончании гражданской войны работал в органах ГПУ, занимал различные хозяйственные и административные должности.

Родился я на западе, в городе Ковно. В период империалистической войны у нас сожгли все хозяйство. Начал самостоятельную жизнь — сначала работал в экспедиции рабочим, позже направили в Бодайбо. В 1918 г. начала формироваться Красная гвардия, я тоже записался в Бодайбинский гарнизон. Проучился несколько месяцев, и отправили нас, человек 300, в экспедицию. Помню, было это в воскресенье. На берегу играл оркестр, нас фотографировали, говорили прощальные речи. В Якутске в то время была еще власть буржуазии, и нам пришлось устанавливать здесь власть Советов. В это время по Лене выступило белое кулачество. Часть отряда осталась в Якутске, а другая вернулась на Лену. Шли мы до Витима, до развилки водного пути, в Бодайбо мы не попали — пошли вверх по Лене. С боями дошли до Киренска. Еще когда нас направляли в Якутию, нами командовал Стоянович — серб по национальности, выше среднего роста, деловой, имеющий военную подготовку, — это был смелый и решительный командир.

Из Иркутска под командованием генерала Красильникова вышла помощь белогвардейцам Киренска. Красильникову удалось захватить нас врасплох. В боях под Киренском был ранен Стоянович, его увезли в бодайбинский госпиталь лечиться. Больше я его не встречал. В наш отряд влился польский отряд под командованием Рьдзинского, пришедший из Иркутска. Рьдзинский заменил Стояновича в руководстве отрядом. Новый командир был человеком нерешительным, малоповоротливым¹. Он не сумел организовать охрану отряда. Разведка была малочисленна и беспечна. Мы стояли, человек 50, в горном селе, напротив Киренска, в Змеиновке. Нас окружили и оттеснили к реке Лене. [...] Мы скрылись в лесу. Ниже Киренска стоял наш штаб. Собственно, это был пароход. Его белые также

захватили. Комиссаром нашего отряда был Алымов. Он был на пароходе. Его арестовали и расстреляли. Мы же, наконец, подошли к одной деревне, а там уже были беляки. Тут нас и взяли в плен, отобрали оружие и привели в деревню (не помнит название. — Сост.). [...] Затем нас пригнали в Киренск. Более трехсот человек собралось в местной тюрьме. Нас били и пытали. Затем повели по тракту на Качуг. По дороге несколько человек сбежало. Конвой поднял тревогу — и со штыками [бросились] на нас, били прикладами. Всех связали, разули, раздели и погнали в Иркутск. Иркутская тюрьма была переполнена. Кормили нас бурдой — пол-литра супа на день, капустный лист.

Предлагали вступить в белую армию, но мы их со свистом проводили и не согласились. В Иркутской тюрьме существовали пытки: ставили около стенки и заставляли часами стоять, а то и сутками. Конвой меняется, а ты все стоишь, если упадешь, то холодной водой отольют и опять поставят. Или еще — не дают долго пить, а в камере рядом воду поставят или селедкой накормят. А то еще голодом морят, а пища стоит рядом. Так вынуждали подписывать нужные для них бумаги. [...] И еще: переворачивали стул, садили на одну ножку, и люди часами так сидели. Многие не выдерживали этого.

Тюрьму все время дополняли и переполняли и в то же время вынуждены были как-то разгружать ее. Высылали [арестованных] под надзор в разные места. Каждый день выпущенный должен был являться на отметку. Меня выслали в Черемхово. Было очень трудно — ни копейки денег. Позднее я встретил товарища из своего отряда, который раньше угодил в Черемхово. Он разъяснил мне положение. В Черемхово были товарищи из бодайбинской организации, они оказывали таким, как я, материальную помощь. Помогли и мне — денег дали прилично, в Иркутск отправили [...]. Остаться долго в Иркутске было нельзя, нужно подаваться на Лену. С гужевым транспортом отправился в Качуг. Здесь встретил своих ребят. Однако ночью меня снова арестовали. Просидел несколько дней, потом вызывают и говорят, что отпускают меня на поруки. Достали мне лодку, и я поплыл вниз по Лене до Жигалово. Там у меня был хороший знакомый — инженер Евгений Дмитриевич Калинин. Он работал на реке — фарватеры очищал от камней, достал мне документы рабочего, и я поступил на работу. Лето про-

работал, а осенью направился в Баргузин. Принимал активное участие в установлении Советской власти в Баргузине, боролся против банды Дуганова. В дальнейшем работал в органах ГПУ, на партийной и советской работе.

АЛИС ИГУ, ф. 11, оп. 1, д. 7, л. 67—73.

ХАБАРДИН ЕЛИСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Е. В. Хабардин (1892—1948) родился в дер. Хабардино Верхоленского уезда Иркутской губернии. В 1914 г. призван в армию, за участие в солдатском восстании арестован и предан суду. Во время революции был освобожден и вернулся на родину. Избран в Верхоленский Совдеп, назначен начальником штаба Красной гвардии. В июне 1918 г. арестован после контрреволюционного переворота в Верхоленске и приговорен к расстрелу. При побеге был ранен и препровожден в Иркутскую тюрьму. В октябре 1919 г. выслан под негласный надзор в с. Голуметь, бежал и вступил в партизанский отряд Уварова. С приходом Красной Армии воевал в составе 1-й Читинской дивизии начальником батальона. В 1923 г. демобилизован из рядов Красной Армии. В последующие годы был на партийной работе.

[...]. В 1918 г. я принял активное участие в организации власти Советов, Красной гвардии для Восточного фронта, которым командовал Лазо. В 1918 г. при свержении власти Советов я был арестован вместе с членами Совдепа Верхоленского уезда в числе 21 человека и приговорен к расстрелу. 19 человек было расстреляно карательным отрядом Беченникова, один [...], Жуков Максим, был убит при попытке бежать¹. Я, Хабардин, бежал, но был ранен в левый бок, пойман, заключен в Иркутскую губернскую тюрьму. Сидел со 2 августа 1918 г. по 20 июля 1919 г. [в] одиночке, в 27-й камере. 21 июля меня перевели [на] 17-й пост на деревянный пол, ввиду болезни ног, где я находился по 13 октября 1919 г. Числился я в первый период за министерством юстиции Омского колчаковского правительства, а в июле зачислен [за] министерством внутренних дел Омского правительства. По ходатайству моего защитника Разумовского в июле месяце перед министром внутренних дел было постановлено о передаче дела следственной комиссии, возможности ограничения ссылкой под строгий гласный надзор [...]. Меня выслали под строгий гласный надзор в с. Голуметь, откуда я бежал 28 октября 1919 г. [в] партизанский отряд Уварова². При взятии Голумети Уваро-

ва убили, начальником отряда стал Радо, а потом Васильев (он же Буров), впоследствии начальник 1-й Иркутской дивизии.

Во время [моего] нахождения в заключении, в июне месяце, начал организовываться отряд особого назначения при управляющем Иркутской губернией Яковлеве в числе 250 человек. Отряд вербовался из бывших заключенных красногвардейцев. Цель данного отряда [по замыслу] правителей Колчака, управляющего губернией Яковлева и командующего Иркутским военным округом [состояла в] ликвидации партизанских отрядов и возможных восстаний. Сначала [этот замысел] в тюрьме был встречен политзаключенными в штыки, предупреждали не вступать в данный отряд, а через некоторое время [проводили] агитацию вступить в отряд, но говорили: прямо использовать его в пользу Советов и при первой возможности присоединиться к партизанскому отряду. [Когда] я еще сидел в одиночке, меня привели в баню, где мылись Шумяцкий Яков, Рябиков³, Якушев⁴, они мне рекомендовали вступить в отряд. Шумяцкий был у нас политическим старостой, он мне разъяснил, какая цель данного отряда Яковлева и генерала Сычева⁵ и как этот отряд надо использовать в пользу Советской власти, особенно оказать большую помощь Красной Армии, которая в это время находилась около станции Ишим. Я в это время отказался вступить в этот отряд ввиду болезни ног, кроме того, мне было предъявлено обвинение, (я кое-как от него оправдался): меня считали преступником 1-й категории, и поэтому я напомнил Шумяцкому, что меня в данный отряд не пропустят. Когда меня перевели на 17-й пост, Шумяцкий и Яковлев [? Янсон. — Сост.] стали настаивать, чтобы я вступил в отряд особого назначения, ввиду того, что отряд предназначался [к] отправке [в] Верхолениск [...]. Я выразил свое согласие и подал заявление. Управляющий губернией Яковлев, обходя тюрьму, при посещении нашей камеры в присутствии всех мне заявил: «Он, Харбардин, набрался совести вступить добровольцем в отряд, когда не только принимать, а расстрелять мало, надо было давно повесить, — и повторил, — понятно тебе?» После того я сидел [в тюрьме] по 13 октября 1919 г. [...]. Особый отряд, когда был направлен в Балаганский уезд для ликвидации партизанского движения [...], сразу перешел на сторону партизан, а Зверев

встал во главе отряда и объединил все партизанские отряды. Он был впоследствии командующим Восточным фронтом до прихода Красной Армии. [...]

АЛИС ИГУ, ф. 5, оп. 3, д. 3, л. 7—9.

ТОЛМАЧЕВА ЕВДОКИЯ СТЕПАНОВНА

Е. С. Толмачева родилась в 1884 г. в с. Толмачево Верхотенского уезда Иркутской губернии. Крестьянка. Являлась женой Толмачева, расстрелянного в 1918 г. белогвардейцами. Воспоминания ее записаны в 1966 г. в Верхотенске, где она проживала.

Муж мой, Толмачев Петр Кириллович, родился в 1887 г., был в первую мировую войну в армии, на фронте, был ранен, пришел (в 1917 г.) коммунистом. Когда вернулся, поступил в Совдеп, выбрали его председателем. В Совдепе работал недолго. Зимой поступил, а летом расстреляли. Забрали совдеповцев так. В Картухае была Черепановская банда¹. Пока совдеповцы ездили и работали, банда думала, как их забрать. Подготовлено все было тайно. Сами Черепановы были богатые, имели пять-шесть карбазов, плавали до Жигалово, перевозили грузы. Черепанов много народу собрал в свою банду.

Забрали тогда Жукова, Бутарина Гаврилу, Хабардина Елисея Васильевича². Толмачев перед арестом был в Иркутске, приехал — и забрали. Когда их повели заковывать, Хабардин с Жуковым побежали. Хабардин был ранен, но остался жив. Жукова убили. Гаврила Бутарин остался из-за того жив, что зятьями были Черепановы, бандиты. Нашему [Толмачеву П. К. — Сост.] голову проломил, руки и ноги сожгли до кости. Расстреляв, их сложили как омулей. Ряд положили и известкой посыпали, снова ряд — и снова известка. Я заболела. Потом пришла и спрашиваю, где Петя похоронен. Показали мне. Могила не было. Я ткнула посохом, и земля проткнулась. Я пошла в контору и спросила: «Почему так схоронили, руки видно! Не волки же они, а люди!» Назавтра наняли солдат, которые заново похоронили их, сделали могилу.

АЛИС ИГУ, ф. 4, оп. 1, д. 12, л. 21.

ПЕТУХОВ ИВАН СЕМЕНОВИЧ

И. С. Петухов родился в 1895 г. в дер. Макарово Киренского уезда Иркутской губернии, в семье крестьянина. Участник 1 мировой войны. В годы гражданской войны — участник Макаровского восстания 1919 г. против Колчака и боев на Усть-Кутском фронте в составе армии Д. Зверева. С восстановлением власти Советов в 1920 г. принимал участие в кооперировании крестьян, был членом ТОЗа, затем колхоза. Проживал в дер. Марково Киренского района Иркутской области. Умер в 70-х гг.

В империалистическую был два года на фронте, во время дороги домой узнал о революции. Приехали — здесь ничего, все спокойно, власть просто переменялась. Колчак только немного растормошил, здесь произошли события. Уже Советы были, когда [я] приехал. В Макаровском Совете были — Хорошев Василий Николаевич (старшим писарем в волости работал), Скретнев Дмитрий Иванович, а председателя вот я не помню. В 1918 г. карательная экспедиция подполковника Красильникова шла сюда. Высаживалась с пароходов здесь, у нас, и пешком шла дальше к Киренску. [Отряд его] шел на пароходе «Концессия»,¹ а всего их было три. По Киренге [они] ехали на лошадях. В Макарово [население] сильно тогда боялось красных, а белых хорошо встретили. Боялись, потому что ходили слухи, что красные все отберут. Не очень народ богато жил, но кое-что имели: по 10—15 коров, 3—4 лошади. Потом поняли и пошли за красными.

В 1919 г. с Илима на Усть-Кут партизаны проходили. Осенью, в конце ноября 1919 г., восстание сделали в Макарово. В декабре 2-й фронт открыли в Марково. Из Киренска ехал отряд в Усть-Кут. Возглавлял отряд [белогвардейцев] подпоручик Бодэ. Здесь, в Макарово, его разоружили. В Подымахино фронт был, и Тарковский фронт был в 25 верстах выше — в Назарово².

Из Марково приехала делегация из двух человек в Макарово: Алексей Алексеевич Арбатский, а второго фамилии не помню. Уже тогда они не молодыми были, а сейчас, верно, умерли. Собрание было в 4 верстах выше, в деревнях Панской и Чететкино, ночью, так как колчаковские шпики выслеживали. Двоих [из них] поймали. Связь с Киренском держал Степан Сергеевич Оконешников, здешний житель. [Он] был взят в армию и оставлен в Киренске смотреть за порядком, по почте передавал все сведения.

За политкомиссара у нас был Иван Семенович Мо-

наков (в Балашово живет сейчас)³. По остальным, военным и другим, вопросам был Нератов⁴, он-то и руководил восстанием в Макарово. В штабе были: Дмитрий Иванович Скретнев, Кузьма Николаевич Меркурьев, Мирон Иванович Ярыгин из дер. Олонцево, Нератов. Я тоже принимал участие в восстании. Да и что за восстание было: залп дали, и [белые] сразу разбежались. У Бодэ было 20 человек стрелков и один офицер. Ребята все здешние, мобилизованные 1897—1900 гг. рождения. У нас дробовики были. А всего в Макарово нас человек 70—80 было. Марковские на помощь пришли, штук 15 у нас винтовок было. У нас [приходился] один дробовик на несколько человек, у остальных — палки. Еще на собрании мы говорили, что воевать нечем и чтобы нам помогли. В Четкинino все собрались. Поели, сели на коней. Разбились на группы, [договорились], кому что брать: кому почту, кому милицию, кому загородить дорогу. Послали разведку до Скобельской, это пять-шесть километров отсюда.

Нам было известно, что из Киренска выехали белые. Узнали от начальника милиции Любавского Василия Михайловича (здешний мужик, сами его выбрали). Он сказал нам: «Арестуйте [меня]». Мы его арестовали и посадили во временную тюрьму. Рассказал нам он, что с Бодэ 20 человек едут. Разведка [наша] обнаружила, что едут белые, передовая застава дала залп (застава передняя была у края деревни, где сейчас конный завод). Залп дали в воздух. Кони остановились, а двое понеслись. Двоих ранили из дробовика. Бодэ позади ехал. Услышал выстрелы и повернул назад в город. Их назавтра поехали догонять. Пришли в деревню за восемь километров — там ничего о нем не слышали. Сели [мы] на коней и дальше продолжали погоню. Встретили мужика, он сказал, что был [Бодэ] ночью и уехал в город. Рассказывали, что приехал в город, пришел в воинское управление и застрелился из револьвера: все равно ему пропадать, коль не выполнил задание — не доехал до Усть-Кута. Когда восстание кончилось, арестовали некоторых беляков, а кого надо было — расстреляли. Из взводов организовали караул, передовую заставу. Народу было мало, старики боялись вступать, не надеялись на наши силы. Боевых припасов мало было. В [это] время устроили общественную столовую, так как мужики были из разных деревень. Конфисковали мясо для этой столовой. После

Бодэ здесь никто не шел. Были еще отряды белых, но в Усть-Куте.

По Киренге шел отряд Дуганова, до Новоселовой дошел. Там его [мы] встретили. Наших было человек 30. Сбежал он от нас на Байкал. Бой ему дали открытый в Юхте. [...] Это было осенью 1921 г. Он, [Дуганов], до этого убил в Караме 18 человек. В деревне [мы] остановились, обогреться [нам] дали и немного уснули и проворонили их. Как раз в Казачинском бы встретились. На Юхту стали наступать. У них пулемет был. Около часа из него били. 15 человек пошли в обход, а 15 — в лобовую атаку. Потом пулемет замолчал. Пододвинулись поближе. Нас трое вперед забежало и по школе шпарили (там пулемет был). Хотели дорожку перерезать. У нас пятizarядки были. Пока обежали школу, они ускакали в Тарасово. Мы замерзли, когда наступали, некоторые в чирках были, потому что спешно собирались. От Тарасово выселок есть, послали туда нашу разведку, но [она] по шуму догадалась, что они там. Перед светом решили окружить Тарасово полукольцом. Думали все-таки дать бой. Но они ушли. Мужики сказали, что последний ушел к 12 часам ночи. Послали в погоню, но на восьмые сутки вернулись ни с чем.

В Усть-Куте [мы] загородили дорогу белым на двадцатом километре и спустились в Подымахино. Марковские мужики создали оборону в Назарово и к нам, в Макарово, отправили людей, просили помочь, чтобы к ним с тыла белые не подошли. Поляков руководил Усть-Кутским фронтом⁵. Я его видел мельком. Представительный парень. Белых около 2 тыс. было. Транспорт один на 60 к[илометров] растянулся. Белых было несколько отрядов: Галкин впереди, за ним Перхуров. Узнал, что восстание произошло — повернул назад. Бой принял недалеко от Жигалово. Ушел оттуда в степь. Ничего не слышно о нем было больше. Трудно было его догнать. Кажется, до железной дороги дошел⁶.

АЛИС ИГУ, ф. 6, оп. 1, д. 17, л. 169—179.

ЗВЯГИН ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ

П. М. Звягин родился в 1896 г. в Бодайбо. До революции работал учеником в депо, затем машинистом. Был свидетелем Ленских событий 1912 г. В 1917 г. — председатель комиссии по снаб-

жению населения продовольствием. С весны 1918 г. в Красной гвардии, в отряде Стояновича, затем — белогвардейский застенек, побег, подготовка и участие в Бодайбинском восстании 1919 г. и, наконец, партизанский отряд, в составе которого освобождает Бодайбо. Принимает участие в разгроме банд. После окончания гражданской войны до 1927 г. работает слесарем в затоне, в 1927—1932 гг. — инструктор судоходства, с 1932 г. — начальник Осетровской пристани.

В 1917 г. избрали меня в местком. Сперва работал я председателем комиссии по сбору продовольствия, вроде продразверстки. Даже у отца увозил два мешка муки, бочку масла. Это когда нас от Иркутска отрезали.

С колчаковским наступлением я вступил в Красную гвардию добровольцем. Командирами были Белов¹ и Одишария². Киренский фронт открылся в июле—августе 1918 г.

Отряд Алымова и Стояновича (Яков Семенович Щербинин³ — политкомиссар) попросил помощи, и мы поехали на подмогу. 20 человек из нас выбрали. Дошли мы до деревни Змеиново. Здесь нам сказали, что Красильников разбил красный отряд. Мы поплыли на пароходе «Почтарь» до Баншиково, там на косе, сняли пароход «Кушнарев» и с ним пошли в Витим. У нас нашлась своя команда из рабочих. Видим, идет пароход из Якутска, а на нем красный отряд Рыдзинского, он присоединился к нам. Здесь также мы дождались отряд Стояновича. Комиссары отрядов созвали военсовет: Стоянович, Пальников, Одишария, Поручиков⁴. Военсовет решил идти в Бодайбо и дать бой Красильникову. Мы собрали все имеющиеся у нас силы и посадили их на пароходы: «Якут», «Почтарь», «Николай», «Кушнарев», «Киренск», «Петрушка». Дошли до Воронцовки и решили делать бронь для пароходов: мешки с песком на шканец, железо на штурвал. Совет решил два парохода «Гонец» и «Констанцию» выше Воронцовки, около острова Венчального, затопить и загородить реку. «Гонец» пошел на дно нормально, а «Констанцию» — судно большое, течением развернуло и поставило вдоль течения.

Мы пошли в Бодайбо. Там были в это время красные. Их командиры Мальцев⁵ и Березин Константин Михайлович дали сигнал, чтобы «Киренск», где было наше командование, пристал к берегу. Они пристали. А мы пошли на три километра выше и стали ждать распоряжений. Я плыл на «Кушнареве». А тем време-

нем «Киренск»⁶ отправили на разведку, и он попал в руки Красильникова. Красильниковцы пересадили свой отряд на него и пошли следом [за нами]. А в это время в Бодайбо белые сделали переворот⁷ и встречали Красильникова хлебом и солью. Подошел тихонько «Киренск», мы думали, что это наши. Он на 20—30 метров подошел и открыл огонь из пулеметов. Из 120 человек осталось 37—39. На берегу стояли наши, они открыли огонь, но ничего сделать нельзя было. Тут подошел сам Красильников.

Нас взяли в плен и посадили в Бодайбинскую тюрьму. Был я ранен. В 11 часов приходит Томских (был еще родня моему отцу), атаман белых казаков, поднял всех и закричал: «Становись, кто коммунисты!» Все ответили: «Я!» Я тоже вскочил. У каждого приискателя кольцо, они давай снимать, а у кого не снимается, пальцы обрубали. Я заступился. Он мне 30 шомполов приказал дать. Семь суток после этого лежал в тюремной больнице. Пальников Павел, Часовитин Николай лежат раненые. Я пошел на поправку. Командир наш Белов с 40 человеками ушел в лес. Мы с ними из больницы установили связь. С их помощью я сумел сбежать из больницы домой, но отец выгнал меня. [...]

В 1919 г. в Бодайбо было восстание молодежи⁸. Я был участником. Восстание [...] первое время было успешным, но сыновья золотопромышленников и офицеры Соболевский, Беспалов, Попов, Кожевников, Озолин собрали дружину из местных кулаков и выступили против нас. Наш Совет предложил им союз, но они отвергли. У нас в плену оказалось несколько офицеров. Мы стали запрашивать Иркутск, а оттуда Пепеляев⁹ отвечает: «Немедленно освободите офицеров, и тогда дадим вам жизнь». Так мы узнали, что в Иркутске Колчак¹⁰. Пока мы запрашивали, белые сделали переворот и разгромили нас. 21 человек были расстреляны¹¹, и в числе их Мигалкин, Зуев Михаил, Красноштанов Степан¹², Березнер Николай, Одинцов Николай.

После того, когда открылся Иркутский фронт, мы подошли и освободили Бодайбо. Из Бодайбо убежал Капустин — первый богач, и прокурор Иванов¹³ с пятью пудами золота. Но их поймал красильниковский казачий отряд, отобрал золото, изрубив их, присоединив [его] к своим 40 пудам золота. На этот отряд мы делали засаду и захватили золото.

В Бодайбо [мы] стали дожидаться основных сил красных — Мунгалова¹⁴. В 1921 г. мне предложили сопровождать золото в Иркутск и обратно захватить обмундирование для бодайбинских бойцов. Тогда мы были одеты кто как может. Сопровождением золота командовал Аледин¹⁵. Из Иркутска меня направили в Омск, а оттуда получил увольнительную, Поехал домой по тракту через Жигалово. В Жигалово я хотел сменить лошадей и ехать дальше, со мной было еще девять человек, а тут [появились] банды Черепанова и Дутова¹⁶. В Жигалово стал организовываться отряд против них. Привлекли и нас. Командиром стал Орлов, а Мясников — комиссаром¹⁷. Мы стали наступать вдоль Киренги и в распадке наткнулись на них. Окружили. У нас в отряде был Декис, он делал перебежку и случайно у него выстрелила винтовка. Банда поднялась и побежала. Перед этим она в Караме убила учителя и учительницу и после убила [еще] 18 человек. Я был в Караме и хоронил их. Надо было догнать их, а Орлов и Мясников говорят, что мы их выгнали из своего района, а дальше пусть их разбивают киренские. От банды остался обоз с вещами. Эти вещи раздали [бойцам], а они оказались тифозными. Я заболел тифом.

АЛИС ИГУ, ф. 5, оп. 1, д. 3, л. 41—52; д. 7, л. 127—138.

ВОСТРЕЦОВ ИВАН ГАВРИЛОВИЧ

И. Г. Вострецов родился в 1897 г. в дер. Подъельники Киренского округа Иркутской губернии, крестьянин. В годы гражданской войны — пыливый наблюдатель и очевидец событий. В последующем — активный участник коллективизации. Колхозник до выхода на пенсию.

[...] Когда Советскую власть здесь устанавливали, наша деревня 18 дней под обстрелом была. В Подкаменке стоял штаб белых, а в Чечуйске — красных. В это время бодайбинский отряд на Киренск шел, там контрреволюционный переворот был¹. А мы об этом ничего не знали. Наши мужики в Бабошиху на мельницу ездили, а там в это время лежал хлеб для бодайбинских рабочих. Так вот, чтобы белые этот хлеб не забрали, приехали за ним рабочие на пароходе. А наши мужики их видели, да не взяли в толк, что к чему². Под вечер приезжает к нам прапорщик из Подкаменки. Собирает собрание и спрашивает: «Ка-

кую власть хотите и какой придерживаетесь?» Молчит народ. Тогда он говорит: «Теперь понятно, что вам Советскую власть нужно. Подумайте, мы приедем завтра». Назавтра пришел отряд, но только коней и забрали, никого не тронули. Да и коней-то спрятали. Потом-то поняли, что [это] из Бодайбо красные приехали.

Шли пароходы красных, они из Яра дали залп, и один пароход вылетел на тот берег. Бодайбинцы пугач-бомбомет имели и трахнули с того берега. Они тут и драпанули, белые-то. Когда затихло, ночью красные сели на пароход — и в Чечуйск. 18 дней то та, то другая разведка ездила. Вот как-то приезжает к нам Гришка Рубцов³, если, мол, не приедете в штаб к 12 часам в Подкаменку, всех расстреляем. Назавтра 45 человек собрались и пошли, чтобы семьи не пострадали. Пришли, а их там заподозрили, что красным сочувствуют. Капитан парохода Горнаков Федор Алексеевич заступился, говорит: «Я сам там родился, и народ у нас честный». Половине дали винтовки, а половину отдыхать отправили. Со всех деревень они человек 200 набрали. Наутро красные из Чечуйска пошли, шесть пароходов. Белые побежали, все бросили. Начали было стрелять по красным, убили даже одного, но тут снова из бомбомета ударили. Опять белые мотанули, даже в Подкаменке не остановились.

С Гришкой Рубцовым, который прапорщиком у белых был, росли вместе. Годок он мой. До армии тоже батрачил. Сначала хорошо ко всем относился. Из армии только шашку и винтовку принес, на стене повесил. А потом, когда красные пошли, он первым против них выступил [...]. Здесь его сродный брат в красных был, прибежал да на вышке спрятался. Рубцов подъехал и велел ему слезть. Ну, тот слазит, а рубаха на нем порвана. Рубцов ему и говорит: «Как тебя красные-то одели?» Тот ему отвечает: «Нет, это меня белые одели...»

Потом в Киренске Гришка работал. Первое поручение ему дали ликвидировать отряд красных по Илиму. Он там издевался ужасно. В большую лодку ставил пять—шесть коней и заставлял людей ее бегом против течения тащить. Порол нещадно. Председатель исполкома в дохе сидел, он вошел, доху с него снял, отстегал плеткой, да еще велел солдатам во дворе шомполами его бить. Его [Рубцова] после Илима на

отдых отправили. А когда красные к Усть-Куту стали подходить, сняли его с отдыха и туда [в Усть-Кут] направили. По дороге, когда был он в дер. Казарка, крестьяне там поворот сделали. У него отряд был в 12 человек, да солдаты не стали в крестьян стрелять. Тут его захватили и повезли в Усть-Кут. Но довели до Подымахино, да тут и расстреляли. Он говорил перед смертью: «Зря вы меня расстреливаете, благодарить должны. Если бы не я, вы и сейчас спали бы. Как я по Илимму одного выпорю, так сразу три новых большевика из него делается». Вот так Советская власть у нас установилась. [...]

АЛИС ИГУ, ф. 6, оп. 1, д. 2, л. 83—85.

СУХАРЕВ ГРИГОРИЙ ПАВЛОВИЧ

Г. П. Сухарев (1903—1976) родился в дер. Картухай Верхоленского уезда Иркутской губернии. До 1922 г. жил с родителями в деревне, учился в верхоленском училище. Затем служил в Красной Армии (1922—1927), учился в Московском институте железнодорожного транспорта (1928—1930) и работал в Центральном архиве РСФСР. Член ВКП(б) с 1930 г. В 1940—1964 гг. был на руководящей работе в министерстве авиапромышленности СССР. В последние годы жил в Москве¹.

Вести о бурных революционных событиях в далеких Петрограде и Москве, центральной России глухим эхом доходили и до жителей нашей местности, всего Верхоленского уезда и отсюда уже с быстротой, доступной только беспроволочному телеграфу, распространялись среди населения «глубинок» обширного уезда.

Сведения о совершившейся Великой Октябрьской революции в Петрограде в Верхоленск поступили по телеграфу. В то время, как обычно, с утра был трудовой день. Крестьяне занимались своим хозяйством, чиновный люд в канцеляриях скрипел перьями, а наше училище, где я учился, проводило классные занятия. И вдруг такие необычайные сведения — революция! Не сразу и не всем было понятно все значение происшедшего события. Однако, в тот же день все более и более народу стало появляться на улице. В школе произошел стихийный митинг (тогда это слово у нас было в диковинку). После краткого совещания в учительской инспектор училища Скибенко, всеми

любимый наш физик, на большом сборе в коридоре училища объявил, что ввиду народной революции, происшедшей в Петрограде, дальнейшие наши занятия, ко всеобщей радости учащихся, на сегодня отменяются. На следующий день группа наиболее прогрессивных преподавателей: Смолик Ольга Кузьминична, Подгербунский Сергей Николаевич и др. во главе с инспектором училища Скибенко (из ссыльных) вывели красный флаг на здании училища. Это, наверное, был первый красный флаг в Верхоленске.

В дер. Картухай, куда я приходил каждую субботу, на воскресенье, слышал от односельчан те же жаркие разговоры и споры, что и в Верхоленске. Кузнец Федор Николаевич почти до дыр зачитывал уже в который раз крестьянам деревни опубликованные в центральных газетах первые декреты за подписью В. И. Ленина о передаче всей полноты власти Советам в лице рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, декреты о мире и земле. С нескрываемой радостью подавляющее большинство народа одобряло эти декреты. Возвратившиеся в деревню с фронта солдаты Иван Оберюхтин, Алексей Сазонов, Андриян Белоусов и др. стали первыми агитаторами и пропагандистами Советской власти. В деревне было приподнятое, праздничное настроение. Новостям и обсуждению их, кажется, не было конца. При встречах на улице люди поздравляли друг друга с хорошими новостями, а главное — с подлинно народной властью. Так, без единого выстрела, мирно, без жертв была учреждена у нас, в Верхоленском уезде, Советская власть.

Но местное кулачество, явно не желавшее расставаться со своими владениями, и вкупе с ними контрреволюционные элементы втайне уже готовились к противодействию. В то же время повсеместно проходили митинги и демонстрации населения с лозунгами за власть Советов.

10 марта 1918 г. в Верхоленске собрался уездный чрезвычайный съезд крестьянских представителей. От Картухая были избраны Михаил Иннокентьевич Сазонов, Никита Алексеевич Бурков и Иван Оберюхтин.

На этом представительном съезде были обсуждены неотложные задачи текущего момента. В первую очередь съезд провозгласил Советскую власть в Верхоленском уезде. На этом же съезде были обсуждены практические задачи в работе Советов.

Для выполнения принятых съездом решений был избран уездный исполнительный комитет в составе: председателя Толмачева Петра Кирилловича, членов: Ионов Андрей Иванович, Е. В. Хабардина, Е. И. Челпанова, М. Е. Жукова, Г. Воробьева, Ф. И. Грюнгофа, Г. Ф. Бетонова (преподаватель истории)² и секретаря исполкома Н. Р. Тюменцева. Последнего я лично знал по школе. Но лучше меня его знал Ленья Соколов, так как они вместе жили на квартире Соловьевых. «Николай Романович был скромным, начитанным и поразительно культурным, с крупным румянцем на щеках и открытым взглядом, — говорит Ленья Соколов, — жители Верхоленска ему были обязаны появлением первого кино. Выписав из Иркутска кинопроектор фирмы «КОК», он вместе со школьниками собрал его и с ними же, поочередно крутя ручку аппарата, показал первые кинофильмы «Добыча саго в Африке» и «Макс Линдер — французский комик...»

Однажды в Картухай прибыли два полномочных представителя (фамилии их я забыл) и по поручению Верхоленского Совета провели общее собрание граждан деревни с повесткой дня:

1. Постановление Верхоленского Совета о полноте власти в уезде;

2. Избрание сельского Совета дер. Картухай;

3. Разное — вопросы и ответы.

По первому вопросу было объявлено постановление о передаче всей полноты власти в уезде Советам и по второму вопросу — был избран первый сельский Совет (сельсовет) деревни.

Председателем сельсовета был избран Никита Алексеевич Бурков, по прозвищу «Вятский». Это был первый председатель первого сельского Совета в Картухае.

Трудными были первые шаги председателя. С чего начать и что делать? Как привлечь актив? Нередко было и так, что должны делать члены Совета, делал сам. Я помню, как не однажды сам избранник народа ходил по домам и оповещал жителей о их явке на проведение того или иного мероприятия. Никита Бурков был пионером всего нового. Он всегда отзывался на нужды народные и честно выполнял свой гражданский долг. Например, приближалась весна 1918 г. У многих жителей не было семян для посевов. Мангазей был почти пуст³. Страховые фонды были реквизированы прежними властями для отправки на питание

армии. Бурков изыскал резервы в необходимом количестве и семенами были обеспечены все нуждающиеся.

Мирный труд и спокойствие в деревне длились недолго. Началось с того, что местные кулаки не желали выполнять обязанности по уплате налогов и сборов. И хотя с приходом Советской власти положение картухайских богатеев Андрияна Черепанова, Маркела Грудю и других ничуть не ухудшилось, их закрома были полны хлебом, их владения и состояние источников дохода остались в неприкосновенности, по-прежнему у них работали батраки, но на призыв Советов дать хлеб голодающему городу и Красной Армии они ответили отказом. Это было уже явное с их стороны противодействие Советам. Но кулацкие элементы на этом не остановились. Например, в нашей деревне две кулацкие семьи братьев А. и Е. Черепановых, М. Грудю путем незначительных подачек и подкупа наименее сознательных крестьян привлекли их на свою сторону. Они решили дать бой Советам и с этой целью на первых порах стали распространителями всякого рода вздорных слухов. Вскорости и почти одновременно с кулацким саботажем по деревне поползли тревожные слухи сначала шепотом, а затем и вслух о появлении «Антихриста» и о том, что имя этого «Антихриста» скрыто в упоминаемом в библии магическом числе «666». Эти деревенские «пророки» и «маги» тут же на обычных спичках демонстрировали расшифровку этого числа. Я лично видел, как приняв особо таинственный вид, такой доморощенный маг из рода Черепановых выкладывал из спичек число «666», а затем уже из этих спичек путем комбинации складывал из них пять букв и получалось слово «Ленин».

Распространителями и сеятелями этих и прочих нелепых слухов были большей частью женщины из числа местных жителей, тесно связанных с кулацкой частью деревни. Они ходили по избам и предсказывали о приближении конца света и прихода страшного суда божьего. Они же обвиняли Советскую власть и большевиков во всех смертных грехах, в отсутствии крайне необходимых деревне товаров широкого потребления: спичек, соли, керосина, ткани и др.

Контрреволюция в лице деревенского кулачества, их кровных сынков-офицеров царской армии, золотопромышленников и людей с капиталом и ищущих легкой наживы поднимала голову. На первых порах ее цель

заклучалась в том, чтобы ложными и провокационными слухами посеять неуверенность в людях, подорвать веру народа в прочность нового строя, а затем пойти в открытую за захват власти. Так оно и получилось. Но в конечном итоге они потерпели полный крах:

Прежде чем это произошло, весь обширный Верхоленский уезд превратился в поле сражения двух враждующих между собой не на живот, а на смерть, антиподов. Главными очагами такого поля сражения прежде всего были: Верхоленск, Куленга, Картухай, Качуг, Тарайская заимка.

Вот ход событий, запечатленных мною, вольным или невольным свидетелем и современником тех исторических событий. В первых числах июля 1918 г., в самый разгар сенокосов, из Верхоленска стали поступать в деревню вести одна тревожней другой: арестован весь состав народных избранников — депутатов Верхоленского Совета. А через несколько дней страшные вести — все арестованные депутаты Советов в количестве 17 [или] 18 человек расстреляны! Белоказачий карательный отряд под командованием белогвардейца Красильникова и нескольких офицеров совершили переворот в Верхоленске и тем самым положили начало контрреволюции⁴. В это время в Верхоленске жил мой друг Ленья Соколов, который был очевидцем расстрела. Вот что он рассказал мне об этом.

«В ночь на 6 июля 1918 г. в Верхоленске произошел большой переворот. Начались обыски и аресты. Все ребята (школьные товарищи) прежде всего беспокоились за инспектора училища Дмитрия Дмитриевича Киселева⁵. И, видимо, в душе спасая своего любимца, среди ребят возникла такая легенда (а может быть, это и был): «Дм.[итрий] Дм.[итриевич] успел скрыться. Когда белые подошли к инспекторскому дому, он уже сбрил свою большую огненную бороду, вышел им навстречу, даже показал им, где живет, и, неузнанный, исчез».

Обстановка стала тревожной: в остроге сидели лучшие представители Советской власти Верхоленска. И среди них молодые, [...] учительница О. К. Смолик и Н. Р. Тюменцев — секретарь уездного исполкома. Сердце сжалось, когда я случайно увидел его обросшего, побледневшего, когда его вводили в калитку острога под конвоем солдат...

И вдруг загрохотали выстрелы... На дворике кузницы лежал навзничь с прострелянной грудью М. Е. Жуков; на склоне Моряна со стороны ручья солдаты-колчаковцы били смертным боем пытавшегося бежать раненого Е. В. Хабардина⁶. Их вели из острога в кузницу заковывать в кандалы. Заковывал первых совдеповцев местный кузнец Гробищев. Заковывал добровольно и изуверски. Запомните эту могильную и нечеловеческую фамилию! Труп М. Е. Жукова еще долго лежал неубранным: может, специально был оставлен для устрашения.

А через некоторое время совершилось самое страшное. На глазах многих жителей среди белого дня у подножия горы Морян расстреливали двумя группами: одну расстреливали, другая стояла и ждала (!) своей очереди. Николай Романович Тюменцев попросил палачей передать часы своей жене Ольге Кузьминичне Смолик, что-то кричал...

Залпы расстрела взволновали всех жителей и потрясли сердца ребят — моих сверстников Алешу Власова и других, с которыми мы были невольными свидетелями рассказанного».

В жизни нашей деревни надолго наступило самое тяжелое время. И хотя Картухай находится в глубоком тылу Колчака, реквизиции и поборы хлеба, скота, лошадей проводились почти непрерывно. Местное кулачество: Грудо, братья Андриян и Егор Черепановы торжествовали победу и фактически заменили местную власть. Так было и во всем Верхоленском уезде. Среди крестьян зрело резкое недовольство бесчинством белогвардейщины и кулачества. Лучшие люди нашей деревни, оставив полевые работы, пошли добровольцами в партизанские отряды. Среди них были первыми Иван Оберюхтин, Никита Бурков, Алексей Сазонов и несколько однофамильцев Черепановых.

Подпольная большевистская организация в Верхоленске была создана почти сразу же после белогвардейского переворота. В нее входили: Житов И. Т. из дер. Житово (руководитель организации), Тюменцев В. Ф., Белоусов С. И., Бетонов Г. Ф. и др. Задача организации — руководство партизанским движением в уезде. Эта подпольная организация проделала большую работу среди населения, что значительно ускорило и обеспечило здесь победу над интервентами.

1 декабря 1919 г. отряд партизан при непосредствен-

ном участии и руководстве И. Т. Житова без боя освободил Верхоленск от белогвардейщины. Это уже была крупная победа. Но враг еще не был окончательно уничтожен. Банды атамана Каппеля были где-то близко, шли с низовьев р. Лены через Верхоленск к Иркутску⁷. Надо было спешить установить революционную законность в уезде, соединиться с отрядом Каландаришвили и совместными усилиями добить врага. С этой целью руководители партизанского отряда совместно с местным активом провели заседание, на котором был образован военно-революционный комитет Верхоленского уезда. По прибытии отряда Каландаришвили в Верхоленск было проведено второе заседание комитета. Это уже было более представительное заседание, в котором принимали непосредственное участие представители штабов, комсостав и командиры партизанских отрядов. На данном совещании были приняты очень важные решения. Во-первых, объединенное командование всеми партизанскими силами было возложено на Н. А. Каландаришвили, а командование отрядом Верхоленского уезда поручено А. Д. Мишарину. Во-вторых, на этом заседании была принята единогласно декларация о политической позиции ревкома*.

На обращение Верхоленского ревкома ко всем труженикам деревни помочь добить колчаковские банды, оказать помощь для снабжения партизанских отрядов продуктами питания последовал горячий отклик крестьян уезда. Потянулись обозы с продовольствием к штабу ревкома. Наряду с соседними деревнями жители Картухая тоже проводили своих добровольцев для пополнения боевых партизанских отрядов ревкома. В штаб ревкома бесперебойно доставлялись продукты питания: хлеб, мясо, картофель и т. д. Автору этих строк посчастливилось быть в числе сопровождавших обоз с продуктами от картухайских хлеборобов. Помнится, после разгрузки продуктов нас пригласили в дежурный штаб ревкома, который тогда размещался в довольно обширном здании бывшего волостного правления Верхоленска. Когда мы вошли в здание, перед нами встала картина: здесь было множество вооруженных людей. Большинство партизан были заняты

* В настоящее время этот документ хранится в партийном архиве Иркутского ОК КПСС, ф. 1, оп. I, д. 20, л. 1.

чистой оружия — винтовок, берданок, охотничьих дробовиков. Кое-где на стенах связками висели гранаты. Иные были заняты амуницией и другим военным снаряжением. Кругом валялись кипы бывшего волостного архива. За отсутствием бумаги чистая сторона этих документов использовалась для составления списков, мандатов и других деловых бумаг. С того времени у меня сохранилось несколько удостоверений на мое имя, на обороте которых старые деловые архивные записи. Непригодная же для повторного использования бумага шла на курево. [...]

Тут же среди крестьян были и наши односельчане-добровольцы: Иван Оберюхтин, впоследствии перешедший в отряд «дедушки» Каландаришвили; Петр Мионов (Лукинский), Николай Старов, Алексей Сазонов и несколько однофамильцев Черепановых. Партизаны рады были угостить нас соленым муксуном, который брали прямо из большой деревянной бочки, стоявшей тут же в помещении. Брат Алексей подошел ко мне со своей трехлинейной винтовкой (он принес ее домой с фронта) и на ухо по секрету сказал, что они готовят засаду банде Каппеля, и просил передать, чтобы дома за него не беспокоились.

Длительное господство белогвардейщины многому научило здешних крестьян. Теперь на горьком опыте они познали, кто их настоящие друзья и кто смертельные враги. Крестьян уже не надо было агитировать за Советскую власть. Белогвардейский террор и творимые ими беззакония были тому наглядными уроками. Особенно решительно повернулась в сторону Советов середняцкая, самая многочисленная часть крестьян. Но кулацкая часть деревни, видимо, крепко связала себя с контрреволюцией. Из картухайских богатеев, в первую очередь, таким был Андриян Черепанов. Не считаясь с очевидным поражением и близким концом власти колчаковщины, Черепанов решил сопротивляться становлению Советов. Завербовав в свою банду человек 15 из местных заречных жителей, из числа так называемых в народе подкулачников и малосознательных крестьян, и прихватив с собой заранее припасенное Черепановым оружие и необходимое снаряжение, лошадей, он скрылся в обширных таежных местах. Вместе с Андрияном Черепановым в банду ушел его сын Василий, офицер царской армии, и жена Андрияна...

В Картухае было известно, что сам Андриян зани-

мал руководящее положение в банде. Его сын Василий руководил военными операциями, а Анна Черепанова была заместителем и первым помощником мужа и сына одновременно. Впоследствии она заняла в банде главенствующее положение в руководстве вооруженной борьбой. Случилось это ранней весной 1920 г. Василий Черепанов возвращался из деревни с разведки в свою банду, укрывавшуюся где-то в охотничьем зимовье в верховьях Никольского распадка. Он вышел из Картухая на рассвете рано утром и направился к Никольскому ручью. В это время Верхоленинский отряд ЧОНа напал на его след. Застигнутый врасплох и преследуемый, Черепанов успел добежать только до первого обрыва ручья. Он залег в укрытии и открыл стрельбу. Его окружили и предложили сдаться. В ответ метким огнем своего оружия он насмерть сразил бойца ЧОНа, а второго ранил. Тогда было применено последнее средство: взрывом брошенной «лимонки» — так тогда называли гранаты — Василий Черепанов был убит. После этого мать Василия, Анна, приняла командование бандой.

Сам руководитель банды Андриян никогда не был военным. Он даже никогда не ездил на охоту, и в мирное время его никто и никогда не видел с оружием в руках. Он был прежде всего способный коммерсант. Теперь, взявшись за оружие, он целиком и полностью полагался на офицерские знания и способности сына. На военные способности жены он не питал особых надежд, но считал, что совсем не плохо иметь в банде хотя бы одну бабу. Нужно было и постирать, и приготовить пищу. Но не из таких была Анна. В боях она проявляла бесстрашие, храбрость и умение владеть оружием. С убийством сына Василия Андриян [Черепанов] совсем растерялся. В данной ситуации положение дел спасла Анна. Она решительно взялась за оружие и фактически стала руководительницей всей банды.

Банда Черепанова не давала мирной и спокойной жизни населению. Обезвредить же ее отрядами ЧОНа путем захвата или уничтожения в случае вооруженного сопротивления представляло значительные трудности. Знакомые с детства лесные чащобы, таежные охотничьи стойбища, займки с зимниками надежно укрывали [ее] от поисков и преследований, а картухайские родственники участников банды, конечно, знали местонахождение их, но скрывали. В случаях угрожае-

мой опасности предупреждали банду об этом. Так и случилось, что Верховенский отряд ЧОНа, посланный на поимку банды, сам попал в окружение этой банды и был полностью уничтожен во главе со своим командиром Александром Дмитриевичем Мишариным. Это случилось на Струнинской заимке в урочище Таран, недалеко от селения Бирюлька 20 августа 1921 г.

В целях предотвращения дальнейшего бессмысленного кровопролития Верховенский военно-революционный комитет на своем специальном заседании решил объявить амнистию всем участникам банды на условиях: 1. Прекращения борьбы. 2. Добровольной явки всех ее участников. 3. Сдачи оружия.

Исчерпав все свои немногочисленные резервы и убедившись в прочности Советской власти, Андриян Черепанов, видимо, давно мечтал о таком случае. По объявлению решения Верховенского военно-революционного комитета, которое было вывешено в Картухае и Верховенске — все участники банды Черепанова в указанное в решении время возвратились по домам и в назначенные сроки явились в Верховенск для регистрации и сдачи оружия.

В первых числах сентября 1921 г. в последний раз я видел Андрияна Черепанова, когда он после регистрации вернулся из Верховенска домой. С трудом можно было узнать прежнего, хорошо упитанного и холерного Черепанова. Он сильно постарел, осунулся и старался избегать встреч с односельчанами. Анну в этот раз и вообще более не видел⁸. У нас говорили, что она была вся израненная и на людях не появлялась.

Так было покончено с бандой Андрияна Черепанова.

АЛИС ИГУ, ф. ДП, оп. 1, д. 1, л. 195—209.

ЗОРИН ПАВЕЛ АРТЕМЬЕВИЧ

П. А. Зорин родился в 1892 г. в дер. Никишино Жигаловского района, из крестьян. Принимал активное участие в организации Советской власти в Жигаловском районе, в 30-х гг. был председателем сельсовета, проводил раскулачивание.

В марте 1918 г. я приехал с фронта, приехал как большевик. В деревне у нас жил ссыльный Лыков Федор Семенович. Шел он за большевиками. Человек был очень начитанный.

[...] До июля все спокойно было. Мы с дядей уехали лес рубить, затем пахали. А [в это время] наша деревня Воробьевка надвое разделилась: одни — за Советскую власть, другие, побогаче, — за Колчака. Они-то нас и обезоружили. У кого какое оружие было, взяли. Арестовали Лыкова Федора Семеновича, Карасева Сидора Ивановича. Я случайно об этом узнал. Гляжу, два воза едут. Парень мне и говорит — так и так, арестовали большевиков. Передал мне письмо. Племянница на Николая Ивановича на расстрел повели. А он каким-то образом письмо передал, на меня адресованное. Я прибегаю в деревню. В деревне тихо, все мужики попрятались. Потом один подходит, другой, третий.

«Что делать будем?» — спрашивают. «Что делать? Собрание, — говорю, — надо». Ночью делаем собрание. Пишем протокол: «присоединиться к восстанию». На крестьянский съезд надо ехать, за помощью в волость, за 30 километров в Тутуру. Но кому ехать? «Давай, Зорин, поезжай. Мы, мол, тебе заплатим» — [решили мужики]. Дают мне сельскую лошадь; 10 километров отъехал, смотрю — стоит на посту мужик. Никого не пропускает. «Пойдем, — говорит, — в сельсовет». А председателя сельсовета я немного знал. [Это] Пуляевский Кузьма Иванович. Отпустил он меня и протокол не отобрал. Я мог бы и сбежать, но ведь надо [было] людей выручать.

[В это время] в Верхоленске расстрел [совдеповцев] был. А в Тутуре — крестьянский съезд проходил¹. Приехали в Тутуру. «Иди, — говорят, — к председателю волисполкома». Пошел. Нахожу председателя и сдаю ему пакет. А он мне говорит: «К Пуляевскому тебе надс, к председателю крестьянского комитета». Иду туда, на крестьянский съезд. Перерыв был как раз. Еще один парень с такой же бумагой там был — Рудых.

Пуляевский с нами спокойно разговаривал, а Воробьев Мамонт Васильевич и Черепанов Семен Петрович орали на нас, ногами топали. Звонок. В классе тесно. Нам места не хватило, стоим. В президиуме Лемзяков Данила Осипович, Кузнецов Александр Григорьевич, Воробьев Мамонт Васильевич, Пуляевский Гаврила Васильевич, Черепанов Семен Петрович².

Зачитали наши бумаги. Мужики-бородачи сидят, молчат. Черепанов выступает: «Отправить их всех в

Верхоленск». Воробьев и Кузнецов то же самое. Лемзяков еще острее выступил.

«Ну, — думаю, — отправляйте, оттуда убежать можно. Места все знакомые». Встал Пуляевский. «А я другого мнения», — говорит. Стал перечислять все партии, партий восемь назвал. Говорит: «Какая партия к власти придет — тот и результат будет. А если мы сейчас большевиков расстреляем, то и они нас потом». Это-то и оказало на мужиков большое влияние. Стали голосовать: «Кто за то, чтобы [Зорина и Рудых] отправить в Верхоленск? Никого. А мое мнение такое, — говорит Пуляевский, — освободить их, а Лыкова и Карасева выпустить из тюрьмы. Кто за?» Все подняли руки. Освободили нас, но под надзор взяли. Так и жили помаленьку. В Жигалово были К. Ф. Неугодиных, Н. А. Орлов и другие товарищи. [Они] нет, нет да и черкнут нам. Так и поддерживали связь. В 1919 г. переехали мы в Петрово. А вскоре жигаловские рабочие разоружили милицию³.

А еще до того, как разоружили милицию, мне Лыков задание дал — узнать, сколько в Верхоленске находится белых. Нашел я причину для того, чтобы поехать [туда]. Мол, поеду за собакой в Верхоленск. Запрягаю лошадь и погнал. Из Петрово 60 километров до Верхоленска. Приехал к Прудникову Андрею Казимировичу — крупному барышнику, жившему на Набережной улице. А у милиции какой-то вечер был. Тут же у него гуляли, в другой половине дома. Приходят к хозяину и говорят: «Андрей Казимирович, пойдите к нам, да и гостя с собой берите». Приходим, они пьют [...]. Старшина Никитин привязался ко мне: «Ты кто, белый или красный?» Я уклоняюсь, мол, на фронте был. «А теперь, — спрашивает, — за кого?» Я [отвечаю]: «Куда волость пошлет». «А я за белых», — говорит. Я прикидываюсь непонимающим.

Утром встаю, пошел лошадь кормить. Встретил хозяйского сына Александра. Он и говорит мне: «Надоело мне все это. [Отец] милицию всю на прокорм взял. Не хватало еще, чтобы он роту Копейкина взял»⁴. «А что это за рота?» — спрашиваю. Оказалось, что это рота особого назначения, и больше никаких рот [в городе] нет. Вот так я все и узнал. Удачно вышло. Домой приехал, а дня через четыре разоружили милицию.

Презжает к нам Донской, уполномоченный по ор-

ганизации дружин. Надо кого-то посылать в Коркино, Заплескино. Думаю, не отправили бы кого попало, как бы дело не испортил. Так оно и вышло. Отправили Григория Молчанова. Приехал он и остановился у учительницы Могилевой. А тут в Заплескино милиция нагрянула. Разогнала собрание, Молчанов в подполье спасся. А мы ничего не знаем.

Я предлагаю сделать засаду, выставить посты. Встретили ямщиков знакомых. Среди них Бузиков Егор Никитич. «Откуда?» — «Из Качуга». — «Ну и что там нового?» А ямщики: «Новое собрание милиция разогнала. Надо что-то предпринимать». Поехал я в Коркино под видом ямщика. Пакет повез. Доезжаю до школы. Знаю, что Молчанов должен быть здесь. Нашел его. «Куда ты? — говорит. — Не ездь в Коркино — [там] милиция. Отдадим пакет продавцу лавки. А из Коркино кто-нибудь придет и унесет».

Так и сделали. Поехали обратно. Назад-то взглянули, милиция за нами едет. [...] Милиция осталась на мосту, а двое к школе подъехали, спрашивают: «Кто у вас, белые или красные?» А ученики [отвечают] — мол, всех хватает. А я собрал дружинников, команду: «В ружье!» У Павла Молчанова случайный выстрел получился. Милиция испугалась и повернула назад. [Мы] организовали взводы. У школы пост поставили. Совет военный выбрали. А из военных нет никого, у меня опыт был, да у Ульянкова, [бывшего] офицера.

[Решили] первый взвод отправить в Кундуй. Отдохнет там, затем пойдет в Заплескино, а второй взвод на смену пойдет. А взвод-то всего 50 человек. [...] «Нет, — говорю, — так нельзя. Давайте пойдем все разом». Доезжаем до Кундуя, догоняем первый взвод. Выслали разведку в Заплескино, а там никого нет. Приехали в деревню, выставили посты. Надо в Коркино разведку выслать. Унтер-офицер [у нас] был один, всю войну прошел. «Давай, — говорю, — поезжай, узнай, как дела. Сколько там милиции. Это тебе задание от военного совета». Запряг [он] коня и поехал. Приезжает туда... Милиция расположилась в горнице. Раздеты до белья. Отряд Копейкина занял помещение неподалеку, на нарах [они] лежат.

Приехал наш разведчик назад быстро. Решили сделать налет на станцию. Сели на коней. Распределили, кто чем командует. Я огородами в деревню про-

брался, к Исакову. Он нашим человеком был. «Бери, — говорю, — ружье, стрелять будем».

Милиция уже увидела, что [наших] цепь идет, на ходу одеваются, коней ловят. Кто-то из них на берег сбегал, кричит, вон, господин начальник, цепи идут. Начальник командует: «Занять огороды». Наши левее стали ползти. Я выпустил обойму. Вижу, начальник [вскочил] на коня. Я выстрелил, не попал. Начальник командует: «На коней!» Я одного подстрелил. Они быстро на коней и из деревни выехали. Наши за ними. Окружили начальника милиции Горшкова, подпоручика Демченко, кричат: «Бросай оружие!» Они и сдались в плен. Стрельбу прекратили. Этим бой и кончился⁵. Милиция убежала в Тюменцево, что в 16 километрах. А оттуда — в Верховенск. Потом говорили: «Досиделись, мол, в Коркино. Там из каждой бани стреляют».

Ночь прошла. Из Верховенска ничего неизвестно. В Тюменцево тоже боимся послать разведку. [Вскоре] из Верховенска приезжает уполномоченный Житов⁶. Рассказывает, что очистили Верховенск от белых. [Направили] туда 22 человека. Там собрание идет, дружины организуют. Белые все бросили: склады, оружие, обмундирование.

Нужно было разведать, как дела в Качуге. Я как разведчик и поехал. Взял [с собой] Третьякова, Тюменцева Василия. Съездили в Качуг [...]. Приезжаю в Верховенск, там Каландаришвили с отрядом⁷. Мне говорят, зовет, мол, тебя «дедушка». Захожу. «Дедушка» спрашивает: «Зорин?» Подает мне руку. «Как в Качуге?» Все подробно расспросил.

Вскоре [партизаны] поехали в Качуг. В Манзурке я заболел. Каландаришвили навестил меня в больнице. Дал мне бумагу, дающую право на каждом станке получать новую лошадь.

Когда зимой 1920 г. шли каппелевцы, меня снова назначают взводным. Получил задание приготовить лошадей для отрядов Каландаришвили и Мишарина⁸. Но они не успели подойти вовремя. Заслона сделано не было. Партизан под Грузиновкой разбили. Были убиты Неугодиных, Пономарев [и другие]. Каппелевцы прошли дальше⁹.

Бурлов вышел к Жигалово¹⁰. Я тут набрал 80 лошадей. Как-то их вернуть обратно надо было. [Вниз по Лене] идти нельзя было. Каппелевцы шли навстречу. Пока сидел в Верховенске, подошли белые. Я собрал

лошадей и по р. Куленге вывел их на р. Ивду, в Заплескино. Каппелевцы прошли мимо. Мы за ними поехали. Приехали в Качуг. Туда же приехали Каландаришвили и другие отряды. Белые от Верхоленска свернули в левую сторону на Бирюльку. Там их и разбили¹¹.

[...] В октябре 1921 г. на станции Оловянная меня демобилизовали. Поехал домой. Очень трудно было добраться до Иркутска. До Качуга шел пешком. Транспорта не было. Дошел до Тюменцевой. А она [...] болен тифом. Ночевать негде. А до Коркиной [еще] 16 километров. Где-то в час ночи пришел. Иду напротив того места, где милицию разбили. А до меня [сюда] пришел бодайбинский отряд: приехали [они] в Коркино, поставили посты, заслон. Только подошел [как раздалось]: «Стой! Кто идет?» Подскочили двое с винтовками. Обыскали меня. «Иди, — говорят, — вперед. Ни влево, ни вправо ни шагу». Шли до штаба 1—1,5 километра. Привели, говорят, что бандита поймали. Отнесли мое удостоверение начальнику. Прочитал он и отпустил меня.

Приезжаю домой, а кулачье еще не ликвидировано. Банда в Заплескино приехала, а кулаки ей список: кто коммунист, кто партизан. В Коркино двоих расстреляли, в Заплескино одного. В Петрово приехали — меня ищут. А я у фельдшера был. К окну подхожу, вижу, однако, бандой пахнет. Отошел от окна. Стучат. Отвечаю, что здесь фельдшерский пункт, больные. Ушли они.

Начальником почты был Скубилин — коммунист. Забрали его в одном белье. Стали его рубить. [Он] под яр упал и спасся. По снегу убежал. В бане до утра просидел. А жену его увезли на полкилометра выше и изрубили.

В Воробьевке Тюменцева Николая Семеновича взяли провожатым до Келоры. Там его и изрубили. В Келоре день или два пробыли. Взяли учителя, комсомольца Аксаментова. Изрубили его. Уехали на Карам. Кто говорил, что это была банда Черепанова, кто Донского¹².

Было это все в 1921 г. [...]

АЛИС ИГУ, ф. 5, оп. 1, д. 8, л. 138—165.

МОНАКОВ ИВАН СЕМЕНОВИЧ

И. С. Монаков родился в 1895 г. в дер. Балашово Киренского уезда. В годы I мировой войны служил в Ачинске, Луге, Петрограде. Участвовал в разгроме корниловщины в августе 1917 г. Вернувшись домой, встал во главе Макаровского восстания в декабре 1919 г. Один из организаторов коммуны в Балашово, затем председатель колхоза до 1933 г.

Приехал я домой в декабре 1917 г. Тогда в армии проходила демобилизация. Мне сказали: «Поезжай куда хочешь». Документы все выписали. А куда мне ехать? Ясно, что домой. Вез я кипу газет, особенно с декретами. До дороге [меня] ограбили, утащили вещмешок. Потом газеты вернули.

В январе [1918 г.] собрание села состоялось. Еще земство было, поп, писарь были. Они напали на меня: что вы там наделали — прогнали правительство. Нужно было сделать волостное собрание солдат, потом собрать уездный съезд и установить солдатско-пролетарскую диктатуру. Выбрали меня на уездный съезд. Галата, Леонова на нем выбрали. Леонов был из Витима, Галат был украинцем, из политссыльных, жил в Тунгуске. Был еще Гершкевич, но его невзлюбили, говорят, он был спекулянт. Съезд бурно проходил. Галата, Леонова, Мунгалова (тоже с Тунгуски) выбрали в ревком.

Красильников останавливался в Марково. Отсюда пешком [он с отрядом] пошел по дороге на Киренгу, в 15 километрах выше Киренска, у Шорохово, вышли. Снизу город осадили красные во главе с Рызинским. Ночью белые врасплох напали на них. Мунгалова, Леонова [и Галата] уже арестовали в городе к тому времени. Расстреляли и Галата, и Леонова, а Мунгалова спас эсер Боровский.

Отряды [белых] продержались до зимы. В Подымахино последний бой был, убили там [одного из] Арбатских. В декабре месяце [1919 г.] белые отступать начали. Марковские решили выступить, перехватить их, но опасались нападения с тыла. Пришли от них делегаты: Алексей Алексеевич Арбатский и второй, кажется, Алексей Васильевич Арбатский. Пришли к нам в деревню. Пригласили меня. Сказали, что надо построить ряды, которые идут из Киренска на помощь белым в Усть-Кут. Тенденция у Арбатского (первого) была не чисто «белая», а курс на Временное прави-

тельство держал. В Иркутске тогда Политцентр¹ был. Так он и сказал: «Держим курс на Политцентр». Я ответил, что рано еще [власть] делить, встретим белых, тогда и видно будет. Мы тоже решили не пропустить белых. В Макарово из Киренска пришел отряд с продовольствием во главе с Оконешниковым, им было приказано не двигаться, а ждать охрану Бодэ. Мы сделали собрание в Чечеткине. Было нас человек десять: Никифор Дмитриевич Спиридонов, Демьян Дмитриевич Спиридонов, Василий Иннокентьевич Шестаков, Иван Семенович Петухов, мой брат Иннокентий Семенович, Анфим Михайлович Тетерин, Осип Никифорович Скретнев. Собрались мы у Спиридонова Данилы Михайловича (впоследствии он стал коммунистом). Разбросали карты, деньги, как будто играем. Вдруг двое из отряда белых заходят. Спиридонов узнал их, увел к себе и напоил. Мы решили перенести собрание в Панскую, так как боялись, что белые будут искать своих, и собрание [наше] откроется*. Собрались у Арбатского Тимофея.

Что делать дальше? Послали нарочных в Донскую. Собрались мужики надежные из окрестных деревень, десятка три. Я говорил, что мы белых задержим, а потом соединимся с марковскими, но для этого людей надо собрать побольше. Много деревень [было] кругом, но не во всех знали [надежных людей]. Наиболее активными были Лазарево и Ядряшино. Решили выступить, договорились через день. Зажгли свечи, перед иконой поклялись. Я сажусь на коня и через хребет приезжаю в Лазарево. Остановился у знакомого Шапошникова Георгия Александровича. Он говорит, что дело пойдет. Приходят два парня: Потапов Николай Федорович и Потапов Федор Иннокентьевич, они были холостыми ребятами, согласились быть с нами. Собрали срочно мужиков, на которых можно положиться. Я говорю, что мы пришлем нарочного, но они должны быть наготове.

Приехал [я] домой. А у нас уже подготовка вовсю: пули льют, ружья чистят. Я приказал из деревни никого не выпускать. Из Макарово в деревню нашу гость приехал, впустили мы его, а обратно не выпустили. Я сходил в дер. Макарово, собрал точные сведения. У меня был знакомый телеграфист — Хорошев Сергей

* Так в подлиннике, имеется в виду — обнаружат.

Михайлович (Манчжурский), он сказал, что отряд Бодэ выйдет из Киренска завтра утром. Осип Скрегнев поехал нарочным предупредить мужиков, собравшихся в Четветкино, чтобы к вечеру были готовы. Мы договорились, что пока я не подам сигнала, не начинать [наступление]. Мы должны были [сначала] захватить телеграф, чтобы никто не мог сообщить в Киренск о случившемся. Я, Иван Ларионович [?] и Демьян Спиридонов пошли туда. На телеграфе был Егор Васильевич Хорошев, торговец вином, он пришел деньги сдавать. Принимал у него деньги Боев Михаил Васильевич. Мы к ним: «Руки вверх!» Арестовали. Остальные мужики заложили все дороги из Макарово. Разоружили отряд с продовольствием. Из этого отряда Федор Дмитриевич Петухов примкнул к нам. Земство, волостное управление, начальника милиции, купцов тоже арестовали.

Но Бодэ с понятием* был. Он по дороге никого не встретил и поэтому решил не двигаться дальше. Отправил вперед только три подводы, на одной из них был пулемет. Мы немного просмотрели. Я стоял рядом с Нератовым. Он примкнул к нам в Макарово, когда мы приехали в деревню. Фельдфебелем был в царской армии. Когда подводы подъехали, я говорю: «Стрелять, что ли?» Иннокентий Павлович Хороших стал отговаривать нас, чтобы мы кровь не проливали. Я велел его арестовать, но он убежал. Нератов командовал: «Пли!» Белые ринулись назад. Одного из них убили. Потом с нижней заставы говорили, что [белые] из деревни Бодэ сигнализировали фонарями. Вероятно, это было из избы Оконешникова или Хорошева. Бодэ вернулся в Киренск и заявил, что крестьяне против них, что их дело проиграно, и застрелился. Руководителями восстания были мы (макаровские), так как Арбатский А. А. боялся, что все провалится и его убьют. Он боялся даже по деревне ходить, не то что агитировать за восстание. А мне бояться нечего было, все знали, что я большевик.

В Киренске, говорят, сильная организация была, но какая-то странная, ничего не делала. Только когда Бодэ вернулся, они взяли власть в свои руки. В Киренске был избран Совет депутатов (Никольский — юрист², учительница Филон, врач Алексеев³, Дмитриев

* Так в подлиннике, имеется в виду — опытный.

Николай Степанович, учитель Эшке⁴). Собрали [уездный] съезд Советов после волостных съездов. Долго шел этот съезд. Разбились на секции. Заседания шли в здании полицейского управления. На одном из заседаний президиум вдруг прекратил работу и ушел наверх. Поликарп Андреевич Рагозин из дер. Скобельской прибегает и зовет меня наверх, куда ушел президиум. Юрист Никольский говорит: «По Илиму на Лене идут три отряда белых примерно по тысяче человек. Если не подготовиться, всех захватят. Надо по волостям собрать [народ]. Ты поедешь организовывать свою волость, а мы будем здесь проводить мобилизацию». Я согласился ехать в деревни. Никольский еще сказал, чтобы собрал мужиков, сколько смогу.

Приехал [я] и рассказал все мужикам, но желающих встретить [белых] оказалось мало. С такими силами мы бы не устояли, белых-то много. Прихожу на телеграф, передаю Никольскому, что надо провести мобилизацию. Он согласился и сказал, что сейчас же отправит нарочного с документами на разрешение мобилизации. Пошел я в волость, взял списки жителей, своих годков. Человек 35 выбрал: Потапов Григорий Иннокентьевич, Швецов Кузьма Иннокентьевич, Потапов Гаврило Афанасьевич поехали на Усть-Кутский фронт. Я тоже с отрядом пошел. Возле Подымахино встретили мужиков, они телеграф эвакуировали. Говорят, что видели разведку белых, но те ничего не делали. В Борисово догнали нас человек 10 марковских. Приехали в Подымахино, оттуда в дер. Якурим, а к ночи добрались до Усть-Кута. Там переночевали. Первый отряд белых Сукина прошел вверх по Лене. К утру киренский штаб приехал во главе с Дмитриевым Николаем Степановичем. Поляков был во главе Боярского отряда. Нератов в моем отряде был, он пошел в штаб, и там ему Поляков бумагу написал, что он будет командиром отряда. Я остался рядовым в его отряде. Первая разведка в Туруке догнала Сукина. Они в панике [вскочили] на лошадей, на возки, и бежать. Одного казака ранили на возке, другого нашли в подвале. Белые по дороге все обчистили: хлеб выгребали, лошадей брали, телеграфные провода обрезают. Доехали до Грузновки. Мишарин⁵ там должен был образовать группу, которая должна была соединиться с отрядами красных — Дулова⁶ и Бурлова — и сделать в Грузновке фронт. Но белые быстро гнали,

и они не успели фронт сделать*. Мишарин один [белых] встретил. Бурлов и Дулов задержались в Усть-Илге. Грузновка лежит на левой стороне, а по правой стороне идет летняя дорога. [Белые] уговорили мужика, чтобы провел их летней дорогой и с тыла на Мишарина напали. 27 человек из отряда Мишарина были убиты, в том числе и сам Мишарин. Белые прошли Жигалово и через Киренгу ушли на Байкал. Когда мы приехали, Мишарина уже хоронили. Мы простояли день в Жигалово, а потом из Усть-Кута пришел приказ ехать обратно.

Отряд Перхурова сдался, а головка, штаб, человек 20 не сдались и от [дер.] Максимова поворотили и пошли хребтом к Тунгуске. Его преследовали мужиков двадцать из Подымахино. Перхуровцев застали ночью в охотничьем зимовье. Предложили сдаться. Им деваться некуда, и сдались. Золота у них было много. Когда мы приехали в Подымахино, они в школе сидели. Три женщины среди них было. Сам Перхуров высокий, черный мужчина, в форме подполковника.

В 1921 г. пришло известие: отряд [белых] идет по Киренге⁷. Всех коммунистов мобилизовали. Некоторые не поехали и выложили билеты. Дорогой [мы] соединились с продотрядом, был в нем Алексей Сурков (поэт сейчас большой)⁸. Приехали в Казачинск, в сельский ревком. А белые ушли на речку Окунайку. Мы думали здесь же их перехватить, а они до озера добрались и вернулись обратно на Киренгу. Собрали по дороге всех лошадей. Мы ночевали в Новоселово, они в Юхте и Тарасово (три—четыре километра от нас, на разных берегах). Командиром нашего отряда был Луконин, из ленинградских рабочих, потом Большаков Иван Семенович, из белых офицеров. Собрали совет: что делать? Может, окружить Юхту и Тарасово? Отправили разведку. Они пошли прямо в Юхту. Белые спрятались. Кафанов Алексей, [один из разведчиков], заскочил в школу, белые за ним. Он спрятался в подвале. [Но] винтовка у него оказалась со сломанной пружиной. Вывели его на улицу, пытали, потом убили. Народ согнали [смотреть]. Мы с Петуховым пошли по льду к Юхте. Когда мы стали стрелять, белые побежали. Мы ночевали в Юхте. Они по Улькану ушли за Байкал. Я один поехал в разведку. Встретил воз-

* Так в подлиннике.

чика в пяти километрах, он сказал, что ушли они далеко, не догнать их. Кафанова в Новоселово похоронили.

АЛИС ИГУ, ф. 6, оп. 1, д. 11, л. 121—133; д. 18, л. 47—61.

АРБАТСКИЙ ВЕНИАМИН ПЕТРОВИЧ

В. П. Арбатский родился в 1899 г. в дер. Красноярво Киренского уезда Иркутской губернии. С 1919 г. начал службу матросом в пароходстве и всю жизнь плавал по Лене. С 1928 г. работал в Алексеевском затоне. Умер в начале 70-х гг.

В 1917 г. стали митинги разные. [...] Разных списков было [много], а мы народ темный, не понимали ничего. Агитаторов приезжих не было. Солдаты с войны стали возвращаться: Антон Васильевич Арбатский, Федот Архипович Арбатский и многие местные пришли. Брат жены Сергей Андреевич Красноштанов из дер. Казимировой был взят в армию Колчака. Он прослужил один год в Иркутске, уволился и поступил в пароходство. Я был нестроевой, служил в обозной команде, выполнял разные хозяйственные дела. Был раздатчиком хлеба. Раздам и лежу. Взяли меня в сентябре 1918 г., а в конце сентября 1919 г. приехал домой. Здесь затем пошла заваруха. В Усть-Кут приехал. Там Карл Люля¹ был, он работал на сользаводе. Мунгалов², управляющий, держал связь со Зверевым. Утром пришел к Карлу. Он говорит: «Если хочешь, поступай в партизаны». Я говорю: «Куда же, если я ноги еле волоку». Болел я тифом. Домой поехал. Кругом восстание. Офицеров всех перестреляли. Я которых знал, всех покончили: Лаврушина, Бобрякова, Николая Лавровича Маркова³. Бой в Якурине был. Каппелевцы шли в Усть-Кут. Туда поехали все мужики, и часть каппелевцев сдалась. [Остальные] во главе с генералом Перхуровым ушли, и в зимовье 40 человек было обезоружено четырьмя мужиками.

По Киренге слышно было о полковнике Долганове, который в какой-то деревне 14 мужиков забил колотушками и ушел за Байкал⁴. Мужики не могли его поймать.

В Якутии была, конечно, настоящая война. Зимой 1919 г. я поступил на пароход «Пропагандист» матросом. Просто ходили по Вилюю. Грузы шли через Жи-

галово, а раньше — на лодках. Всех грузов поступало 60 тонн. Везти было нечего. Карбазами тащили. Я [потом] на «Киренске» плавал два года. В 1921 г. попал в Якутии [в Алдане] в плен к белым. Там работал на р. Мае. Работали в экспедиции, все было нормально. Да все это, видимо, подготовлялось. Рабочие [тут] все были, а потом оказались [и] офицеры. Из Якутска все начальство убежало. Девять офицеров организовали восстание⁵. В Аян был доставлен груз из-за границы, туда за грузом пришли пароходы, но им не дали его. Мы шли с грузом с Нелькана, нас на лодках перехватили начальники из Якутска. Наш начальник — Иван Федорович Молодых. Он не хотел подчиняться, но под угрозой оружия остановился, и офицеры вернули все грузы. Стали мы работать на белых. Нам давали 300 граммов хлеба и стояли в Нелькане, рыбу ловили, зайцев били и питались.

Фронт начал распадаться летом 1922 г. Много офицеров стало удирать на лошадях. Мы просто жили. Красные втихаря подошли под вечер на пароходе. Поселок находился под скалой. Стали палить из орудий и пулеметов. Красные сожгли все склады в тылу у белых. Все белые убежали за р. Ую.

Пепеляев выступил. Борьбы было! Тысячи положили. Они [белые] отступали партиями через Алдан. Строд повстречался с Пепеляевым. Строд победил, и все этим закончилось⁶. Пепеляева судили в Чите, [затем] освободили, преподавал даже в академии. Умер недавно⁷.

Якутской добровольческой армией командовал Василий Алексеевич Коробейников⁸. Он — корнет царской армии, снабжал красные отряды, а затем оказался у белых. В Охотске рабочие сделали переворот и стали хозяевами. В 1920 г. их потеснили [белые], они бежали. Осенью на «Соболе» расстреливали рабочих⁹. Якуты уводили по два человека, и они не возвращались. Здесь был Добрынин¹⁰. Он был ранен и спрятался у ручья. Мы подошли и увидели его. С нами был Фок, немец. Мы оказали помощь ему [Добрынину] и отдали местным жителям, но белые его нашли и принесли на брезенте на пароход и сбросили в воду.

АЛИС ИГУ, ф. 7, оп. 1, д. 8, л. 34—38.

ВЫСОКИХ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

Н. И. Высоких родился в 1900 г. в с. Тарасово Киренского округа Иркутской губернии. Активный участник партизанского движения на Лене. В дальнейшем стал бессменным председателем колхоза в с. Боярском.

В суровые дни 1919 г., в октябре месяце, сидя на станции Банная, ямщики, как и на всех станциях, расположенных по р. Лене, курят трубки, не знают дальнейшей их судьбы, говорят, что выходит в Усть-Кут партизанский отряд под командованием Слюсарева, то опять говорят, что Слюсарева частями киренской местной команды отогнали от Усть-Кута. Другой мужик, сидя на нарах, говорит, что он слышал, что скоро придет большой партизанский отряд какого-то Зверева. Этот отряд имеет большое количество партизан. Один пожилой мужчина, Федор Антипович, говорит: «Бог его ведает, что будет дальше».

Но вот прошло два дня. 23 октября в ночное время прилетает загонщик на паре почтовых лошадей, быстрым шагом забегает в ямщицкую, кричит громким голосом: «Немедленно запрягайте двадцать пар лошадей: едет отряд офицера Рубцова». Рубцов — офицер колчаковского карательного отряда, был направлен из Иркутска колчаковскими военными властями на подавление партизанских отрядов в Усть-Куте. Но вот пара за парой подъезжает отряд. В Банную ехали осенней боровой дорогой, так как р. Лена еще не стояла, по Лене шла осенняя шуга. Подъехала тройка к станции, вышел из кошевки офицер-каратель колчаковского отряда Рубцов с женой. Заходят в горничное помещение, его денщик-солдат немедленно снял с него тулуп и шинель. Оправил по всей форме своего командира. Тут же забегает нарочный солдат, берет руку под козырек и отрапортовал: «Ваше благородие, запрягают, на станции все тихо, партизанского духа не слышно». «Хорошо, — отвечает офицер, — сейчас зайду в ямщицкую и поговорю с мужиками». Не прошло десяти минут, как заходит в ямщицкую офицер Рубцов в мундире, крепко подтянутый ремнем. Только что зашел, как его связной скомандовал всем солдатам встать. Все соскочили, в том числе и ямщики, которых здесь находилось десятка два.

Офицер спрашивает: «Ну, как, мужики, у вас тут нет красной заразы?» Говорят: «Да нет, не слышно

в наших местах, не было и нет». «Да, — отвечает офицер, — вот видите, в Усть-Куте появляется эта красная зараза. Вот мы и поехали на ликвидацию. Как заберем — будем пороть красных партизан по задним местам до тех пор, пока это место не покраснеет кровью». Ночь темна. Отряд через десять минут отправился на ст. Турука по направлению на Усть-Кут. Но вот проходят дни, недели, а мужики все так же собираются вечерами на станции и рассуждают о том, как будет дальше. Но вот однажды, в первых числах ноября, приходит на станцию пожилой мужчина Малахов Петр Алексеевич и говорит, что он сегодня был в Туруке и слышал новость, что по приезде в Усть-Кут офицера Рубцова [...] вместе с киренским колчаковским отрядом партизанский отряд под руководством Зверева выжал* из Усть-Кута и взял в плен в Подымахино и там его расстреляли. Говорят, что он, собака, еще перед смертью песни пел.

Прошло еще три—четыре дня. Приезжает из Туруки нарочный, как тогда называли курьера, везет тринадцать пакетов от партизанского командира тов. Зверева, которые нужно вручить только лично солдатам белого отряда Колодезникова, который направлялся из Иркутска на подавление партизанских отрядов в Усть-Куте. Когда приехал ямщик из Туруки с тринадцатью пакетами, он рассказал здешним ямщикам, как и кому нужно передать пакеты и о идущем сильном отряде Колодезникова. Сидя на нарах, пожилой мужчина, Высоких Илья Мелентьевич, куря папиросу (козью ножку), говорит, что и этот отряд найдет себе могилу в Усть-Куте, так же как ее нашел карательный офицер Рубцов. Но вот старший по ямщикам закричал: «Колька [Н. И. Высоких. — Сост.], запрягай свои подводы быстро и вези пакеты, да не потеряй». Колька быстро запряг лошадь и помчался вверх по Лене по направлению к идущему отряду Колодезникова. В результате эти письма были вручены в Боярской Карпову Дмитрию Трофимовичу, который ехал в Орлингу по личным делам, так как в это время отряд Колодезникова стоял в Орлинге. Карпов должен был вручить их только солдатам. Позднее, вечером 30 ноября, Карпов Дмитрий Трофимович приезжает в дер. Жемчугово, в двух километрах от Орлинги, где несколько десятков солдат

* Так в подлиннике.

из отряда Колодезникова были размещены на квартирах. Карпов заезжает в эту деревню к своей родне — к свояку Тупицину Степану Михайловичу. На этой квартире тоже были размещены солдаты. Карпова хорошо встретила родня, угостила. Но ему нужно было сделать порученное дело. Прежде всего Карпов переговорил со свояком о поведении солдат и об их отношении к [...] красным. Тогда свояк Карпова Тупицин С. М. говорит, что тут есть среди солдат один хороший парень, он вел с ним серьезный разговор о том, как избежать кровопролития. Поэтому эти тринадцать пакетов, адресованные солдатам белых, были переданы по назначению.

В отряде Колодезникова находился боец Карпов Григорий Иванович — местный житель из дер. Боярской. Когда отряд стоял в Орлинге, Карпов Григорий Иванович стал проситься домой, так как от Орлинга до Боярска всего три станка, или 60 километров. Капитан Колодезников разрешил Карпову выехать домой. Полученные солдатами тринадцать писем от командира партизанского отряда товарища Зверева не могли не встревожить солдат, так как Зверев в своем обращении рассказал солдатам, что его партизанский отряд состоит из их братьев, отцов, дядьев, поэтому их долг избежать кровопролития. Он призвал солдат перейти на сторону партизан, а не воевать за интересы дворян. Когда солдаты прочитали эти письма, немедленно создали повстанческий комитет, куда вошел и Карпов Григорий Иванович. Отпуск Карпова Г. И. домой вперед отряда явился стимулом для повстанческого комитета. Был Карпов в возрасте 21 года, стройный, среднего роста, коренастый. Встретила его семья: мать, отец, братья. Все горячо радовались. Но Карпову нужно было выполнить задание от повстанческого комитета, созданного в отряде Колодезникова: по приезде в Боярск подработать вопрос с бывшими местными солдатами, благонадежными к партизанам, решить, где поставить штаб отряда, чтобы можно было сделать переворот, перебить офицеры без жертв среди населения и бойцов отряда. По приезде домой Карпов Григорий Иванович немедленно занялся порученным ему делом. Хорошо зная обстановку родного своего села, людей благонадежных, он в этот же вечер пошел на квартиру к соседу Пуляеву Василию Егоровичу (деревенская кличка Васька Зубов)¹. Он — бывший младший

командир, служил во время империалистической войны. Парень смелый, не робкий, всего лишь год тому назад вернулся с фронта, не забыл еще мер и приемов военных, а также обращения с оружием, особенно с гранатами.

Карпов Г. И. рассказал Пуляеву В. Е. о положении дел, о задании [...] повстанческого комитета отряда, что здесь, в Боярске, нужно будет сделать восстание, перебить офицеров, перейти на сторону красных. Об этом деле в отряде знает только повстанческий комитет, и он руководит этой операцией. Пуляев как бывший боевой офицер (на службе в армии участвовал в свержении власти капиталистов) сразу же дал согласие принять участие в повстанческой операции. Причем, командование всей операцией принял на себя в этот вечер. Карпов и Пуляев наметили план: штаб поставить у местного жителя Зырянова Евгения Кузьмича, в доме на две половины, а хозяина предупредить, чтобы он поместился* в одной половине, в другую половину для лучшего проведения операции поместили штаб отряда. Было намечено: когда начать операцию, где расположить пулеметную роту, которая тоже была в заговоре, чтобы была подальше от штаба. Отряд в 250 человек был обмундирован с иголки: новые шинели, новые полушубки, валенки. Был большой запас патронов, большой обоз продуктов питания.

Отряд двинулся из Орлинги 3 декабря, сзади их тащился обоз. В этот день обоз доехал только до Тарасовой, т. е. 18 километров. Наутро 4 декабря отряд тронулся дальше, его маршрут был — до Боярска. Собрав всех лошадей, местные мужики повезли солдат и вечером доехали до Боярска. В Боярске штаб отряда встретили Карпов и Пуляев и поставили штаб на квартиру к Зырянову Евгению Кузьмичу, причем его предупредили о могущей быть операции. В то же время приехали все солдаты и были расквартированы по избам местных крестьян. Члены повстанческого комитета были поставлены на квартиру к Пуляеву Василию Егоровичу. Ждать было нечего, нужно было как можно скорее расквартировать остальных солдат, отправить ямщиков с лошадьми, которые привезли солдат, и приступить к операции в момент, когда командование отряда будет за ужином, иначе дело можно провалить.

* Так в подлиннике.

Если дожждаться ночи, офицеры пойдут проверять посты, тогда может быть провал всего дела. Вопрос решен — немедленно приступить [к перевороту]². Руководство операцией взял на себя Пуляев В. Е. Он подобрал себе трех бойцов с гранатами. Подходя к квартире, где размещался штаб, Пуляев дал команду поставить посты в сенях и на крыльце, и вокруг избы, чтобы не могли убежать офицеры на случай неудачи от гранат, но неудачи не было. Подойдя к избе поближе, Пуляев, посмотрел в окно, [чтобы узнать], чем занимаются офицеры. В это время офицеры сидели за ужином. Пуляев [...] предупредил своих товарищей, что операция начинается. Он первый бросает свою гранату в окно, эта граната не разорвалась. Испуганные неожиданным явлением, офицеры выскочили из-за стола, но тут же посыпались гранаты одна за другой. Гранатами побило не всех офицеров, уцелевшие ринулись бежать на улицу, но были встречены штыками в сенях, а сам офицер Колодезников выскочил из этой половины в другую, где находился хозяин, а хозяин был предупрежден и поместился с семьей в подполье и капитан тоже туда. Офицеры были расстреляны, но часть лучших офицеров была оставлена как благонадежные, верные делу революции. Были оставлены Хохряков, Брылев, Поляков³. Полякова все солдаты поставили своим командиром. Оставили врача⁴, который спасся в бане, он за каменкой просидел всю ночь в одном мундире. Операция была закончена.

Отряд выбросил красное знамя и с этого часа назывался Боярским отрядом. Назавтра утром, когда хозяин вышел из подполья с семьей, только тогда капитан Колодезников был убит винтовочным выстрелом. Но отряду нужно было все равно двигаться вперед и сдаваться партизанскому отряду тов. Зверева. Повстанческий комитет совместно со своим командиром Поляковым пишет письмо, в котором описывает положение вещей, о совершившемся восстании в отряде, о том, что все офицеры, за исключением нужных для дела, перебиты, и что отряд сдается в партизанский отряд тов. Зверева. Это письмо запечатали в пакет и адресовали начальнику разведки красных и приколотили к пакету перо (это знак старого обычая — должно лететь как птица). Это значит, пакет должен быть доставлен в самом быстром порядке.

6 декабря опять мужики на ст. Банная сидят вечером, курят табак, ведут серьезный разговор. Слышали от людей, что отряд партизан выступает навстречу белым, знают, что отряд Колодезникова тоже идет в наступление, но где они встретятся, какие будут результаты: чья победа и чье поражение?

Но вот стукнуло восемь часов вечера. Прискакал ямщик на лошади. Лошадь задохлась от быстрого бега, в поту. Оказалось, ямщик М. А. Жмуров со ст. Рига привез срочный пакет с адресом начальнику разведки красных и с пером. Все мужики обступили Жмурова, спрашивая в чем дело, где отряд, что за пакет? Жмуров говорит: «Обождите, дайте раздеться, все расскажу». Снял доху: «Так вот, товарищи, отряд Колодезникова доехал до Боярска, и позавчера вечером солдаты перебили офицеров, перешли на сторону красных и вот написали письмо красным, чтобы красные партизаны приняли их к себе без боя, без кровопролития». Мужики опять спрашивают: «Да верно ли это?». «Да что я вам буду врать?.. Что мне сказал ямщик омоложевский, то я вам и говорю». Все мужики обрадовались восстанию. Только опять старший по станции Тарков Зиновий Павлович закричал: «Колька, быстро запрягай коня». Я быстро запряг своего рыжего, взял пакет и поскакал по направлению к Туруке. Подъезжая к Туруке, выскочил на взвоз и услышал: «Стой! Кто идет?» Я отвечаю: «Везу срочный пакет с пером, адресованный начальнику разведки красных». Ко мне подбежали двое красных партизан, стоящих на посту. Один из них, Верхотуров, говорит: «Давай пакет, отнесу его командиру отряда». Но я ответил, что сам его лично передам командиру отряда. Тогда один партизан садится со мной на сани, и мы поехали к командиру отряда Звереву. Он стоял на квартире у крестьянина Маркова Лаврентия Степановича.

Когда я вручил пакет командиру отряда тов. Звереву, он несколько раз его прочитал, а потом стал спрашивать: «Расскажи, что ты слышал от ямщика, который передал тебе пакет». И я несколько раз рассказывал Звереву те сведения, которые слышал от рижского ямщика Жмурова Михаила Андреевича. После долгих разговоров я стал спрашивать командира Зверева, могу ли ехать обратно в Банную, но командир строго запретил. «Вот, — говорит, — когда завтра отряд тронется в путь, мы с тобой вместе сзади поедem».

Рано утром 8 декабря отряд был выстроен на улице дер. Туруки, сотни лошадей стояли запряженными, партизаны рассаживались по саням. Десятка три-четыре конной разведки стояли тоже на улице, ожидая команды выступить в путь. Но вот подалась команда: «Трогай». Вперед поскакали кавалеристы на ретивых лошадях, вслед за ними тронулись запряженные лошади с пехотой, за пехотой — батарея и пулеметная команда. Батарея была искусственная, т. е. была взята в усть-кутской церкви пушка. Этой пушкой в недалеком прошлом в пасху встречали Христа. А сейчас эту пушку просверлили еще более диаметром, сверху сделали отверстие для поджигания пороха и приспособили на колеса от крестьянской сеялки. Вот и пушка, как ее можно было назвать, «пугач». А сзади выехал я на своем рыжем. Конные разведчики не остановились в Банной, проскакали мимо по направлению к Риге, за ними тронулись и все остальные части.

В этот день, 8 декабря, утром рано Боярский отряд тоже под командой Полякова тронулся из Омолоя и доехал до Риги. В Риге [они] стояли недолго, подменить лошадей пришлось немного, так как в Риге мало лошадей, а поэтому большинство омолоевских подвод поехало дальше, в Банную. Но ехали медленно, все ожидая встречу с партизанским отрядом. Конная разведка партизанского отряда далеко заметила движущуюся массу лошадей и народа. Срочно выслали одного всадника, который доложил в приближении Боярского отряда. Когда подъехали все лошади с бойцами партизанского отряда (это было выше ручья Шапкино), командир отряда дал команду трем кавалеристам выехать на переговоры с идущей навстречу военной частью Боярского отряда. Когда разведка выехала на переговоры, пушка была выставлена на боровой дороге и была приготовлена к бою.

После недолгих переговоров со стороны Боярского отряда были выкинута красные знамена. Разведка доложила командиру партизанского отряда о том, что Боярский отряд сдается, т. е. переходит на сторону партизанского отряда. Командир партизанского отряда дал команду вывесить красные знамена и дать несколько салютов из пушки. Пушка загрохотала. Бойцы-«артиллеристы» то и дело начиняли пушку охотничьими патронами как можно больше, чтобы пушка сильнее гремела. Настала пора встречи той и другой

воинской частей, полного братания. Оказалось, что в Боярском отряде бойцы были из Приангарья и района Илима, а в партизанском отряде личный состав состоял также из [жителей] тех мест, поэтому тут шла трогательная встреча. В партизанском отряде были бородачи отцы, а в Боярском отряде их сыновья, братья, племянники, родственники всех отношений. После встречи партизанский отряд двинулся дальше, а Боярский отряд потянулся на Усть-Кут в распоряжение командира партизанского движения тов. Зверева, а вместе с ним потянулся и обоз с нагруженными на сотнях лошадей английским обмундированием, боеприпасами, продуктами питания в распоряжение тов. Зверева.

АЛИС ИГУ, ф. 5, оп. 3, д. 8, л. 1—10.

КАНИН ИЛЬЯ СТЕПАНОВИЧ

И. С. Канин родился в 1896 г. в с. Знаменка Верхоленского уезда Иркутской губернии. Окончил 5 классов. Работал почтальоном, затем телеграфистом. Под влиянием встреч с ссыльными большевиками Куйбышевым, Петровским, Ярославским и другими вступил в 1918 г. в партию. Активный участник Жигаловского восстания 1919 г. После гражданской войны работал телеграфистом, начальником почты.

В октябре 1917 г. я поехал телеграфистом в Бодайбо и в 1918 г. вступил там в партию. В августе 1918 г. там была свергнута Советская власть. Меня посадили на 18 суток. Затем нас вывезли в Жигалово. Здесь вместе со мной осело человек 30, остались работать. Они уже знали меня и вовлекли в подпольную организацию. Мясников Кирилл Павлович¹, слесарь Бодайбинской железной дороги, дал мне задание поступить на почту. Меня на работу нигде не принимали, а им был нужен связист. Затем приняли почтальоном. Обо мне думали, что никакой политикой я не занимаюсь и допустили на телеграф. Моими руководителями были Орлов² и Мясников. Руководителей было, конечно, больше, но мы их не знали. Со мной был Жигалов Илья Петрович, мы с ним вместе передавали сведения. Сюда перетянули обоз в 22 подводы с оружием [для отряда Колодезникова. Мы хотели захватить это оружие]. Был у нас Иннокентий Петров, надзиратель. Вот в день его рождения мы и решили ор-

ганизовать переворот. Он жил у купчихи Кожовой, [там они и устроили вечер]. Наши руководители днем предложили нам сделать вечеринку и пригласить колчаковских солдат. Мы откупили домик у одного бедняка. Человек 18 пришло туда. [До этого] 9 декабря нас вызвали к Мясникову. Набралось человек 70 подпольщиков, выделили пять отрядов. Наш отряд из семи человек должен был занять телеграф. Чечугин Михаил возглавлял молодежный отряд. Один отряд из 25 человек займет обоз, другой пойдет на квартиру Кожовой, третий обезоружит офицеров на вечерке.

Все это продолжалось два часа. Борис Мясников и Кондрашенко там, [в этих операциях], участвовали. Орлов был руководителем восстания. Офицеров быстро разоружили, обезоружили Орлова (это [однофамилец], колчаковский офицер). Ему предложили написать записку, чтобы остальные явились в управу. И постепенно забрали так их всех. На телеграфе нас осталось двое. Нужно было, чтобы в Иркутске не узнали о перевороте; поэтому мы охраняли телеграф. Туда привели Петрова, заставили его вызвать Копейкина³, колчаковского офицера, и мы от его имени информировали их, что на фронте неблагоприятно, что теснит банда Зверева, Колодезников отступает. Как нам быть? В Орлинге еще 7-го числа наши командиры (9 человек) влились в [его] отряд. [И] Поляков был в отряде Колодезникова. Его вызвали, чтобы не убить, а всех остальных [офицеров] перебили в дер. Боярская. Копейкин вызвал Верхоленск. Ответ [нам] передали через два часа: фронт будем держать в Жигалово. Утром мы обратились к крестьянам за помощью. Район Верхоленска был контрреволюционным, крестьяне были неорганизованны. Нас было 70 человек подпольщиков. Человек 20 были люди, пришедшие за наживой. Оружием владели всего человек 20. Мы знали уже, что из Верхоленска выступает отряд, а тут такое. Наши решили отступить к Звереву. Мы 10 [декабря] стали отступать. А из Верхоленска выступил отряд, человек 40 колчаковцев. Нечаев, Мишарин, Молчанов организовались и составили отряд человек в 50, выехали навстречу отряду колчаковцев, а нам отравили посыльного, чтобы мы вернулись. Отряд вернулся. В деревне Коркино сделали засаду, в семи километрах от Верхоленска⁴. Это было в декабре. Мы нарубили елок и навтыкали их в снег в два ряда вдоль Лены, затем связали елки бечевкой и на посту поста-

вили Исакова [бывшего] царского фельдфебеля. Колчаковцы ехали на лошадях в Жигалово к Петрову и не ожидали засады. Исаков стал дергать за веревку, передавая сигнал. Убили 28 человек, в плен взяли [несколько человек] и человек 10 прорвались обратно. Через полдня из Верхоленска выступили казаки; в Козлово [они] встретили бежавших и те сказали, что нас там тысячи. Они елки приняли за людей. Копейкин и другие собрали семьи и сбежали в Иркутск.

Отряд Мишарина Александра Дмитриевича прибыл из Верхоленска, а 13-го [декабря] вышел сюда «дедушка» Каландаришвили, и я перешел под его командование. Здесь к нему примкнуло человек 300. Не хватало оружия, а «дедушка» принимал только с оружием. Все просились в его отряд. Дошли мы до Верхоленска, догнали отряд Мишарина, [который вышел раньше]. Если нужно было продовольствие для отрядов, он [Каландаришвили] спрашивал: «Скажите, у какого богатого мужика корова бедняка?» И забирал ее. На остановке в деревне выбирал самую худенькую избенку и здесь делал штаб. В хорошем доме не остановится. Расстреливал на месте тех, кто обижал бедняков. Однажды бойцы поймали у старушки двух куриц, он узнал об этом и, когда их ввели в дом, он чуть не застрелил их.

Мы избрали ревком в Верхоленске. В Баяндае был отряд Некундэ — латыша. С ним связались, он приехал сюда. Байкалов — другая фамилия Некундэ. Он [потом] ликвидировал в Якутии банду. Мы поехали дальше. Один отряд пошел на Иркутск — человек 200, а человек 500 пошло на Качуг. Мы дошли до Оека, где были колчаковцы, потом стояли в Хомутово. Бои были здесь в январе. Бои были за Знаменское предместье. Я передал сведения, что на Лену идут пять отрядов Колчака, очень крупные. Эти отряды просто думали обойти нас и пошли по Ангарскому тракту у Тайшета. Здесь заслон оставили «дедушка» и Зверев. Они не думали, что колчаковцы сюда пойдут. [Мы] узнали, что сюда идет отряд казаков в полторы тысячи. Второй отряд генерала Перхурова в три тысячи человек⁵. «Дедушке» дали указание послать сюда отряды, и «дедушка» посылает отряд им навстречу, отряд Мишарина в 200 человек.

В Манзурке мы установили телефон, связались с Жигалово и узнали, что сюда [в Жигалово] идет ге-

нерал Сукин. Остальные отряды двигались [туда] на лошадях.

Одновременно в Жигалово прибыли и мы. Отряд тот [генерала Сукина] уже занял Усть-Кут. Наши решили держать фронт в селе Грузновке. Человек 400 было у нас. Со стороны Балаганска прибыл отряд Бурлова. В Грузновке решили дать бой. Взяли в разведке трех татар, но они ничего не сказали. У них было пять генералов, одна тысяча офицеров. У них была клятва: убитых везти с собой: сажали труп в сани, в руки винтовку, так они и замерзали. Они пошли в обход, чтобы окружить нас. Но когда они наступали, мы убили человек 100. Грузновку [все-таки они] окружили. Мы отступили. «Дедушка» сам решил сюда приехать, узнав об этом. Бурлов и другие растерялись. «Дедушка» приехал в Бирюльку, а сукинцы от Верхоленска свернули в тайгу. На каждом километре люди у них погибали. Они вышли к Анге, а наши расположились в 10 километрах от Залого, но основная сила была в Юшине и Бирюльке. [Они] решили [идти] обратно через Ангу, в обход нам. Ошибка наша — в тылу не оставили резерва, и они свободно пошли обратно на Лену. Отряд Бурлова даже не появился там, и они свободно прошли и ушли на Байкал, [потом] к Семенову в Читу. Их было уже мало, так как тиф был, сукинцы оставили тифозных человек 60 в бане. В Бирюльке их бросали прямо в Лену. Они [сукинцы] вышли на Еланцы, там их тоже не перехватили. «Дедушка» взял с собой много пленных. Мы пошли на Иркутск. В это время объявили, что можно возвращаться домой, так как партизан было много, меня освободили тоже: я был хромым, оружия почти не имел. В апреле 1920 г. я уехал домой.

АЛИС ИГУ, ф. 4, оп. 1, д. 4, л. 25—43.

ЗЫРЯНОВ ГАВРИИЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ

Г. Е. Зырянов родился в дер. Боярская Киренского уезда. С 14 лет занимался охотой, в 1930 г. вошел в Павловский колхоз. Один из первых комсомольцев в своей деревне. С 1931 по 1933 г. служил в Красной Армии. Участник Великой Отечественной войны.

Боярское восстание началось так: Карпов, Гвоздев приехали и расписали размещение солдат в деревне. Штаб размещался в нашем доме.

М. И. Пешков

П. И. Рядичев

Герой гражданской войны
в Якутии И. Я. Строд

Бойцы отряда, боровшегося с бандами на Лене в 1920 г.

Э. М. Гримм

Х. С. Карих

Т. М. Алымов

В. Д. Пшеничников, И. С. Канин

А. С. Рыдзинский с женой

В. Е. Марков

Н. И. Высокий

М. Н. Марков (в центре) —
командир Конецлужного
партизанского отряда

М. А. Разновский

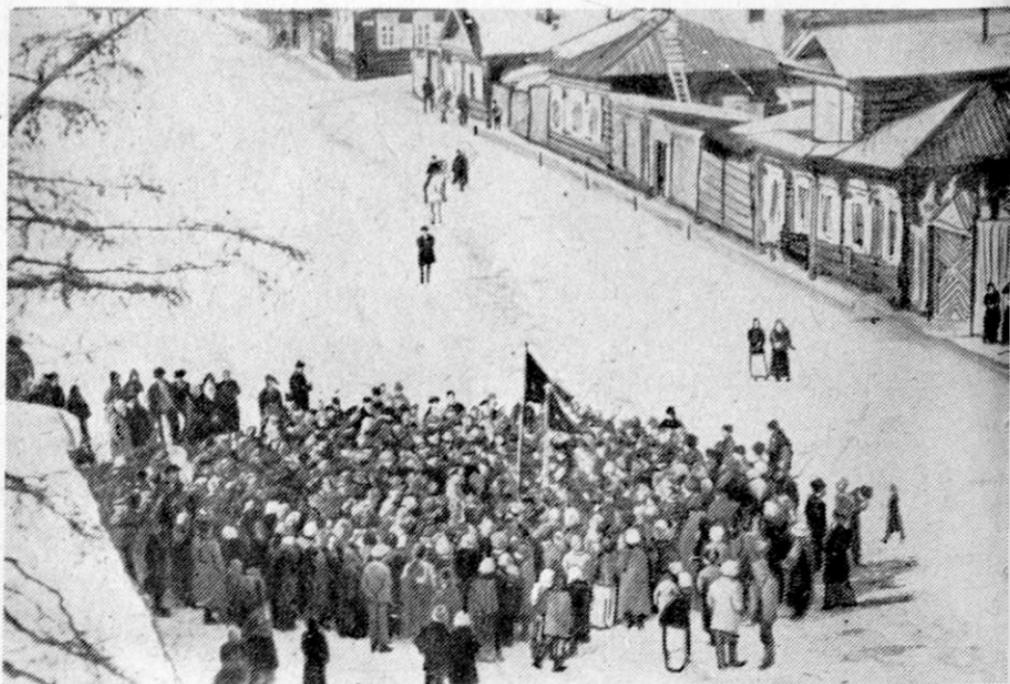

С. Я. Кравченко

П. К. Толмачев —
председатель Верхоленского
Совдепа

Участники борьбы за власть
Советов в Приленском крае
первый ряд — М. Аммосов,
М. Пясецкий, С. Васильев,
И. Карпель; второй ряд —
Л. Аммосов, А. Эренбург,
Виленская, А. Рыдзинский,
Я. Щербинин; третий ряд —
И. Бараков, А. Колевский,
Р. Цугель, Л. Гоммерштадт,
Котенко, В. Синеглазова,
И. Альперович, А. Попов

Митинг в Киренске в дни
революции

Участники бодайбинского восстания 1919 г.: слева направо — Н. Красноштанов, С. Обухов, Т. Мигалкин

Участники партизанского движения на Лене: стоят С. Г. Таюрский, И. К. Соронин; сидят П. И. Шилицин, А. Г. Хохрянов

Бойцы отряда И. Я. Строда

Отряд И. Я. Строда в Якутии

В 1919 г., в введениев день [21 ноября по ст. ст.], вечером прибыл отряд [Колодезникова]. Григорий Иванович Карпов пригласил капитана Колодезникова¹ на чай. Солдаты в квартирах Пуляева Василия Егоровича и Карпова Егора Андреевича вели подготовку, а Григорий Иванович Карпов с капитаном был. Пришли в дом часов в 12 ночи. В этот момент все были готовы. Пуляев проверил расположение в доме. Капитан потребовал чаю. Мать принесла стаканы, и в этот момент залетела граната — и взрыв. Мы спали на полу. Мать упала к нам в ноги. Отца оглушило. Но офицеры убежали, одного только ранило, что у стены лежал. Он стонал. Мы после этого спустились в подполье. Бежавших офицеров убили: двух в гумне и одного на улице. Командира взвода Пашенко тоже сгоряча убили. Солдаты его жалели. Один все-таки офицер скрылся. А врач спрятался в бане. Солдаты, не найдя офицера, решили, что он скрылся в доме, и открыли по дому из пулемета огонь. Нам пришлось в подполье прятаться. Григорий Иванович первый вскочил в дом и объявил: «Кто живой, выходи, стрелять не будем». Мы вылезли и ушли к соседям: [в дом] к Степану Семеновичу Нечаеву. Отца окружили солдаты и с ним с лучиной в руках зашли в дом. Раненый офицер прятался за стеной; и его убили в сенях. Двух бежавших солдат тоже убили, приняв за офицеров. Их похоронили вместе с Пашенко. Дом окружили. Врач спасался в бане. Искали всю ночь, но безрезультатно. В Перескоккине догнали одного офицера. Говорили, что был это Поляков, точно не знаю.

Полякову потом доверили командование. Офицер Шабалда был убит у Андрея Степановича [...]. Еще одного убили на ст. Почтовая.

Нарочный к Звереву и посыльный в Омолой, для снятия связи с Иркутском [Иван Осипович Карпов с солдатами] были посланы сразу же. Потом в доме нашли еще двух офицеров. Одного убили вскоре, а другого долго выбивали из подполья. Но все-таки он вышел. Это был Колодезников. Вышел и сказал: «Бросьте, ребята, дурака валять». Но его перед строем расстреляли. Всех убитых офицеров свезли на улицу к забору. Заказали гробы и за оградой кладбища похоронили. Возила их кобыла Арсентия Устиновича Ермолаева. Потом говорили, что «арсентьева свозит всех».

День проходит, мы у соседей, пока солдаты исправляли разрушения в нашем доме. Наутро уже в своем

доме сидим, как заходит врач [из отряда Колодезников] (Малиновский, кажется)². Мать хлеб из печи вынимала. Мы все заревели, а мать знала, что его жалели. Он попросил хлеба и луку. Он чуть не замерз. Зашел отец, он бросился к отцу и просил спасти. Пришли солдаты, увидели его и обнялись от радости.

Потом, через три года, он проезжал наше село. Зашел в баню, поздоровался с нею, поблагодарил свою спасительницу и уехал. Потом несколько раз проезжал и с баржи кричал, просил поклониться своей спасительнице.

Отряд жил с неделю, пока не связался со Зверевым. Командовал полком офицер, бывший до этого в нем фуражиром, Поляков³. Жену он оставил в Орлинге с врачом, в семье Тарасова Иннокентия Петровича. Полякова потом отправили в Киренск, когда шли каппелевцы, для мобилизации. Он тогда был у Зверева командиром. [...] Поляковы потом уехали в Бодайбо, и сам он вскоре умер.

Когда проходил отряд Сукина, то Карпов и Пуляев скрывались на Илге.

АЛИС ИГУ, ф. 5, оп. 1, д. 13, л. 48—50.

МАРКОВ ФЕДОР ДМИТРИЕВИЧ

Ф. Д. Марков родился в 1889 г. в дер. Глухово Киренского округа Иркутской губернии. С 14 лет начал работу в Глотовском пароходстве. Участник гражданской войны на Лене. С 1930 г. — в колхозе, работал там кузнецом, затем — заведующим ветеринарным пунктом в Усть-Куте.

В 1918—1919 гг. колчаковские отряды ездили грабить по Лене. В 1919 г. приехали в Усть-Кут на пароходах. Они ходили по всей Лене и даже по Илиму. Пришла зима, и им потребовалось много лошадей и продуктов. В тех районах они бились, бились, много не получили и отправили офицера Артамовича в Марково собирать лошадей, продукты, мобилизовывать народ.

Я был в Марково. В Марково политические ссыльные установили Советскую власть. Имелся штаб у них. Когда разнесся слух, что приехал офицер набирать людей, меня вызвали в штаб. Там поставили перед нами задание: убить или взять живым Артамовича. Тут наметили командиром операции Маркова Алексея Федо-

ровича. Меня поставили помощником, а еще Тирского и Ф. И. Касаткина. Вознице Константину Михайловичу Маркову велели приготовить лошадей. Алексей Федорович не имел ничего, а у меня было ружье. Он сказал мне: «Смотри — не зевай, ежели что — сразу стреляй!» Мы пошли в избу, где находился Артамович. Огня в избе не было. Когда вошли, [Алексей Федорович] дает команду: «Вставай! Руки вверх!» Он [Артамович] растерялся. Все было сделано мигом. С койки [он] встал. Браунинг у него был под подушкой, трехлинейка была в углу. Повезли его в Глухово, там разместились в нежилой избе, которая была у Степана Кондратьевича. Меня поставили сторожить его, а сами уехали формировать фронт. Он попытался раз бежать, ограда была низкой, но я следил зорко, приказал ему не шевелиться. Он мне говорит: «Напрасно вы затеяли восстание, отпусти меня — останешься живым. Боярская третий день горит, а вы ничего не знаете». Я не согласился. А на завтра увезли в Марково и посадили в тюрьму.

В Марково донеслось, что здешний начальник Рубцов¹ расстрелял семь человек. [После этого] поднялось восстание под названием «марковская заслонка». Оборвали провода и захватили [его] отряд.

В феврале 1920 г. [я тоже] участвовал. Мобилизовали человек 200, половина и стрелять не умела, и пошли по Куте. Дали распоряжение уничтожить сукинский отряд, который шел вёрхом, но мы его догнать не смогли. Сражались с ним в Грузновке, но он разбил тамошний отряд, а сам ушел на восток. Нас привезли в сользавод для обороны Усть-Кута. Говорили, что сюда идет отряд белых в три тысячи человек. Расположились. Раскинули фронт. Я попал на левый фланг, которым командовал Михаил Николаевич Марков². Было холодно. Разведка передает, что белые двигаются. Впереди ехала разведка [белых]. Они доехали до карповского взвода, их немножко пропустили и давай стрелять. Девять человек убили, а один бежал. Потом начали стрелять пулеметы. Услышали сильный удар пушки. Пушка была петровских времен, медная, предназначалась встречать религиозные праздники: пасху и др. Она сделала три выстрела. Стрелял из пушки Арбатский.

Мы получили приказ отступать. Его дал Турусов. Мы выполнили распоряжение. Я бежал рядом с Михаилом Николаевичем. Он говорит мне: «Куда мы отступаем, Федор? Посмотри, нас окружают, и мы попа-

демся к белым». Потом крикнул: «Стойте! Остановитесь! Слушайте меня». Он остановил отступление и с криком: «За мной!» — побежал вперед. Все с криком стали наступать. А белые, потерпев поражение, уже отступали. Меня назначили завхозом. Кормил солдат, одевал, обувал, собирал и выдавал оружие. Потом дали команду поехать в Марково. Вот тут я и кончил свои боевые дела.

АЛИС ИГУ, ф. 5, оп. 1, д. 10, л. 29—34.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ ИННОКЕНТИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

И. А. Алексеевский родился в 1902 г. в Усть-Куте. В годы гражданской войны — партизан, участник борьбы за восстановление власти Советов в Верхоленском и Киренском уездах.

В 1919 г. я пошел в партизаны. Когда мы ликвидировали банды, нам выдали удостоверения и отпустили. Когда пришел отряд Зверева, я вступил в его отряд, дошли до Киренска, потом нас распустили [по домам]. Когда отряды Сукина, Перхурова, Галкина шли, нас опять послали [воевать]. Товарищ командир говорит: «Надо отряды собрать». Отсюда нас послали в Каймоново. Мой брат установил тут телефон, и мы передали в штаб, [что все в порядке]. Только поговорили, приходим к [одному] товарищу, откуда-то шум доносится, глядим, на лошадях выезжают. Это казачий эскадрон. Думаем, надо бы остановить. Выстрел когда сделали, они раз-раз и в кольцо, а нас всего 10 человек. Мы видим такое дело, выдюжить не сможем, ниже по Куте отступать кинулись. Они за нами, обстрел сделали, видят, ехать им некуда: скалы кругом. А мы сразу в тайгу, что знакомо — не страшно, и к Усть-Куту отступили. Они телефон забрали, давай допрашивать старика [у которого мы останавливались], а он хитер был, смекнул что к чему и говорит: «У них тысячи две народу наберется. В штабе мой брат работает». Стали брата по телефону вызывать. Спрашивают: «Кто говорит? [...] — Где остальные солдаты?» Ему ответили: «В баню пошли». И вскоре к трубке подошел Сукин и говорит: «Если нам дорогу уступите, не тронем». Григорий Карпович на это сказал: «Нас не запугивай, у нас народу тоже много».

[...] Мы петицию* их прочитали, посмеялись — не дождутся они ответа — и двинулись дальше. Поскольку мы им не дали боя, весь хлеб в Усть-Куте они позабирали, несколько коров убили, день пожили и двинулись вверх по Лене. А мы в Якурима отряды собирали. В это время приехал в Якурим Точеный Иван Кузьмич и сообщил, что отряд вверх поехал. В Усть-Кут зашли, там еще костры горят. Для нашего отряда решили выбрать позицию выше Карпова, там расположились, послали разведку вперед на лыжах. В отряде [уже] было 600 человек. Когда последний разведчик вернулся, то по обе стороны дороги расположились. Лежим, видим: первый дозор — 23 человека. Нам приказ был дозорных пропускать. Лыжники наши ходили, свежий след оставили. Они и увидели, остановились, думают, за зайцами гонялись. А мы лежим и думаем: «Вот сейчас «зайцев» погоняем». Ну и давай стрелять: которых побиты, которых как**. А взади обоз шел, стрельбу услышали, выстроили на берегу пулеметы, приготовились. А наши лыжники кругом обошли, в тыл [им] ударили и сшибли их. Сразу развернули их пулеметы и пошли ихними же пулеметами по ним, ну, они в отпятную бросились.

И в Максимовке только остановились. Никольский¹ делегацию послал к ним. Генералы видят, солдат мало. Солдат убедили, они сдаваться стали. А офицеры отделились, человек 50, лесом пошли. А один наш говорит: «Я место знаю». Ну и послали его, через три дня переловили их всех и привели сюда. Перхурова, Галкина, Казакова забрали и повели в Иркутск². Большинство из плененных болело тифом, их до навигации оставили.

[...] Был я в полку Остащенко, Зверева. Вели бой в Якурима под его (Зверева) командованием. Потом передали под командование Полякова. Отряд Остащенко соединился со Слюсаревым³, в двух их отрядах было человек 160. Зверев хотел взять Усть-Кут, зная, что Боярский отряд идет, [словом], рискнул. Здесь уже связь у нас была налажена, мы договорились с часовыми, чтоб они отряд пропустили. Остащенко пропустили: они прошли, спустились к ручью и встали. Они начали обстрел слишком издалека, часовой поднял тревогу, все [белые] поднялись и нашим пришлось отсту-

* Так в подлиннике.

** Так в подлиннике.

пить. Несколько человек в плен попали. Взятых в плен ребят Бодэ⁴ расстрелял, потом выстроил отряд и довольный, воодушевлял своих, начал награждать. А потом давай молодежь агитировать, конечно, никто не вступил в отряд к нему. Он вскочил и говорит: «Если помогать партизанам будете, расстреляю». Простояли до 13 ноября, пришел Зверев, объединились и разбили белых в Усть-Куте.

АЛИС ИГУ, ф. 5, оп. 1, д. 6, л. 36—39.

ПЕШКОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ

М. И. Пешков родился в 1897 г. в Киренске. В 1916 г. призван в царскую армию, служил в местной киренской команде. Принимал активное участие в партизанском движении на Лене. В 20-е гг. работал в Ленском союзе потребительских обществ счетоводом, а потом заведующим производственным отделом. В середине 30-х гг. заместителем управляющего Лензолотопродснаба. Проживал в г. Киренске. Умер в начале 70-х гг.

Первый [Киренский] уездный Совет проводил большую работу среди населения и солдат: бедняцкую часть крестьян наделяли землей, на предприятиях установили 8-часовой рабочий день, солдат демобилизовали, в деревнях создавали Советы. В этот начальный период у первого уездного Совета было и много ошибок: не проявлялась бдительность к старым чиновникам и офицерам, была излишняя доверчивость. В результате на руководящие посты пробрались: бывший подполковник Бострем, есаул Савинский и прапорщик из местных жителей Лаврушин. Он стал начальником милиции. О нем рассказывают, что однажды он ехал с Деревским и велел крестьянам смазать свою телегу. Когда у них не оказалось смазочного материала, то он им пригрозил: «Я вашей кровью смажу телеги, если у вас нет масла».

В 1918 г., в июне или июле, был совершен переворот, которым руководили Бострем, Савинский и ряд других офицеров, пробравшихся в советские органы, в их числе и прапорщик Лаврушин¹.

Я в это время был в отпуску и во избежание преследования (работал в военно-учетном отделе уездного Совета) решил уехать на покос, где прожил до августа. Вскоре меня мобилизовали в колчаковскую армию, и я находился до декабря 1919 г. в местной команде. Солдаты Киренского гарнизона были настроены против кол-

чаковской власти. Тех из нас, кто принимал участие в работе первых Советов, называли в шутку «большевизна». Одни нам сочувствовали, а другие высмеивали. Мы тоже в долгу не оставались. Меня из писарей отправили рядовым в команду за насмешки над офицерами.

В декабре небольшая организация большевиков, одним из руководителей которой был Яшин², заметно оживила свою работу. Яшин часто приходил в местную команду. Когда создавался ревком, он призвал команду присоединиться к нему. Вооруженное выступление совершилось, и снова восстановили Советскую власть. Первым председателем местного Совета после свержения колчаковщины был врач Н. А. Алексеев, которого потом сменил Никольский.

Во время переворота я с Иваном Коваликом был местной командой направлен в управление военного начальника, чтобы изъять оружие у офицеров. Но добровольно оружие никто из них не сдал, а каратель Бодэ из бодайбинской команды застрелился в управлении общей канцелярии³, когда я был в кабинете начальника гарнизона — подпоручика из местных жителей Бобрякова. После выстрела я выбежал из кабинета в общую канцелярию, в которой царила паника, призвал к порядку, из рук умирающего Бодэ взял наган и сказал, что одной сволочью стало меньше. В эту ночь были разоружены и арестованы все офицеры.

На следующий день с моим учителем начальной школы и членом ревкома М. И. Наумовым я был направлен в Подымахино для обезоруживания белогвардейского отряда, состоявшего из бодайбинской и киренской команд. Нам поручалось по пути следования создавать партизанские отряды и установить связь со штабом Зверева, который находился в Усть-Куте. В с. Макарово мы связались со штабом восставших крестьян. Ими руководил большевик, капитан царской армии Красноштанов, скрывавшийся от колчаковских властей на одной из заимок. Восставшими был создан штаб в Конецлуге, в который входили солдаты-фронтовики. Они сделали снежные окопы на случай, если киренский белогвардейский отряд под начальством подпоручика Бухарова не будет обезоружен и станет продвигаться с боями из Подымахино в Киренск. Но восставшие крестьяне Таюры сумели обезоружить белых, и мы их встретили в дер. Сукнево. Я остался сопровождать обезоруженный отряд в Киренск, а тов. Наумов поехал

в Усть-Кут для связи с партизанским командиром Зверевым как представитель ревкома.

Когда [я] вел отряд белых, остановились на ночлег: рядовых я расселил по домам, а 20 офицеров поселил в бане. Тут приезжают два разведчика от Зверева, по дороге встретили спекулянта со спиртом. Выпили. Приезжают ко мне и требуют дать им офицеров, чтобы выпороть их. «А не дадите, — говорят, — мы вам сейчас гранатку». Не хотел я самосуда, но пришлось выбрать порщика. Решили, что соберется народ и решит, сколько ударов каждому офицеру дать. Народ просил Бухарову 50 ударов или хоть 25. Решили, что 25 будет достаточно. Потом поговорка пошла: «Марково, Макарово били Бухарова: дай ему, дай». Лупил всех Зырянов, разведчик от Зверева. Прихожу вечером после порки к ним, узнать, как они, здоровы ли. «Ничего», — говорят.

По приезде в Киренск я сдал отряд ревкому, офицеры были арестованы и переданы ревтрибуналу для следствия, а солдаты распущены по домам. Вскоре всех офицеров судил военно-революционный трибунал, созданный ревкомом. Часть из них была отпущена, большинство приговорено к тюремному заключению и только двое карателей: прапорщик Лаврушин и еще один, фамилию которого не помню, приговорены к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в присутствии делегаций солдат и рабочих, а трупы выданы родственникам для захоронения.

Вскоре ревком назначил меня на должность помощника военного комиссара (которым был рабочий-большевик из ссыльных, фамилию точно не помню, кажется, Синцов). В это время в городе Бодайбо еще была колчаковская власть, и в мою обязанность входило снабжение [партизанского] отряда транспортом, амуницией, продовольствием. Все это брали у купцов и зажиточного населения. Отряд этот под командованием тов. Полякова пришел из Усть-Кута и был частью отряда Зверева. Ему предстояло двинуться на помощь бодайбинцам. Но вскоре в Бодайбо рабочие сами прогнали колчаковцев. Отряд Полякова был оставлен в Киренске, его подразделения добивали белые банды в районе.

КРАВЧЕНКО СТЕПАН ЯКОВЛЕВИЧ

С. Я. Кравченко родился в 1897 г. в дер. Пономарево Верхоленского уезда. Окончил 6 классов. Участник 1 мировой войны. В годы гражданской войны партизанил на Лене. С 1920 г. работал в Ленском пароходстве. С 1932 г. был директором судоверфи.

В октябре 1917 г. произошла революция, но на местах она мало отразилась. Террор, колчаковщина парализовали народ. Начали создаваться партизанские отряды в 1919 г. Я лично принимал участие [в агитации] среди бедняцкого населения. Надо было вести подготовительную работу. В Жигаловском районе в ноябре 1919 г. свергли колчаковскую власть. В Жигалово был создан отряд, и там сразу произошло восстание¹.

У белых был увеселительный вечер, в этот момент мы их и захватили. Телеграфная связь была прервана, мы двинулись в Верхоленск. Руководители [отряда] — Алехин и Мясников, бывшие политссыльные. Из Верхоленского уезда белые выехали нам навстречу, в Коркино был бой, тут их и разбили. Они от Верхоленска отступили, таким образом Верхоленский уезд был освобожден. В январе месяце [1920 г.] созвали I съезд Советов в Верхоленске. Меня избрали в состав Тутурского волревкома. Мне было поручено продовольственное дело — самое трудное в то время. Средств не было, деньги были колчаковские, а они вышли из обихода. А кормить народ надо было. Мы проводили среди населения разверстку, давали твердые задания крепким мужикам. Заходишь в амбары, проверяешь, есть ли хлеб, даешь 3-дневный срок для сдачи. Если не сдавали, грозили трибуналом. Время-то тогда было суровое.

[Тогда же] тут банды проходили. По Верхоленскому уезду проходила банда Черепанова. Отряд под командованием Мишарина преследовал этого Черепанова. Местное кулачество оказывало банде содействие. На р. Куленге наш отряд был окружен бандитами. Мишарина схватили и зверски замучили осенью 1920 г.

В октябре месяце, в первых числах, из Балаганского района на Заплескино вышел отряд белых². Сообщений об этом отряде никаких не было. Когда отряд прибыл в с. Петровское, ими был захвачен начальник почты Сорокин и его жена, вывели их за село и зверски убили. Цель этого отряда была: пробраться за Байкал, от Воробьева через хребет попасть в Келору.

Здесь проживал председатель сельского ревкома Николай Семенович Тюменцев. Они его взяли [проводником], но не знали, что это председатель. Когда белые вышли из Тутуры на Большой Луг, председателя выдал кулак Кислов. Не дойдя до Большого Луга двух километров, они его зверски убили. Из Большого Луга в Келору была послана разведка. Когда разведчики [белых] приехали в Келору, то стали интересоваться, есть ли здесь партийные и комсомольские организации. К этому времени подошел и основной отряд. Секретарем комсомольской организации был учитель Аксаментов, молодой паренек. Они его забрали. Тогда только лишь население поняло, что это отряд белых. Приезжает к нам в ревком учитель дер. Воробьево Донской и заявляет, что утром на Келору прошел большой отряд белых. Мы сразу же поехали в Жигалово организовывать отряд рабочих, мобилизовали лошадей и отправили отряд в 100 человек. Командиром отряда был выделен Орлов Николай Алексеевич³. Отряд наш двинулся в Келору. Прибыли мы к вечеру, а белые еще утром выехали из села. Уходя, белые забрали с собой секретаря комсомольской организации учителя Аксаментова, увезли за речку Тутуру и там замучили. Наш отряд наутро выехал за отрядом белых. Преследовали их до села Карам. Белые, придя в Карам под видом отряда красных, забрали 16 человек из партийной организации и зверски всех убили. Применяли меры не расстрела, а зверски истязали, убивая обухом топора. Убита была женщина Сафронова, крестьянка-коммунистка. Мужа ее тоже убили. Перед входом в Карам мы послали разведку, но белые заподозрили разведку и быстро бежали, взяв лишь эвенка-проводника.

Когда Колчака разбили, остатки его частей пытались пробраться за Байкал. Одним из них был отряд генерала Сукина, отряд был преимущественно из белых офицеров. Пробирались через Усть-Кут на Жигалово и потом на Байкал. В Усть-Куте они прошли свободно, без боя. Из Усть-Кута было сообщено [о его отряде] нам, в волревком, и мы решили встретить этот отряд белых. Выбрали удачное место для боя — с. Грузновку. Наш отряд выехал в Грузновку, занял более удобные позиции. Кто-то из местных успел предупредить белых, что в Грузновке их ожидает отряд красных. Тогда они принимают решение: часть отряда верхом на лошадях отправляют по обеим сторонам Лены

хребтами, в обход Грузновки. А разведка их все время показывалась на Лене. Мы и готовились встретить их на Лене, а они обошли нас. Обойдя, стали смыкать кольцо. Когда красные узнали об этом, начался бой. В ходе его были убиты командиры рабочих [отрядов] Колчанов⁴, Неугодников⁵ и член ревкома Пономарев⁶. Часть красных была взята в плен в качестве заложников, часть же отряда рабочих сумела вырваться и отступила в Жигалово, о чем волревком поставил в известность Иркутск. Со стороны белых тоже были большие потери. Из Иркутска навстречу белым выслали отряды «дедушки» Каландаришвили и Бурлова.

В с. Бирюлька отряду белых генерала Сукина был дан бой, в результате Сукин был разбит, лишь небольшая часть отряда смогла прорваться за Байкал. Взятые заложники были освобождены.

Проходил и второй отряд генерала Перхурова через Усть-Кут. Не дойдя до Усть-Кута, в Каймонове, этому отряду был дан бой, было это в феврале 1920 г. Часть его отряда перешла на сторону партизан. Офицерский состав и генерал Перхуров не сдались, скрылись в тайге и из Каймоново до Подымахино (40 километров ниже) шли тайгой. Вышли к Подымахино и решили переночевать в зимовье, а утром узнать, что делается в селе. Их опознали крестьяне. Собрались мужики, человек 20, окружили их ночью и давай командовать: «Взвод, слушай мою команду!» Захваченные врасплох перхуровцы сдались. Когда их забрали, то они увидели всего [лишь] несколько мужиков, потом чесали затылки, но было уже поздно⁷.

АЛИС ИГУ, ф. 5, оп. 1, д. 1, л. 35—39.

ДОБРЫНИН ИВАН ИВАНОВИЧ

И. И. Добрынин родился в 1900 г. в дер. Осиново Киренского уезда. Окончил городское училище в Якутске. Активный участник декабрьского восстания в Якутске в 1919 г., разгрома пепеляевщины, банд Семенова, Толстоухова, Коробейникова. После гражданской войны работал директором кирпичного завода, учился в Коммунистическом университете в Иркутске, работал в наркомате земледелия в Якутии. Участник Великой Отечественной войны.

В 1917 г. в октябре с германского фронта приехал в Якутск мой старший брат. Оказывается, он имел задание подготовить рабочих к восстанию. И вот он эту

работу проводил. Были у нас собрания. Некоторые попадались. В 1918 г. весной несколько [человек] было арестовано; в июне месяце получили сообщение, что из Иркутска на помощь нам движется отряд Зверева¹, красногвардейский партизанский отряд, но он дошел только до Киренска. А 1 июля 1918 г. мы встретили тов. Рыдзинского. Мой брат и я приняли активное участие в отряде. Рыдзинский — поляк по национальности, старый революционер, простой такой, пользовался большим авторитетом. Ему лет 40 было, не больше. Отряд состоял из 70 человек, и люди примыкали [к нему] по дороге. Они шли из Иркутска. Когда отряд Рыдзинского подошел к городу, их встречали наши и мой брат Михей Иванович тоже. Колчаковцы² и не ожидали, что идет отряд. Мы быстро вошли в город и организовали штаб. Часть отряда выступила в г. Вилюйск, преследовала отступающих колчаковцев под командованием капитана Бандолетова. Человек пять наших там убили. Через [...] месяц пришлось отступить. Пришел отряд Гордеева³ — это белогвардейский отряд — организовались с якутами, и нас расхлестали. Гордеев — колчаковский поручик, отряд был человек 200, хорошо вооружены, а мы были раздроблены. Когда Гордеев пришел, Думу⁴ ликвидировали, [красногвардейцев] расстреливали дорогой, многих расстреляли по Лене, а часть попала в тюрьму. Расстрелы после разгрома проходили без суда и следствия. Соберутся три человека, решат — расстрелять, и все.

Я в то время выехал в тайгу, есть такая дер. Владимировка в 18 километрах от Якутска, там я и жил. Жил я в лесу не один, а с несколькими товарищами постарше меня. А брат был посажен в якутскую тюрьму. Часть людей к 1918 г. освободили. В Якутске осталось всего человек 50—60 [наших], но все были разбросаны.

Несмотря на то, что нас разгромили, проводилась большая подготовительная работа для свержения колчаковщины. Работа эта проводилась очень конспиративно. Руководил ею некто Николай Александрович Романченко⁵, участник I мировой войны, инвалид, на одной ноге ходил. Николай Александрович был беспартийный. Не было ни одного солдата-коммуниста. Все они были из крестьян Магана, Мархи, Гулугинда. Брат мой тоже был беспартийный.

Наша задача [была] проводить агитационную ра-

боту среди колчаковских солдат. Их было более 200 человек. Для меня эта работа была нетрудной, так как среди них было много земляков и родичей, мобилизованных насильно. Меня бы тоже мобилизовали, поскольку я 1900 г. рождения, но я исправил в метриках 1900 г. на 1902 г. и меня не взяли, я их обманул.

Ряд коммунистов (Кочнев⁶, Оржаков⁷ и другие) сидели в заключении. Николая Александровича Романченко я никогда не забуду: как он умело организовал и подготовил всех. На протяжении целого года никто не знал о том, что проходят рабочие нелегальные собрания. Мы их проводили за Талым озером, где сейчас улица Лермонтова, у Еловского Федота Елизаровича [...]. Собирались и у Павла Ивановича Романова на улице Салтыкова-Щедрина (теперь), в доме у одного торгаша. Собирались на Малой Мархе, в семи километрах от Якутска, у Наумова Иннокентия, участника империалистической войны, и на Большой Мархе у двоих братьев: Гриши и Степана, погибших впоследствии. Мы были уверены, что солдаты подготовлены хорошо. Кроме того, проводилась работа и в ближайших населенных пунктах: Магане, Мархе, Павловске. Все они были подготовлены. Агитацию вели [...] только словом и никаких листовок. Когда все подготовились, мы получили известие, что начинают организацию нащупывать. Мы решили во что бы то ни стало наступать. И вот мы 14 декабря решили свергнуть [власть] Колчака. А Тверской⁸ говорил, что еще рано выступать, мы не готовы. Потапов же и многие другие отказывались ждать. Оружие у нас было, мы брали его прямо в казарменных складах. Выйти решили в ночь на 14 декабря 1919 г. Подготовили казарму, выставили своих часовых. Люди все знали, что мы подойдем в 24 часа 30 минут к казармам. Некоторые солдаты даже спали не раздеваясь, в любой момент готовы были соскочить.

[В ночь] с 13 на 14 декабря⁹ мы собрались к Еловскому Федоту Елизаровичу. Нас было всего девять человек: Николай Александрович Романченко, Гриша Потапов — солдат, Тараканов — солдат, Паша Антипин, Василий [Михаил] Первухин — солдат, Еловский Федот Елизарович¹⁰. И вот мы вышли. Идем. Я был самый молодой, дали мне ружье — старую однозарядную драгунку. За мной идет Гриша Потапов. Ночь,

темно, электричества не было. Холод страшный (-60°). Подходим к воротам. На мою долю выпало заскочить к офицеру Муравейскому, дежурному по гарнизону. Я открыл дверь, на столе лампа горит, Муравейский лежит и читает книгу, на столе наган. В это время забежал Николай Александрович с наганом и арестовал Муравейского¹¹.

В то же время в казарму заскакивает Потапов и кричит: «Поднимайся, Красная гвардия пришла!» А нас только четыре человека. Муравейского посадили в холодную комнату. Через пять минут все солдаты были наготове. Николай Александрович пошел освобождать тюрьму, а часть пошла арестовывать колчаковского командующего Каменского¹². На мою долю выпало захватить полицейское управление. Нас семь человек пошли. Входим. В управлении было пять человек. Зашли и крикнули: «Сидеть, не шевелиться!» Мы их арестовали. При полиции была камера с заключенными — человек 15. Мы их вооружили. Тут же был арестован и начальник полиции. В это время Николай Александрович освободил тюрьму, и мы пошли в казачий колчаковский отряд, их было человек 70. Антипин подошел к часовому, приказал положить оружие. Мы зашли, стоит дневальный со штыком, все спят. Мы, семь человек, сумели арестовать и обезоружить 70 человек колчаковцев и отправить их в тюрьму. Дальше [новое] задание: обезоружить сыскное отделение. Туда пришли, а там — высокий заплот, метра в три. Тараканов встал на колени, я — на него и перепрыгнул через заплот, открыл ворота своим. Во дворе было шесть оседланных лошадей, значит, собирались куда-то. Оказалось, и здесь не ожидали [нас], поэтому растерялись и были тут же арестованы.

Я участвовал во всех отрядах по восстановлению Советской власти в Якутии. В 1919 г. [власть] Колчака сбросили в [дер.] Маракой и Владимировке. После восстания в декабре стали всюду устанавливать власть Советов. К управлению пришли коммунисты. В Совет были выбраны: Аржаков, Кочнев, Лебедев (позже секретарь обкома), Аммосов¹³, Иванов. Совет развернул агитационную работу среди населения. Организовалась ЧК в 1920 г. В этом же году нас хотели свергнуть. Вспыхнул мятеж под руководством Захаренко¹⁴. Он сначала был в одной из банд, а потом сумел обратиться в советские органы. В мятеже принимали участие

и русские из зажиточной прослойки. После восстания были расстреляны Юшманов¹⁵ и Соловьев¹⁶. Перед ЧК встала задача привлечь людей, которые бы обезвреживали таких гадов. Руководили ЧК Петров, Аржаков Степан и было еще два приезжих. В 1920 г. к нам приехали на помощь венгры. Руководил сперва один мадьяр (фамилию не помню), хороший был человек. Его сменил Котрус¹⁷, а затем Хорват¹⁸. Это были до конца преданные своему делу люди. Их было человек 30. Десять [из них] погибло, восемь осталось жить в Якутске (например, Котрус). Они оказывали нам помощь в боевом отношении. Действовали еще банды Семенова, Васильева. Отряд Пепеляева шел от Владивостока в Якутск. В Амге был сильный бой¹⁹. Тут наши им дали жизни. Они с тайгой не знакомы, а это не был поселок городского типа, как они привыкли. Здесь юрты далеко друг от друга стояли, тайга. Я был в отряде Каратаева²⁰. Это был особый сводный отряд из якутов. Туда же прибыл отряд Строда из Олекмы. За ним должен был прийти Каландаришвили [...]. Наш отряд стоял недалеко от Табаги. Связной Федя Романченко поехал встречать Каландаришвили. К Романченко подъехал связной от Каландаришвили и попросил, чтобы их не встречали, они сами доедут. А банда знала, что идет Каландаришвили, и сделала засаду, не доезжая Табаги, километров за восемь до нее есть речка узкая и все берега в тальнике, они там и засели. А он шел не по-боевому, боковых дозоров не было. Банда пропустила отряд, а сам он [Каландаришвили] ехал сзади в кибитке, с ним ехала Аня Гомерштадт²¹. Чудом она осталась жива, она выпала из кибитки, а Каландаришвили сразу был убит, до Якутска не доехал. Это была банда Семенова, из якутов²². Из 100 человек [отряда] в живых осталось человек 25.

Пепеляева [под Амгой] разбили, захватили 30 офицеров, а сам Пепеляев сбежал.

АЛИС ИГУ, ф. 17, оп. 1, д. 1, л. 61—75.

РЯДИЧЕВ ПЕТР ИВАНОВИЧ

П. И. Рядичев родился в 1893 г. в Вышнем Волочке Тверской губернии. С 12 лет начал работать на предприятиях Вышнего Волочка, затем Петербурга. В 1914 г. был призван во флот. Принимал активное участие в Февральской, Октябрьской революциях. В 1918 г.

начал работать в Петроградской ЧК, потом был отправлен на работу в особый отдел 5-й Армии. В Бодайбо приехал в 1920 г. Работал в органах НКВД. С 1937 г.— в механических мастерских.

Когда Колчак в конце 1918-го—начале 1919 г. двинул свои войска на север, к Киренску, в Киренске был создан отряд из жителей города. Киренчане обратились за помощью в Бодайбо и Якутск. Против Красильникова, на помощь Киренску, были отправлены отряды Стояновича и Алымова. Они были политическими ссыльными, отправленными сюда еще до революции. Стоянович—серб. по национальности, член партии с 1903 г. Преподавал в мужском реальном училище, женской гимназии. Алымов 1886 г. рождения также был учителем в школе. В боях с белыми Стоянович был ранен и отправлен в бодайбинскую больницу. Алымов был схвачен и расстрелян в с. Половинка. Якутский отряд вел бои под Мамою (там и сейчас много [их] могил).

Бодайбо было занято Красильниковым. В тюрьму собрали 500 участников отрядов [красных]. Стоянович из городской больницы был переведен в тюремную. Был введен комендантский час (после семи часов хождение по городу без пропусков запрещалось). Красильников сам бывал здесь, но в основном жил в Иркутске. Здесь был Жуков¹. Было создано Л. Поповым² два отряда: первый состоял из старых служащих и жандармов, в основном несознательных элементов, второй отряд «желтая ласточка» — из молодежи. Процветали шпионаж, доносы. В «вольной дружине» Попова были: Мостиц — бухгалтер, Ключин — секретарь, Тульчинский, Акулины — отец был жандарм, дети — в дружине, Глухих — секретарь в укоме.

В 1919 г. произошло восстание молодежи под руководством Березнера³. Березнер — русский. Отец его был политическим ссыльным, сапожничал. В 1914 г. Березнер был призван в царскую армию. Попал в плен. В 1918 г. из плена бежал и в августе 1918 г. приехал сюда. Тогда ему было 23 года. Во время колчаковского режима скрывался, вел нелегальную работу с целью организовать повстанческий отряд из молодежи. К 25—26 января 1918 г. этот отряд из 70 человек был создан. Отрядом была проведена работа только в городе, среди солдат первой роты. Заручились у них винтовками, патронами, «максимами». Но забыли о работе на приисках и во второй роте, состоящей из мел-

кобуржуазных элементов. Это была одна из причин провала восстания. В ночь с 25-го на 26 января начальник гарнизона Блукис⁴ устроил банкет по случаю своего дня рождения. На банкет были приглашены все офицеры, за исключением низших офицерских чинов. Березнеровцы воспользовались этим моментом. Березнер разделил свой отряд на несколько групп налета: сам возглавил группу, ставившую целью налет на клуб, где происходил банкет, и арест офицеров; вторая группа должна была взять тюрьму и освободить политических заключенных, третья — налет на железнодорожную станцию, телеграф, телефон.

По сигналу ракеты первая группа совершила нападение на клуб. Березнер прежде, чем войти в здание, обрезал провода электроосвещения. Все офицеры были разоружены и арестованы. Когда освободили тюрьму, всех арестованных препроводили туда. Но тут была совершена самая главная ошибка: полковник Жуков расплакался, просил не садить его в тюрьму, обещал свою всемерную помощь восставшим. Ему поверили. А вместо помощи оказал медвежью услугу. Во время 3-дневного существования Советской власти в Бодайбо⁵ он связался с оставшимися офицерами, организовал вооруженное сопротивление, затребовал в город вторую роту с приисков. Березнеровцы не выяснили, что на приисках находятся два паровоза и составы. На них и была доставлена 2-я рота в город.

В Бодайбо Березнером было захвачено 160 пудов золота. Видимо, сознавая непрочность своего положения, он решил отправить это золото в Москву. Был организован отряд, который возглавил Стоянович, выздоровевший к этому времени. Цель отряда: сопроводить золото в Москву. Направился отряд вверх по Витиму, на Читу⁶.

В Бодайбо возглавил подавление полковник Жуков. В схватке был убит Павел Поздняков, самый молодой из всех [18 лет]. Схватили участников восстания и тех, кто находился в тюрьме до восстания. Вслед за Стояновичем был послан отряд, который настиг отряд Стояновича у Парамских порогов (в 500 километрах). Все 18 человек вместе с командиром были расстреляны на месте. Тела их были спущены в прорубь.

30 января состоялся закрытый полевой суд. Председателем суда был именинник капитан Блукис, членами суда — подпоручик Попов (сын бодайбинского

купца) и Знаменский. 55 человек были приговорены к каторжным работам (помимо тех, кого приговорили к расстрелу) на 10—25 лет. Приговорили к расстрелу троих братьев Красноштановых. Потом старшему и среднему приговор заменили каторгой, а младшего расстреляли⁷.

1 февраля — срок приговора. К этому времени подготовили траншею на кладбище (разбросали снег, подкайлили немного) — могилу в вечной мерзлоте сделать было трудно. Около траншеи было вморожено 19 столбов. Утром всех вывели, веревкой привязали к столбу, спиной к солдатам (побоялись их воздействия на солдат). После расстрела еще офицеры каждому в затылок выстрелили, чтобы наверняка убить. В тот же день каторжников пешком отправили в Иркутск, по Витиму, по Лене — 2 тыс. километров. Часть каторжников, а точнее, больше половины, бежала в тайгу, в Иркутск привели только 25 человек. В 1920 г. Красноштановы⁸, Ворончихин⁹, Воробьев¹⁰ вернулись на родину.

В 1920 г., когда освободили Бодайбо, золото попало в руки наших бойцов, оно было отправлено в Иркутск, а потом в составе золотого эшелона — в Москву. В этом же году расстрелянные березнеровцы были похоронены в центре города. Были сделаны гробы, обиты красным бархатом. Тела их в вечной мерзлоте сохранились.

Пятую армию в начале 1920 г. реорганизовали. Особый отдел Пятой армии объединили с губчека Иркутска. Восемь человек (в том числе и меня) направили вниз по р. Лене для организации Советской власти. В августе мы выехали. Советская власть была восстановлена в Качуге, Верхоленске, Усть-Куте, Киренске, Витиме. Затем разделились на две группы: четыре человека в Бодайбо, четыре человека на Олекму, на Якутск. В Бодайбо вместе со мной поехали Иван Болюнчик, Гелатец¹¹, Воронов.

Здесь было засилие меньшевиков и эсеров. Председателем местного Совета был эсер Шаренда, заведующим отделом народного образования — эсер Дудолодов, заведующим лесным отделом — эсер Шабанов, секретарем партийной организации — меньшевик Громов. Мы послали информацию о положении дел в Иркутск. Было принято решение провести чистку бодайбинской парторганизации¹². Была создана тройка, проводившая эту чистку: прокурор Кубанов, начальник

следственной части Красноштанов Степан и я. В рабочем клубе на общих собраниях проходило обсуждение каждого члена партии. Две трети вычистили. Исключенные апеллировали в вышестоящие органы, но восстановили одного Катарского — начальника железной дороги, который раньше был районным комиссаром по продовольствию. Все исключенные сразу же выехали из района. Вновь парторганизация стала чисто большевистской, как и 1917 г., когда первым председателем местного Совета стал Петр Поручиков.

В конце 1921 г. меня вызвали на 1-ю конференцию чеккистов. Выехали с Лукой Громовым, секретарем парторганизации, 15 декабря. [...] Ехали без остановок. Отдыхали только тогда, когда меняли лошадей. Только в Киренске пробыли дольше — один день. В Иркутск прибыли 8 января 1922 г. Проводил конференцию начальник особого отдела. Он вызвал меня к себе и приказал вернуться обратно и продолжать работу. Я вернулся в Бодайбо и вот уже 55 лет живу здесь.

В январе-феврале 1922 г. возникла острая необходимость решительно разгромить, уничтожить банды Дуганова и Черепанова. Банда Дуганова шла с верховья Витима, а с низовья двигалась банда Черепанова. Их целью было соединиться в Бодайбо и уничтожить здесь Советскую власть. Когда получили эти сведения, организовали группу ЧОНа, подучили ее. Выступили из Бодайбо, когда банда Дуганова была у Парамских порогов. Командир отряда был Максимов, его заместитель — Татарников. Я остался начальником гарнизона в Бодайбо. Дуганова остановили и часть разгромили у Парамских порогов. В этом бою был убит Татарников, двое тяжело ранены. Раненых отправили в Иркутск, но они по дороге умерли. В Якутск дали телеграмму о движении банды. Она была встречена на р. Олекме. Под Верхоленском разбили банду Черепанихи. Дуганов через гольцы по Черной тропе ушел на Байкал¹³.

Раздел II ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА

I. ИЗ АВТОБИОГРАФИИ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА РУЖИЦКОГО¹

[...] С декабря 1916 г. до июля 1918 г. служил военным фельдшером в Бодайбинской местной военной команде.

В период Февральской революции был избран членом военного комитета Бодайбинского гарнизона. В июле 1918 г. постановлением Бодайбинского военно-окружного революционного штаба был командирован с отрядом Красной гвардии на р. Лену для оказания медицинской помощи в отряде и поступил в распоряжение начальника отряда тов. Алымова, где и участвовал вместе с отрядом во всех боевых действиях против белогвардейцев, но наши отряды потерпели поражение, и я вместе с частью отряда попал в плен к белым и был отправлен обратно в Бодайбинскую военную команду [...]

Автобиография. Из фондов Иркутского областного краеведческого музея. Инв. № 11158—8.

К о п и я

II. ОБЪЯВЛЕНИЕ УПРАВЛЯЮЩЕГО МИНИСТЕРСТВОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ²

*от 24 августа 1918 г.
г. Омск*

На основании ст. 2 «Временных правил о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» (Собр. указаний и распоряжений Времен-

ного сибирского правительства 18 июля 1918 г., № 2, с. 23), объявляю на военном положении следующие местности Иркутской губернии:

1. Город Бодайбо,
2. Витимский округ,
3. Олекминский округ,
4. Северная часть Киренского уезда, ниже г. Киренска,
5. Город Киренск.

Военное положение вступает в законную силу с момента опубликования настоящего объявления на местах и действует в течение шести месяцев, если не будет отменено ранее.

Согласно 1-й части ст. 8 вышеуказанных Временных правил, права и обязанности по охране государственного порядка, общественного спокойствия возлагаются мною на иркутского губернского комиссара или заменяющее по должности лицо.

Означенную меру привести в исполнение по телеграфу.

Управляющий Министерством
внутренних дел
С. Старынкевич

АЛИС ИГУ, ф. 6, оп. 3, д. 13, л. 159.

III. ПИСЬМО ИЛЬИ ПЕТРОВИЧА ЖИГАЛОВА ЕВДОКИИ СТЕПАНОВНЕ ТОЛМАЧЕВОЙ³

20 июля 1964 г.

Привет Вам, Евдокия Степановна. Привет Вашей семье. Вам жму натруженную руку и желаю здоровья, желаю мужества, желаю большевистской стойкости от давно пережитого горя и слез, принесенных Вам, всей Вашей семье, всем нам, большевикам, от рук карателей, которые расстреляли членов Верховенского Совета депутатов в тяжелом восемнадцатом году, насмерть стоявших за правду.

Там, в Верховенском логу под Моряном, сложил свою голову со многими товарищами-большевиками Петр Кириллович Толмачев — председатель уездного Совдепа, стойкий большевик ленинской закалки, с горячим сердцем, ничем не запятанными руками, Ваш муж [...].

Это письму пишу я — товарищ Елисея, товарищ Петра, товарищ Тюменцева по совместной борьбе за правду, за ленинскую правду в неравной борьбе с контрреволюцией кулачества, юнкерами, офицерами, карателями, эсерами, меньшевиками, земцами, да всех и не перечтешь — явных и тайных врагов, которых купили капиталисты Америки, Англии, Франции, Италии, Японии за золото взамен на кровь большевиков.

Местные богачи из Верхоленска и Картухая, из Большедворской и Волковой, из Качуга и Бирюльки, из Тутуры и моего родного села Жигалово с помощью вызванных из Иркутска карателей и вместе с ними начали расстрелы. Полилась кровь! Полились горькие слезы матерей и вдов, полились слезы детей и дедов. Родная земля набухла от крови.

— Закуй в кандалы, да в горячие председателя! — И кует [кузнец] Гробищев Петра алыми заклепками, и кипит алая кровь дорогого Петра, трескается кожа до сухожилий, горит тело! Тело горит! Крик нечеловеческий!

— Уйми его!

И молоток-ручник в руке Гробищева бьет в голову большевика — нашего дорогого Петра Кирилловича, и так со многими, перенесшими мучения и увечными на расстрел под Морьяном в последний путь-дороженьку.

— Прощайте, жены, дети, матери, деды; прощай, белый свет! Прощай, Родина, прощай, родная земля!

— Залп эхом прокатился по Верхоленску, и не стало группы большевиков. У них отнята последняя капля крови. Вечная им память, свершившим народный подвиг!

И из четырнадцати человек большевиков, чудом спасся от неминуемой смерти только один Елисей⁴. Тов. Жуков тоже побегал, но был ранен пулей и приколот штыками.

Надо бы об этих событиях писать книгу, обязательно надо. Воспоминания и очерк написаны и напечатаны, но этого мало. Нужна книга светлой памяти борцов.

Я в прошлом, 1963 г., был в Верхоленске, до земли склонил свою поседевшую голову на братской могиле товарищей. Был в [дер.] Толмачеве у родной сестры Груни, жил восемь дней. Ездил домой в Жигалово и обратно был у сестры, ездили в Усть-Тальму. Был в

дер. Хабардино, ходил в ограде, поросшей полынью, где родился и жил Елисей. Жалко, очень жалко, что не знал семью Петра тоже в Толмачеве. Обязательно я и Груня были бы у Вас. Не пришлось, но когда-нибудь придется.

Евдокия Степановна, прошу Вас, напишите, где дети. Какая у Вас пенсия? Как здоровье? Напишите.

АЛИС ИГУ, ф. 4, оп. 1, д. 9, л. 1—3.

IV. ПРИКАЗ № 5 ПО ГАРНИЗОНУ г. БОДАЙБО И ВИТИМСКО- ОЛЕКМИНСКОМУ ГОРНОМУ ОКРУГУ

26 января 1919 г.

По судной части § 1

По Указу верховного правителя, переданному по телеграфу и на основании приказа по IV Восточно-Сибирскому армейскому корпусу от 20 сентября 1918 г. за № 5 и от 2 октября т. г. за № 15 и копии телеграммы командующего войсками Иркутского военного округа генерал-майора Волкова за № 83, предаются военно-полевому суду по ст. 14 пп. а, г, е, ж, з Постановления Временного сибирского правительства от 15 июля 1918 г. за покушение на существующий государственный порядок нижеследующие лица:

1. Сорокин Михаил	16. Сахаровский Григорий
2. Березнер Николай	17. Обухов Семен
3. Русаков Алексей	18. Патюков Сергей
4. Залесинский Цендер	19. Непомнящий Иван
5. Варфоломеев Владимир	20. Гиндин Яков
6. Чекмарев Василий	21. Красноштанов Степан
7. Корчагин Трофим	22. Красноштанов Никифор
8. Болдин Алексей	23. Линда Георгий
9. Мигалкин Тимофей	24. Линда Николай
10. Зуев Михаил	25. Федоров Яков
11. Сидоров Михаил	26. Христюбов Федор
12. Поздняков Михаил	27. Имангуллов Хибибула
13. Зверев Александр	28. Матвеев Петр
14. Лексин Федор	
15. Красиков Федор	

29. Коровкин Яков	48. Яцкин Константин
30. Большедворский
Ефим	49. Зиневич Сигизмунд
31. Нарым Нура	50. Пияшев Василий
32. Белоногов Николай	51. Непомнящий Матвей
33. Банщиков Евграф	52. Марков Дмитрий
34. Иванов Лука	53. Куликов Степан
35. Рукавишников Илья	54. Шпиньков Петр
36. Аленкин Трифон	55. Потапович Василий
37. Колубов Матвей	56. Бормашенко Алек-
сандр
38. Патрушев Василий	57. Шишкин Даниил
39. Калинин Григорий	58. Шипулин Николай
40. Дербенков Алексей	59. Давидюк Максим
41. Белобородов Тимофей	60. Швецов Пахом
42. Носков Василий	61. Павлов Егор
43. Кестель Петр	62. Залуцкий Никанор
44. Волков Василий	63. Черных Егор
45. Чашин Тарас	64. Швецов Михаил
46. Пупко Ицек	65. Черных Иван
47. Дербенев Антон	66. Куклин Михаил ⁵

Заседание прифронтового военно-полевого суда назначаю 29 января 1919 г. в 6 часов вечера в помещении Народного дома. К означенному времени надлежит вызвать всех лиц, причастных к делу. При производстве суда руководствоваться приказом по военному ведомству от 1917 г. за № 344 (Постановление Временного правительства).

Нач[альник] гар[низона] Нестеров
Адъютант Андрэ

Ленский шахтер, 1927, 31 янв., экстренный выпуск.

V. ПРИКАЗ № 10 ПО КИРЕНСКОМУ ГАРНИЗОНУ

*от 28 января 1919 г.,
г. Киренск*

§ 1

Ввиду получения мною точных сведений о бодайбинских событиях, в отмену приказа моего от 27 января с. г. за № 9 объявляю, что в ночь с 25-го на 26-е сего января в г. Бодайбо шайка злонамеренных лиц незаметно и без шума подкралась к стоявшему у ворот

казармы 2-й роты Бодайбинской местной команды дневальному, сняла такового. Получив доступ во двор и проникнув в помещение казармы, они так же без шума сняли дневальных пулеметной команды, расположенной тут же, в казарме, и стоявшего при входе в самую казарму, где в то время (2 часа ночи) спали молодые солдаты этой роты. С криком «руки вверх, ни с места» шайка бросилась к пирамидам, где завладела стоявшими винтовками, после чего объявила проснувшимся и ошалевшим после сна и крика солдатам, что в г. Иркутске произошел переворот. Вбежавший в это время дежурный офицер был схвачен и немедленно обезоружен. После этого этими лицами был оцеплен штаб, где в темноте (электричество не работало) открыли беспорядочную стрельбу и арестовали некоторых, не успевших прорваться офицеров, коих вместе с арестованным дежурным офицером сейчас же заключили в тюрьму, а остальные офицеры, избегшие ареста, отправились в город для организации сопротивления. В то время, когда разыгрались указанные события во 2-й роте, 1-я рота стояла на Андреевском прииске (40 верст), почему своевременно оказать помощь 2-й роте не смогла, но, немедленно собравшись, направилась в г. Бодайбо, куда к 10 часам утра 26 января и прибыла.

К этому же времени растерявшиеся были солдаты 2-й роты пришли в себя и соединились со свободной частью офицеров и соорганизовавшихся граждан из бывших военных.

После всего сказанного, несмотря на пулеметный огонь со стороны восставших из пулеметов, захваченных при 2-й роте, к 5 часам вечера того же 26 января мятеж был подавлен и главари восстания захвачены. Так как подобное выступление составляет собою тяжчайшее государственное преступление, то по приказу командующего Ленским фронтом полковника Красильникова над главарями и участниками восстания учрежден военно-полевой суд. К 7 часам вечера в городе был восстановлен полный порядок.

При подавлении восстания были понесены жертвы, а именно: убит подпоручик Вицин, тяжело ранены штабс-капитан Шергин и несколько солдат. К изложенному присовокупляю, что в то время, когда происходили указанные беспорядки, рабочие всех оттенков на своих собраниях вынесли резолюцию о неприсоединении к мятежникам⁶.

Таким образом, восстание было быстро подавлено, и кара закона и правительства воздаст должное возмездие всем принимавшим участие в указанном предательском выступлении, подобном ножу, занесенному в спину своей матери Родины.

Объявляя о сем, призываю всех граждан к спокойствию, помня, что правительство имеет в своем распоряжении столько сил и возможностей, что авантюры, подобные бодайбинской, обречены на безусловную полную гибель, а также, что они ведут только к излишнему пролитию крови. Всякие выступления, откуда бы они ни исходили, будут подавлены с беспощадною суровостью. Категорически подтверждаю о необходимости непридания значения слухам; они имеют целью вызвать только лишь беспорядки.

Подлинный подписал:
начальник Киренского гарнизона
подполковник Бострем

С подлинным верно: делопроизводитель,
чиновник военного времени К. Авдеев

С копией верно: столоначальник
(подпись неразборчива. — Сост.)

АЛИС ИГУ, ф. 6, оп. 3, д. 13, л. 160—161.

VI. ИЗ ПИСЬМА НИКОЛАЯ ГЕРАСИМОВИЧА ВЫБОРОВА КРАЕВЕДАМ ВОСЬМИЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ СЕЛА УСТЬ-ИЛГА ЖИГАЛОВСКОГО РАЙОНА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

[...] В 1919 г. [меня] мобилизовал Колчак. Ехали в Иркутск, дорогой сбежали и скрывались в тайге. Потом организовали подпольную группу. С нами было двое политссыльных. Группа была из 10 человек:

1. Бульвинский Иван Викторович,
2. Туль Сергей,
3. Мезенцев Лука Иннокентьевич,
4. Тумаков Иван Игнатьевич,
5. Тумаков Ананий Наумович,
6. Выборов Николай Герасимович,
7. Пешков Семен Павлович,
8. Пешков Иван Семенович,

9. Жучков Александр Николаевич,
10. Новопашин Иван Леонтьевич.

Вся эта группа и организовала Марковский добровольческий отряд⁷. Всем в группе была дана работа: кто оружие доставал у охотников [и т. д.]. Мне выпала доля возить это оружие по ночам на лошади. Расстояние было 50 километров — от деревень Христофоровой и Фоминой до нашего штаба, который находился в дер. Байдонова у Пешковых. Вот так был организован наш отряд.

В дер. Кичей находилась управа, староста, писарь и тут же была колчаковская милиция. Мы ее сразу арестовали, обезоружили, сделали восстание против Колчака. [Потом] собрали митинг и объявили, что здесь пала власть Колчака. Наступила революционная власть Советов. Сразу добровольцев стали записывать в отряд, а потом избрали руководящий состав. Командиром отряда избрали Мезенцева Луку Иннокентьевича. Бульвинский Иван Викторович стал председателем ревкома и комиссаром отряда⁸, Туль Сергей⁹ — командиром первой полусотни, Тумаков Иван Игнатьевич — командиром второй полусотни, он же начштаба отряда, Тумакова Анания Наумовича назначили командиром конной разведки. Меня избрали заместителем командира конной разведки. Люди записывались в отряд, им сразу выдавалась винтовка. Где нужно, выставлялась охрана с обеих сторон деревни: как бы не наскочил карательный отряд Голубева, [который] тут ходил по Илге, порол крестьян и тех, у кого сыновья были коммунистами¹⁰.

АЛИС ИГУ, ф. 13, оп. 1, д. 5, л. 60—61.

VII. ИЗ ПИСЬМА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА АЛЕКСЕЕВА П. И. ШИПИЦИНУ, БЫВШЕМУ КРАСНОМУ ПАРТИЗАНУ

[...] Я свергал власть Комского¹¹ в Витиме, это было 15 декабря 1919 г., я вел переговоры по прямому проводу с тов. Зверевым из Витима, затем [я] был переведен отсюда в Киренск. Под конец [года] было сообщение, что белые движутся на восток в обход Байкала, и были спешно отправлены к Усть-Куту пришед-

шие в Киренск войска отряда, присланного тов. Зверевым, и спешно собранные воины-крестьяне вместе с избранным нашим съездом заместителем председателя исполкома (ревкома) тов. Никольским (который раньше был в Киренске ссыльным мировым судьей, а я был там же ссыльным врачом, но примерно в августе 1919 г. был выслан из Киренска в Витим).

[Позднее] Из Киренска, где я был председателем уездного ревкома (исполкома), вернулся в Иркутск в августе 1920 г., затем переехал в Красноярск в мае 1921 г. на должность уездного завгубздравом. Участвовать пришлось в октябре 1921 г. во II съезде политпросветов; потом [как] завгубздравом имел свидание в Кремле с Лениным, который знал меня с 1902 г. и по его предложению был отправлен на работу в центр.

[...] Наш отряд из крестьян и отряд, присланный в Киренск Зверевым, успешно действовали под Усть-Кутом с каппелевцами. Они вынуждены были сдать с оружием и подписали договор о сдаче. Из них не сдался один Перхуров, заявивший письменно, что предпочитает скитаться в тайге, не изменив своим убеждениям. Позднее он поступил на советскую службу и был разоблачен как организатор восстания против Советской власти в Ярославле и расстрелян. У меня есть копия протокола о сдаче белых. В этом протоколе представителем уездного ревкома значится тов. Никольский, мой заместитель, потому что я должен был спешно вернуться в Витим, от которого был послан на уездный съезд делегатом. Я вернулся оттуда в Киренск для исполнения своих обязанностей [...]¹².

АЛИС ИГУ, ф. 5, оп. 1, д. 4, л. 34—37.

VIII. ТЕЛЕГРАММА ИЗ ПОДЫМАХИНОЙ О БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ БАНДЕ ПОД УСТЬ-КУТОМ

от 17 февраля 1920 г.

На Усть-Кутском направлении наш головной отряд под командой тов. Брюлева¹³ занял Якурим и имеет направление на Усть-Кут. Из Усть-Кута прибыл нарочный, от которого получены следующие сведения: количество белой банды 1200¹⁴ человек, имеют до шести

пулеметов, вооружена небольшая часть винтовками-трехлинейками, половина — наганами, шашками и часть — совершенно не вооружена. [В] числе банды есть казаки, большинство — крестьяне Пермской, Вятской, Уфимской, Оренбургской, Алтайской [губерний]. В числе их есть татары, офицерство [с] погонями — человек до 60, в [их] числе два генерала. Вся белая банда сегодня [в] 11 часов дня вышла из Усть-Кута по направлению [в] Иркутск. По словам прибывших нарочных [из] Усть-Кута, белые порезали почти поголовно скот, ограбили все, что попадало. Выпоролы трех крестьян, священника и бывшего акцизного Леонова хотели расстрелять.

Наши отряды направляются [для] погони совместно [со] штабом, дух красногвардейцев весьма высок.

[С] каждым днем наша армия увеличивается [и в] настоящее время численность ее достигает 800 человек.

Военный штаб

АЛИС ИГУ, ф. 6, оп. 3, д. 13, л. 162.

IX. ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА № 1

28 февраля 1920 г.

Усть-Кут. Иркутское направление — сведений не поступало. Завтра предполагается восстановление телеграфной связи с Жигалово. Илимское направление — белые находятся в дер. Максимовой в 117 верстах от Усть-Кута по Куте.

Отряд Казакова и Галкина сложил оружие, которое уже находится по пути к нам. Часть сдавшегося отряда уже прибыла в Усть-Кут. Среди них много больных, которые размещаются [во] вновь организованных лазаретах. Есть женщины, дети, один врач, священник. Остальные части будут завтра. Отряд Перхурова находится в дер. Михеевой, оружие сложить не желает и послал карательный отряд в дер. Максиму на отряды Казакова и Галкина с намерением отобрать оружие и арестовать всех белых, сдавших добровольно оружие. Принятыми отрядом Казакова и Галкина мерами карательный отряд Перхурова захвачен в плен. Наша делегация еще не вернулась¹⁵. По донесе-

ниям разведки наша делегация выехала в Михеевку в отряд Перхурова.

Штаб фронтов

АЛИС ИГУ, ф. 6, оп. 3, д. 13, л. 163.

Х. ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА № 3

29 февраля 1920 г.

Усть-Кут. Иркутское направление — сведений не поступало. Илимское направление — наша делегация сообщает, что отряд атамана Казакова и генерала Галкина принял все наши условия сдачи, разоружен, оружие направлено к нам. Атаман Казаков, генерал Галкин и генерал 2-го отряда Перхуров с небольшой кучкой людей скрылись. [С] отрядом Перхурова ведутся переговоры, несомненно, он сложит оружие. Отряд Казакова и Галкина в 480 человек, отряд Перхурова в 350, кроме того, есть 287 человек, из которых 120 больных [и] находятся уже [в] Усть-Куте, а также 200 лошадей, которые за отсутствием корма раздаются крестьянам. Сдавшие оружие партиями будут препровождаться [в] Усть-Кут.

Штаб фронтов

АЛИС ИГУ, ф. 6, оп. 3, д. 13, л. 164.

ХІ. СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ А. Б. СТОЯНОВИЧА

Под таким заголовком тов. В. Вершинин поместил в бодайбинской газете «Молот» печатаемую ниже статью, посвященную памяти А. Б. Стояновича.

Телеграф принес нам печальное известие: на Амурском фронте в боях с русской и иностранной контрреволюцией героически погиб тов. Стоянович, один из многих коммунистов, отдавших жизнь за права униженных и обездоленных, за интересы крестьян и рабочих. Не стало в наших трудовых рядах товарища с огромной силой воли, с железной энергией, всегда звавшего рабочие массы к достижению поставленных перед ними задач.

Заброшенный рукою провидения в наш бодайбин-

ский уголок в 18 г. он старался приложить все свои силы и знания ко всему, что являлось насущным вопросом дня. Он был великолепнейшим педагогом, умеющим заинтересовать своим предметом учеников, пробудить в них любовь к литературе. Он был одним из организаторов Красной Армии, в то время еще не окрепшей, и вместе с нею он освобождал г. Якутск от белогвардейских банд, находясь всегда впереди своих солдат.

С открытием Киренского фронта он находился во главе войск, действовавших против киренских белогвардейцев, и в боях с ними был тяжело ранен. С подавлением Советской власти он вместе с другими товарищами был арестован и отправлен в иркутскую тюрьму, где перенес всю тяжесть заключения и разнузданность колчаковской власти.

Но он не только был активным работником среди взрослых рабочих, но в то же время был и другом, даже более, был верным старшим товарищем, заботливым отцом пролетарской молодежи, был ее радостью и надеждой.

Он первый из всех местных образованных людей старался пробудить пролетарскую молодежь, старался вытащить ее из стоячего болота мещанской жизни и развить ее. Его пребывание в Бодайбо было тяжелой тернистой дорогой, по которой он шел, несмотря на все преграды. Горы грязи, змеиных шипений, унижений и оскорблений сыпались на его голову со стороны погрязших в будничных интересах родителей и угнетателей только за то, что он старался открыть молодежи глаза на жизнь, старался подготовить из нее членов нового, коммунистического общества... И молодежь его поняла, молодежь пошла за ним.

Самая светлая память осталась о нем у всех членов литературного кружка, организатором которого он был... И теперь его не стало в наших рядах, он отдал свои громадные знания, свою энергию, свои силы, но и жизнь.

Так спи же спокойно, наш дорогой Красный орел!

Ты погиб, но светлый твой образ, память о тебе будут всегда жить в юных сердцах, которые dokonчат начатое тобою дело.

Ленский коммунарь, 1921, 28 мая.

ХІІ. ИЗ ПИСЬМА ИЛЬИ ПЕТРОВИЧА ЖИГАЛОВА ДМИТРИЮ МИХАЙЛОВИЧУ ЧУПАНОВУ

18 января 1966 г.

[...] С осени 1920 г. и по июль 1923 г. мне пришлось постоянно гоняться с отрядом ЧОНа за бандитами в уезде. [...] В июне 1923 г. он (Черепанов. — Сост.) сдал оружие¹⁶. Тактика банды Черепанова — не принимать боя, действовать налетами на активистов в деревнях. Так они налетели на дер. Житово, поймали и посадили в подполье Ивана Ильича, Константина Евлампьевича Житовых, но их расстрелять не успели. Напали они и на Верхоленск. Когда погиб на Талае в засаде отряд А. Д. Мишарина, в том числе погибли увоенком Лазарев и секретарь укома ВКП(б) Штеллер и многие другие.

Перебили бандиты в разное время братьев Дмитриевых. Бандиты действовали отдельными группами и имели во многих деревнях и улусах своих шпионов — бандитов и снабженцев. В банде были и русские и буряты, из кулаков и зажиточных, хорошо знавшие местность, тропы, зимовья и заимки.

В банде было около 400 человек, и добрая половина [находилась] в деревнях, улусах, зимовьях как шпионы, связные, снабженцы.

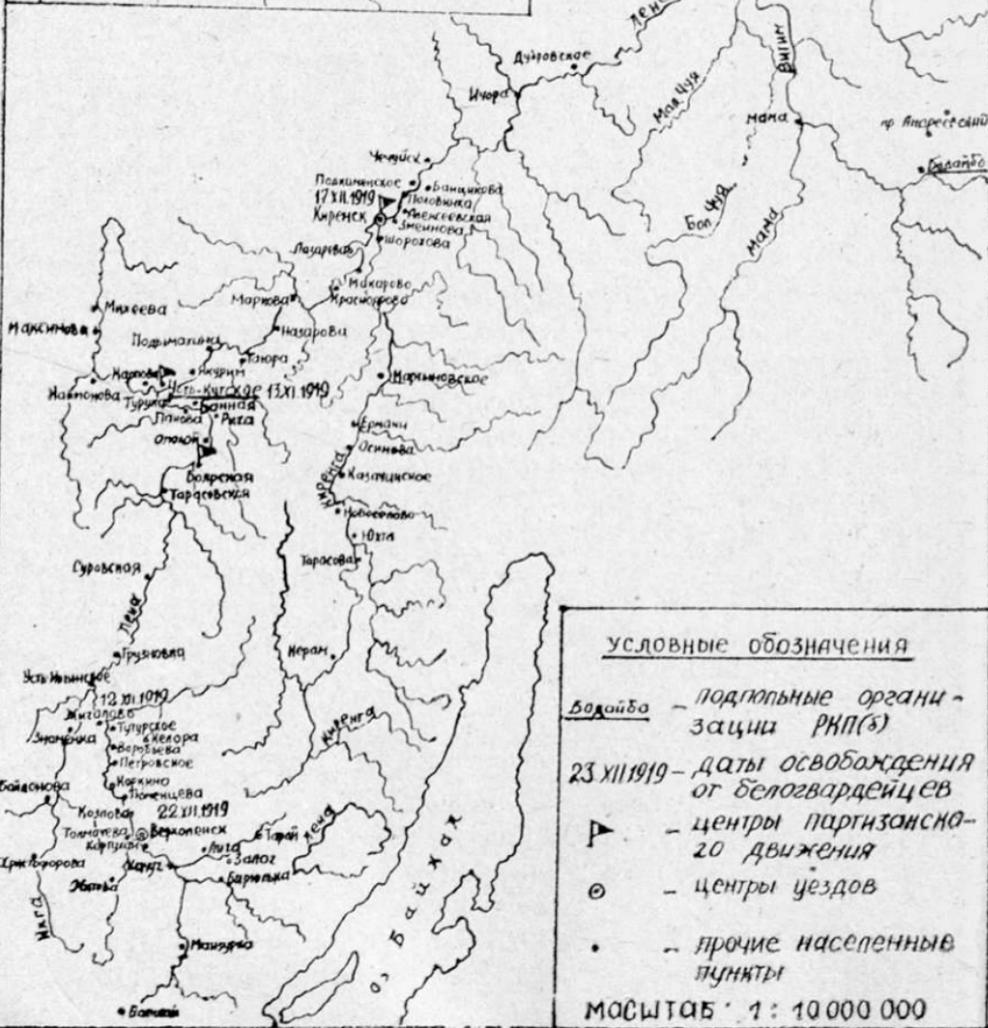
Осенью с отрядом ЧОНа мне пришлось выехать из Зулман вверх по Куленге за бандой. Оттуда бандиты ушли на Илгу. Там к банде присоединилось три—четыре человека беляков, спасавшихся в тайге, в том числе полковник Золотой Зуб, и банда направилась на восток. Наша разведка доложила, что банда повернула на Куленгу, на дер. Толмачеву, что в 15 километрах от Верхоленска. Но не дойдя до Толмачевой, [она] повернула на Лену, на дер. Заплескину, а разведка не дошла до поворота, и отряд пришлось повернуть на Усть-Тальму, полагая там перехватить банду [...]. А банда Черепанова наделала кровопролития на Заплескиной, Петровой и ушла на Келору, и разрыв получился в 80 километров, а за ней двинулись комроты Хохлов и Мухортов, командиром отряда был назначен Н. А. Орлов из Жигалово. Они через Чикан, Ханду догнали банду на Караме¹⁷.

С Караме полковник Золотой Зуб ушел через Улькан (левый приток Киренги), а банда Черепанова че-

рез исток р. Тутуры, через стойбища тунгусов вышла на р. Ангу и продолжала бандитизм в нашем уезде, особенно в Качугской волости. Банда Черепанова [...] [и] полковник Золотой Зуб вместе казнили актив [на Лене].

АЛИС ИГУ, ф. 4, оп. 1, д. 6, л. 44—45.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Раздел I ВОСПОМИНАНИЯ

РЫДЗИНСКИЙ А. С.

¹ В некоторых работах фамилия имеет другую транскрипцию, более приближенную к польской — Рыздиньский.

² Публикуемые воспоминания А. С. Рыдзинского были написаны в 1932—1933 гг. в форме доклада. Отрывки из них, посвященные событиям в Якутии, были изданы в сборнике «За Советскую власть в Якутии» (Якутск, 1957).

³ Окружное бюро Советов Восточной Сибири было создано на I съезде рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, проходившем в Иркутске 20—26 (7—13) апреля 1917 г. и представлявшем Советы от Ачинска до Маньчжурии. Созданное бюро было исполнительным органом съезда, номинально обладало высшей властью в Восточной Сибири. Большинство в нем имели махровые эсеры и меньшевики-оборонцы. В начале декабря 1917 г. после перевыборов окружное бюро стало большевистским. Его возглавил большевик Г. К. Соболевский.

⁴ 14 ноября 1917 г. народный комиссар по военным делам Н. И. Подвойский издал приказ о прекращении производства в офицеры, о закрытии всех военных училищ. Выпускники же училищ, а в Иркутске находилось три школы прапорщиков и юнкерское училище (всего около 900 человек), надеялись получить по существующему правилу новое обмундирование и подъемные. Приказ Подвойского вызвал сильное недовольство среди юнкеров. Этим воспользовались эсеры, которые усилили антисоветскую пропаганду среди выпускников военных училищ, готовя их к мятежу против власти трудящихся.

⁵ «...Дом бывшего губернатора» — знаменитый Белый дом, ставший центром сопротивления в период декабрьских боев. Здесь в течение семи дней вели героическую оборону члены военномреволюционного комитета (П. П. Постышев, Г. К. Соболевский, М. А. Трилиссер, Я. Шумяцкий, С. Лебедев, Н. Чужак-Насимович, А. Зотов и др.) и горстка красногвардейцев. Защита Белого дома стала одной из славных страниц истории борьбы за торжество Советской власти в Иркутске.

⁶ Шумяцкий Борис Захарович (1886—1943) — член РСДРП с 1903 г., участник Красноярского вооруженного восстания 1905 г. В 1917 г. — один из организаторов Красноярского Совета, затем его председатель, делегат VI съезда партии. Накануне Великой Октябрьской революции возвращается в Сибирь как

представитель ЦК, входит в состав Средне-Сибирского бюро ЦК РСДРП (б); первый председатель Центросибири в 1917—1918 гг.

⁷ Дмитриевский Валерян Иванович (1880—1918) — участник I русской революции в Чите, в 1917 г. — председатель полкового комитета 46-й Сибирской стрелковой дивизии. После Октябрьской революции — член Иркутского военно-революционного комитета, начальник штаба революционных сил, фактически командующий советскими войсками и начальник охраны г. Иркутска. После падения Советской власти был арестован и повешен в Иркутске в сентябре 1918 г.

⁸ Большой бедой для молодой Красной гвардии были отряды анархистов, которые занимались обычным бандитизмом, не признавая никакой власти. Печальную славу приобрели отряды иркутских анархистов — Лаврова, Караева, Пережогина. Караев — организатор анархистского отряда, состоявшего большей частью из грузин, впоследствии перешел на сторону Семенова.

⁹ Зотов Алексей Николаевич (1895—1919) — один из организаторов Красной гвардии в Иркутске, защитник Белого дома. После декабрьских боев входил в состав военного отдела Центросибири как комиссар по охране г. Иркутска. В 1918 г. принимал участие в военных действиях на Нижнеудинском и Прибайкальском фронтах. После временного отступления советских войск находился на подпольной работе во Владивостоке, где в 1919 г. умер от тифа.

¹⁰ С этого абзаца начинаются воспоминания, опубликованные в Якутске. Но в настоящем сборнике эта часть воспоминаний приводится по тексту, полученному Ленской экспедицией 1968 г. в алымовском музее, так как ранее опубликованный отрывок подвергнут сокращению и литературной правке и несколько отличается от оригинала.

¹¹ «Отряд из Петропавловска» — в ранее опубликованном варианте — отряд, пришедший с Украины (?)

¹² Виленский (Сибиряков) В. Д. (1888—1942) — меньшевик-интернационалист, позднее перешедший на сторону большевиков. После Февральской революции — председатель Якутского Совета, в дальнейшем — член Центросибири. На него было возложено общее руководство управлением Якутии.

¹³ Лесневский К. — заместитель А. С. Рыдзинского, командир 3-й роты сводного отряда Рыдзинского — Стояновича. После взятия Якутска — начальник гарнизона г. Олекминска, затем — командир вооруженных сил Якутска. В конце июля 1918 г. был направлен на Киренский фронт, но под Мачей попал в засаду к белобандитам Гордеева. Отряд был разбит, а сам Лесневский погнб.

¹⁴ Стоянович Андрей Бранкович (1891—1920) — сербский интернационалист. Был преподавателем гимназии в г. Скоп-ле. В 1916 г. служил в югославском добровольческом корпусе в чине капитана, но за свои политические убеждения был арестован и выслан в Сибирь. Работал учителем в Бодайбо. После Октябрьской революции активно участвует в организации Советской власти, назначается комиссаром по военным делам ЛВГО (Лено-Витимского горного округа). Возглавил красногвардейский отряд, направленный на помощь Якутску. После поражения Советской власти на Лене был арестован и до января 1920 г. находился в иркутской тюрьме. После освобождения участвует в боях с японцами на Дальнем Востоке, был комендантом ст. Рухлово.

В 1920 г. трагически погиб, переправляясь на плоту через р. Зею во время бури.

¹⁵ Встреча отрядов была назначена в п. Витим. В большинстве воспоминаний он указывается как место встречи. Но ряд участников событий свидетельствует, что Стоянович спустился до Мачи и там поджидал отряд Рыдзинского (см. воспоминания Браташа Д. Т., Даниша Л. Л. За Советскую власть в Якутии. Якутск, 1957, вып. I).

¹⁶ Бондалетов — правый эсер, штабс-капитан, командующий всеми белыми силами Якутска.

¹⁷ Вероятно, А. И. Мордвов — член комиссии Центросиббири по организации Советской власти в Якутской области.

Кроме него в состав комиссии входили П. А. Слепцов, Я. С. Щербинин, С. С. Захаров и Евдокимов. Члены комиссии попытались путем переговоров заставить якутское контрреволюционное «правительство» сдать власть. По прибытии в Олекминск они связались по телефону с областным Советом, однако на предложение освободить арестованных членов Совета и установить Советскую власть в Якутской области получили категорический отказ. В дальнейшем действовали совместно с отрядом Рыдзинского.

¹⁸ Навстречу отряду Рыдзинского из Якутска была направлена подпольным комитетом группа товарищей во главе с Гладуновым. Якутские делегаты разъяснили обстановку в городе, договорились о совместных действиях.

¹⁹ В с. Табага якутские подпольщики выслали своего разведчика Степана Васильева, который должен был узнать о прибытии в Якутск отряда Красной гвардии. Васильев вернулся в город 30 июня и сообщил о готовящемся наступлении. Якутские товарищи подготовили свои силы к наступлению и дали знать в тюрьму. Белые ничего об этом не знали.

²⁰ Одишария — член бодайбинского ревкома, заместитель А. Б. Стояновича, командир одной из рот сводного отряда, освобождавшего Якутск, председатель Балаганского Совета в 1920 г., умер от тифа.

²¹ Янковский получил тяжелое ранение, пуля прошла мозговой пузырь. Скончался в тот же день в больнице Якутска.

²² Клингоф Д. Ф. — правый эсер, начальник белой милиции в Якутске.

²³ Щербинин Яков Семенович — член РСДРП с 1906 г., политссыльный, один из организаторов Советской власти в Бодайбинском районе, председатель ЦИКа Советов г. Бодайбо, был назначен комиссаром в отряд Т. М. Алымова. После поражения под Киренском арестован, сидел в иркутской тюрьме.

²⁴ Худояров И. — эсер, бывший поручик царской армии, заместитель командира по строевой части в отряде Т. М. Алымова. Отряд Алымова был отправлен из Бодайбо навстречу белогвардейскому отряду Растомашвили. Под Чечуйском Алымова догнали отряды Рыдзинского и Стояновича, и в дальнейшем они действовали объединенными силами.

Худояров пытался внести раскол среди красногвардейцев, призывал сложить оружие и разойтись по домам. По распоряжению Рыдзинского он был арестован, отправлен в Бодайбо и посажен в тюрьму.

²⁵ Ошибочно, на пароходе «Кушнарев» находился штаб объединенного отряда красных, начальником его был Т. М. Алымов.

²⁶ Яковлев П. Д. — правый эсер, один из ведущих деяте-

лей губернского крестьянского съезда, управляющий Иркутской губернией.

²⁷ Растомашвили Б. Д. — правый эсер, политссыльный, находился в составе кавказской дружины. После временного падения Советов в Иркутске возглавил грузинский отряд и совместно с отрядом Красильникова был направлен на Лену.

²⁸ Красильников — войсковой старшина, командир карательного отряда, направленного в Бодайбо, активный участник колчаковского переворота 18 ноября 1918 г. В начале 1919 г. уже в чине полковника назначается командующим Ленским фронтом. Дослужился до генерала. Умер от белой горячки в иркутском госпитале.

²⁹ Алымов Тимофей Моисеевич (1886—1918) — участник I русской революции в г. Ташкенте, сослан в Якутскую область. После революции — член Бодайбинского ЦИКа, входил в состав военной коллегии, командир красногвардейского отряда, направленного на Киренский фронт, начальник штаба объединенного отряда. После поражения под Киренском Т. М. Алымов и его товарищи были расстреляны Красильниковым под дер. Половинка, ныне дер. Алымовка.

³⁰ На помощь отрядам Стояновича — Рыздинского был направлен отряд бодайбинцев под командованием Одишария на пароходе «Николай». Однако он опоздал и около Чечуйска встретил отступающих красногвардейцев. Взяв их на борт, Одишария вернулся в Бодайбо.

³¹ В Бодайбо к этому времени скопилось большое количество золота — около 6500 пудов. Оно было упаковано и хранилось в городском банке. Вопрос о спасении золотого фонда неоднократно обсуждался бодайбинскими большевиками, был вынесен на внеочередной съезд Советов приискового района и г. Бодайбо. На съезде было принято решение выплатить рабочим задолженность в размере 7 млн. рублей; если не хватит денежных знаков, выдать золотом. Единогласно было принято решение о вывозе золотого запаса отступающим головным отрядом Красной гвардии. Еще раньше, в июле, из Бодайбо в Читу был отправлен маленький отряд во главе с П. И. Аладыным. Он должен был выяснить у руководства Центросибири, как поступить с золотым запасом. Военный комиссариат Центросибири принял решение об отправке специального отряда за золотом, но вскоре поступило известие, что золото вывезено, и нужда в таком отряде отпала.

³² Малиновский — правый эсер, позднее — окружной начальник белой милиции г. Бодайбо.

³³ Захаров И. А. — левый эсер, политссыльный, после Октябрьской революции — член ЦИКа г. Бодайбо и приискового района, председатель приискового Совета. Был арестован карателями Красильникова, сидел в иркутской тюрьме. В декабре 1919 г. был избран председателем ревкома г. Олекминска.

³⁴ В Усть-Куте юнкера во главе с капитаном Лихаревским расстреляли венгра Гуть. Вот как вспоминает этот эпизод очевидец: «Тов. Гуть, бывший военнопленный, был в отряде Стояновича пулеметчиком. После разгрома отряда Стояновича — Алымова Гуть пробрался в Бодайбо и там завел знакомство с красильниковскими офицерами. Ему было разрешено на том же пароходе, на котором вывозили нас, ехать в Иркутск. Около Киренска кто-то сообщил Красильникову, что Гуть — бывший пулеметчик отряда Стояновича. Гуть был немедленно арестован и переведен к нам. В Усть-Кут приехали к вечеру. После причала открывается

люк... и раздается команда: «Гуть, выходи!» Через несколько минут мы услышали залп. Для всех стало ясно, что Гуть расстрелян». (См. воспоминания Ю. К. Краукле в сб. «Ленские прииски» М., 1937, с. 496.)

³⁵ Ремишевский А. Ю. — большевик, командир отряда Красной гвардии рабочих обозной мастерской, член иркутской подпольной организации в 1918 г., командир партизанского отряда.

³⁶ Речь идет о так называемом эсеро-меньшевистском политцентре, образовавшемся в ноябре 1919 г. Это был антисоветский орган, где объединились эсеры, меньшевики и примыкавшие к ним группы. Они понимали, что власть Колчака обречена на поражение, и пытались образовать свое правительство, чтобы не допустить восстановления Советской власти. Однако фактически власть была в руках возглавляемого коммунистами штаба рабоче-крестьянских дружин. 21 января 1920 г. вся власть перешла к Иркутскому военно-революционному комитету.

ГРАБОВСКИЙ [Я. А.]

¹ Воспоминания Грабовского взяты из газеты «Ленская правда» 1927 г. Ни инициалов, ни биографической справки на автора в газете не приводится. Судя по воспоминаниям, Грабовский играл активную роль в организации Советской власти на Лене и в Бодайбо. Однако в литературе, посвященной тем событиям, эта фамилия почти не упоминается. Только в статье И. А. Куклина «Этих дней не смолкнет слава» (Ленский коммунист, 1966, 7 июня) Грабовский выступает как командир одного из подразделений сводного отряда Рызинского — Стояновича. Известно, по крайней мере, два Грабовских:

Грабовский Ф. Ф. — поляк, политссыльный, ссылку отбывал в Иркутской губернии, затем проживал в Иркутске, и Грабовский Я. А. — по национальности, вероятно, тоже поляк, в 1919 г. работал на строительстве Илимского тракта в числе бывших бодайбинских красногвардейцев. Из рабочих Илимтракта образован был партизанский отряд, влившийся затем в подразделения Д. Е. Зверева. В дальнейшем Я. А. Грабовский занимал пост начальника топографического отдела при главном штабе Северовосточного фронта.

Автором воспоминаний скорее всего был именно Я. А. Грабовский (Гробовский). Однако, это только предположение, нуждающееся в дополнительном подтверждении.

² Временный военно-революционный комитет был образован 17 ноября 1917 г. как орган захвата власти. В состав ВРК вошли Я. Янсон, Д. Мельников, П. Постышев, Д. Тананайко, Б. Шумяцкий и др.

³ Зинченко — портной, 1-й председатель Совета в Качуге, расстрелян белогвардейцами отряда Красильникова.

⁴ Галат Максим Лукич (1883—1918) — большевик, участник I русской революции, с 1909 г. находился в ссылке в Киренском уезде. После Февральской революции — член комитета общественных организаций, начальник уездной милиции, заместитель председателя, а затем и председатель Киренского ВРК. В 1918 г. расстрелян белогвардейцами.

Яшины Василий Федорович (отец) — участник рабочего движения в Одессе, политссыльный. Василий Васильевич и Иван

Васильевич (сыновья) — большевики. Яшины принимали активное участие в революционных событиях в Киренске, после эсеровского переворота были арестованы, сидели в тюрьме.

⁵ Санжаренко — капитан, начальник конвойной команды г. Бодайбо, принимал участие в расстреле ленских рабочих в 1912 г.

⁶ Леонов Гавриил Сергеевич (1894—1918) — большевик, участник декабрьских боев в Иркутске, военный комиссар Киренского Совета, расстрелян белогвардейцами в 1918 г.

Тараканов Иван Иванович (1890—1918) — фронтовик, продкомиссар, член Киренского ВРК, расстрелян во время эсеровского переворота в Киренске (одновременно с Г. С. Леоновым и М. Л. Галатом).

СЫРЦОВА-ВЛАЩЕНКО Д. В.

¹ В конце марта 1918 г. в Якутске был арестован Совет рабочих депутатов и образован областной Совет из буржуазии и тойонов. С началом навигации из Иркутска был направлен интернациональный отряд под командованием А. С. Рыздинского для подавления контрреволюции. В Бодайбо был сформирован красногвардейский отряд под командованием А. Б. Стояновича, который присоединился к отряду Рыздинского.

² Котенко Василий Дмитриевич — активный участник борьбы за установление Советской власти в Якутске. Зверски замучен белобандитами в 1922 г.

Копылов Николай Иванович — активный участник партизанского движения, в отряде Рыздинского и Стояновича был начальником разведки.

³ Лихаревский — белогвардейский капитан, каратель из отряда Красильникова. Был опознан Сырцовой в Иркутске и расстрелян в 1920 г.

⁴ Аладьин Петр Иосифович (встречается: Оладьин Петр Осипович) — член бодайбинского военно-окружного штаба, председатель Бодайбинского Совета рабочих и солдатских депутатов.

⁵ Синеглазова Вера Семеновна — активная участница борьбы за власть Советов в Якутске, а затем в Иркутске.

⁶ Гусаров Ф. В. — большевик, член большевистского подполья в Иркутске. После восстановления Советской власти — заведующий отделом здравоохранения, затем — Сибздравом. Умер в 1920 г.

⁷ Бужак, Жиркова Д., Парадовский А. И. — участники борьбы за установление Советской власти в Якутске.

ВАСИЛЕВСКИЙ И. Ю.

¹ Автор ошибается: речь должна идти о другом отряде, анархистском, вышедшем из Иркутска в январе 1918 г. Во время пребывания его в Киренске действительно имели место случаи мародерства и расстрелов местных жителей. Об этом отряде есть сведения в воспоминаниях Рыздинского (см. наст. сб.) и Л. Л. Даниша в указанном выше сборнике (см. в сб.: За Советскую власть в Якутии. Якутск, 1957, вып. 1). Отряд же Рыздинского, который вышел из Иркутска в начале июня 1918 г., отличался высокой

революционной сознательностью и дисциплиной. Единственный случай кражи в Киренске был строго осужден и виновный наказан.

² См. комментарии к воспоминаниям А. С. Рыздинского.

³ Галат был арестован и расстрелян в июле 1918 г. в Киренске во время контрреволюционного переворота. Стоянович же был взят в плен позднее, в августе 1918 г., во время боя с белогвардейским отрядом под Бодайбо.

⁴ Пароход «Акепсим Кушнарев» был переименован в «Революционный».

⁵ Пепеляев А. Н. — колчаковский генерал, организатор Якутского мятежа 1922 г., брат премьер-министра, расстрелянного в Иркутске с Колчаком.

ШИПИЦИН П. И.

¹ Осташенко Василий Петрович — бывший унтер-офицер царской армии, в 1918 г. был одним из руководителей бодайбинской Красной гвардии, позднее командир 2-го Советского Ленского добровольческого полка.

² Об Алымове и Стояновиче см. комментарии к воспоминаниям А. С. Рыздинского.

³ Слюсарев Иван — рабочий Илимтракта, командир Илимского дорожного отряда, действовал под Усть-Кутом в составе армии Д. Е. Зверева (см. также воспоминания И. А. Алексеевского).

⁴ Так в обиходе именовалась дер. Королевка.

⁵ 1-м Ангарским полком с 17 ноября 1919 г. командовал Дворянов. В декабре 1919 г. 3-й батальон 1-го Советского Ангарского полка был преобразован в самостоятельный 3-й Советский революционный полк. Им командовал В. Молчанов.

⁶ Речь идет о восстании в частях 53-го Сибирского стрелкового полка, происшедшем в с. Боярском. Одним из руководителей восстания был крестьянин с. Боярского — Василий Пуляев. Сочувствующие партизанам офицеры А. К. Поляков, Брылев и врач Шадхан вошли в состав революционного полка и воевали на стороне партизан.

⁷ Зверев Д. Е. — командующий Северо-Восточным фронтом.

⁸ А. К. Поляков с декабря 1919 г. выполнял обязанности начальника Киренского гарнизона.

ИВАШКЕВИЧ Ф. И.

¹ В отряде А. С. Рыздинского были не только поляки, но и бойцы других национальностей. А. С. Рыздинский отмечал, что в его отряде были представители различных национальностей: русские, поляки, венгры, еврей, китайцы, корейцы, англичанин, серб, грузины, литовцы и немцы (см.: Рыздинский А. С. Борьба за Советскую власть в Якутии. — Вопр. истории, 1967, № 8, с. 109). Отряды Рыздинского и Стояновича объединились раньше, под Витимом. Во время похода на Якутск Рыздинский осуществлял общее командование, а Стоянович исполнял обязанности заместителя командира по строевой части. Оценку Рыздинского Ивашкевичем как малоинициативного командира нужно признать субъективной.

Воспоминаний Е. В. Хабардин не оставил. Настоящие выдержки публикуются из «Заявления» Елисея Васильевича Хабардина, написанного в январе 1948 г. на имя председателя облисполкома и сохранившегося в архиве его сына Василия Елисеевича, проживающего в Усть-Куте.

¹ В распоряжении составителей и комментаторов имелось четыре списка, составленных свидетелями расстрела членов Верховленского Совдепа: Е. В. Хабардиным, членом Совдепа, его братом Г. В. Хабардиным, И. П. Толмачевым, сыном расстрелянного председателя Совдепа и Д. М. Чупановым (его список составлен с помощью одного из арестованных Н. И. Копылова).

В настоящем сборнике публикуется список Е. В. Хабардина как наиболее полный. В нем перечисляются фамилии не только расстрелянных, но и отправленных в Иркутск и приговоренных к различным мерам наказания.

К расхождению списка Е. В. Хабардина со списками других составителей относительно фамилий расстрелянных в Верховленске необходимо сделать следующие пояснения:

1. Во время контрреволюционного переворота была арестована большая часть членов Совдепа и, кроме того, 26 красногвардейцев отряда, шедшего из Иркутска, в составе которого были члены Центросибири. Выявить всех пофамильно, а также определить точное число арестованных совдеповцев, не удалось. Е. В. Хабардин перечисляет 25 человек. Однако в его списке нет Иسنовича — секретаря укома партии, Козлова Ивана Романовича, названных Г. В. Хабардиным; А. В. Аргучинцева — красногвардейца, А. В. Любославского — красногвардейца из дер. Самодуровой, П. Н. Тарасова — командира красногвардейского отряда, которые есть в списке Д. М. Чупанова. Кроме того, достоверно известно, что среди арестованных были И. С. Постоловский, Б. Сташевский, Яцко, Патушинский, Гофман.

2. Составители списков расходятся во мнении относительно численности приговоренных к расстрелу. Е. В. Хабардин считает, что все 25 человек арестованных были приговорены к смертной казни.

3. Относительно числа расстрелянных также нет единого мнения: И. П. Толмачев называет 17 человек, Г. В. Хабардин и Е. В. Хабардин — 14 человек, Д. М. Чупанов — 13 человек (из 15 человек, по его словам, двое случайно арестованных Логошный и Бушман были освобождены). Из предисловия к списку Чупанова можно сделать вывод, что был расстрелян и Розенталь, но в списке он не отмечен (см.: Ленская правда, 1966, 10 нояб.).

После уточнения с полной достоверностью можно назвать только фамилии восьми расстрелянных: это П. К. Толмачев, Н. Р. Тюменцев, Иенович, Г. К. Воробьев, Е. И. Челпанов, А. Н. Черкашин, А. К. Дмитриев, М. Е. Жуков (они называются во всех четырех списках). Предположительно можно говорить, что в числе расстрелянных были Косминский (Космольский), И. Р. Козлов, А. И. Леонов, Е. А. Яковлев, М. И. Розенталь, И. И. Бекман (они названы в двух списках — Г. В. Хабардина и И. П. Толмачева или И. П. Толмачева и Д. М. Чупанова). Таким образом, список расстрелянных членов Верховленского Совдепа может выглядеть примерно таким:

1. Толмачев Петр Кириллович,
2. Тюменцев Николай Романович,
3. Иенович,
4. Воробьев Георгий Кузьмич,
5. Черкашин Александр Николаевич,
6. Челпанов Емельян Иванович,
7. Дмитриев Александр Кирикович,
8. Жуков Максим Елиферович,
9. Косминский (Космольский),
10. Козлов Иван Романович,
11. Леонов Александр Ильич,
12. Яковлев Елисей Абрамович,
13. Розенталь Матвей Иосифович,
14. Бекман Иннокентий Иннокентьевич.

Ниже публикуется список арестованных во время контрреволюционного переворота в Верхоленске в июле 1918 г., составленный Е. В. Хабардиным. Ему же принадлежат пояснения с дополнениями о составе суда, следственной комиссии.

Список

*арестованных в Верхоленске и посаженных в тюрьму
во время контрреволюционного переворота в июле 1918 г.*

1. Толмачев Петр Кириллович — председатель Совдепа, проживал в дер. Толмачево;
2. Тюменцев Николай Романович — секретарь Совдепа, из дер. Петрово, Жигаловского р-на;
3. Челпанов Емельян Иванович — заведующий социальным отделом, из дер. Козлова;
4. Воробьев Георгий Кузьмич;
5. Грюнгоф Георгий Иванович — учитель из Верхоленска (уездный комиссар просвещения и здравоохранения. — *Сост.*);
6. Космольский,
7. Копас Эдуард — ссыльный, фотограф (член Совдепа. — *Сост.*);
8. Розенталь Матвей Иосифович — (зам. начальника уездной милиции. — *Сост.*);
9. Леонов Александр — секретарь укома партии;
10. Жуков Максим Елиферович — (уездный комиссар призра. — *Сост.*);
11. Подпрудин Николай Михайлович;
12. Черкашин Александр Николаевич — местный;
13. Дмитриев Александр Кирикович — председатель Качугского волостного Совета;
14. Бекман Иннокентий Иннокентьевич;
15. Штельбер (вероятно, Штеллер. — *Сост.*) — вместе с командиром Мишариным был убит позднее и брошен в озеро;
16. Постоловский Иван Семенович — увезен в Иркутск и там повешен;
17. Станиславский Ян — отправлен в Иркутск и там повешен (вероятнее всего — Борис Сташевский. — *Сост.*);
18. Патушинский — увезен в Иркутск и там повешен;
19. Юргинский Николай;
20. Яковлев Елисей Абрамович;
21. Марков Константин Кондратьевич;
22. Воробьев Михаил Дмитриевич;

23. Литван Абрам Исаевич;
24. Герасимов Иосиф Матвеевич;
25. Хабардин Елисей Васильевич.

Вся группа в количестве 25 человек была приговорена к расстрелу. Созданная следственная комиссия состояла из следующих лиц:

1. Малиновского Матвея Карповича, местного доктора;
2. Глассона Николая Васильевича, инспектора Верхоленского уезда;
3. Долгорукова, областного судьи;
4. Богатырева Ивана Алексеевича, он работал в кредитном товариществе г. Верхоленска;
5. Соловьева Александра Харитоновича;
6. Клячко;
7. Пуляевского;
8. Булгаева И. К.;
9. Макаревича;
10. Алтропова;
11. Грозина Александра;
12. Абрамовича Фрола из Качуга;
13. Купцова Василия Степановича;
14. Пластинина Константина Афанасьевича, урядника из Верхоленска;
15. Шеметова Николая Дмитриевича, коммерсанта.

Военно-полевой суд:

1. Поручик Беченников;
2. Долгоруков, мировой судья;
3. Шеметов Николай Дмитриевич;
4. Подпоручик Булгаев И. К.;
5. Малиновский Матвей Карпович;
6. Соловьев Александр Харитонович — государственный обвинитель.

Подсудимые от защитников отказались. Эти люди все [арестованные] были посажены в тюрьму. Первую партию в девять человек вывели на расстрел 24 июля 1918 г., за ней вторую партию в пять человек. Остальные сидели на берегу в амбаре. Их должны были расстрелять завтра, но в эту ночь из этих амбаров заключенных перевели в тюрьму. Банда вызвала из Иркутска офицеров, которые должны были расстрелять остальных. Приехало пять человек: Прокофий Николаевич Шеметов, Иван Александрович Яковлев, Данила Иванович Шелковников, две остальные фамилии неизвестны. Офицеры расстрел не произвели. Те люди остались в живых.

АЛИС ИГУ, ф. 4, оп. 1, д. 12, л. 23—25.

² Командиром партизанского отряда в Голумети был Андрей Степанович Уваров, после его гибели в 1919 г. стал старшим брат Илья Степанович. Что же касается Радо и Васильева, как премников командования отрядом после гибели А. Уварова, то о них в большинстве воспоминаний партизан из этого отряда нет даже упоминаний. Скорее всего, речь идет о командирах подразделений отряда Уварова, таким, например, и был Э. Радо.

³ Шумяцкий Яков Борисович (1887—1963) — большевик с 1908 г., член Иркутского комитета РСДРП, после революции

1917 г. — губернский комиссар труда и промышленности. В годы колчаковщины — узник иркутской тюрьмы, освобожден восставшими рабочими 31 декабря 1919 г. Член Иркутского губкома РКП(б) и Совета рабочих и солдатских депутатов.

Рябиков Валентин Владимирович (1885—1962) — член Центросибири, комиссар связи и член коллегии транспорта, в 1919 г. — тоже узник колчаковского застенка в Иркутске, после освобождения в декабре 1919 г. — зав. отделом ревкома, главный комиссар Забайкальской железной дороги, заведующий коммунальным отделом. С 1921 г. на работе в Москве.

⁴ Якушев — эсер, активный член Иркутского комитета общественных организаций. В тюрьме сидел не Якушев, конечно, а Я. Д. Янсон (1886—1938) — большевик, член Центросибири. Фамилия его трансформировалась в памяти Е. В. Хабардина с фамилией Якушева.

⁵ Сычев — колчаковский генерал, начальник Иркутского гарнизона в 1919 г.

ТОЛМАЧЕВА Е. С.

¹ Черепанов Андриян — кулак из дер. Картухай (Куртухай), руководитель банды (подробно о нем см. воспоминания Г. П. Сухарева).

² Бутарин Гавриил, Жуков Максим, Хабардин Елисей — члены Верховенского Совдепа.

ПЕТУХОВ И. С.

¹ «Концессия» — позднейшее наименование парохода. Как назывался пароход, когда на нем следовал отряд Красильникова, установить не удалось.

² Автор не очень ошибается, когда смещает события с декабря на конец ноября или меняет местами Марковское восстание, возникшее первым, и Макаровское. Напряженность обстановки в период подготовки крестьянского протеста против колчаковского кровавого режима, когда он стал уже невыносим и появилась возможность свергнуть его при поддержке развернувшегося уже на Илеме, Ангаре и юго-западных районах партизанского движения, отражена мемуаристами четко и верно. Как по цепочке, в декабре вспыхивают восстания в Марково, Макарово, именуемые в народе повстанческими фронтами, а за ними Подымахино, Якурим и другие села поднимаются в поддержку приближающегося к Усть-Куту партизанского фронта.

³ Воспоминания И. С. Монакова публикуются в настоящем сборнике.

⁴ Нератов Василий Степанович — из местных крестьян, способный и молодой организатор (погиб в годы Великой Отечественной войны на погранзаставе, начальником которой он был).

⁵ Усть-Кутским фронтом в это время командовал Д. Е. Зверев. А. К. Поляков был командиром 1-го Боярского партизанского полка и состоял в подчинении у Зверева.

⁶ Полковник Казаков, генерал Галкин (бывший военный министр Самарского правительства), генерал Перхуров (организа-

тор Ярославского мятежа в июле 1918 г.) — командиры отступавших каппелевских отрядов.

Относительно судьбы Галкина, Казакова и Перхурова существуют различные мнения: Н. В. и В. Н. Дворяновы (см. кн. В тылу Колчака. М., 1966, с. 243) указывают, что им удалось скрыться, И. Д. Дубина утверждает, что они сдались в плен (см. Партизанское движение в Восточной Сибири. Иркутск, 1967, с. 146). Мнение И. Д. Дубины совпадает с ранее высказанным утверждением М. А. Гудошникова (см.: Очерки по истории гражданской войны в Сибири. Иркутск, 1959), что все трое были арестованы, Перхуров отправлен в Ярославль, там судим и расстрелян. Судьба же Казакова и Галкина остается не выясненной до конца. Появление же обоих в Забайкалье в 20-е гг. в литературе не объяснено. Есть только указание, что Казаков погиб от рук Семенова, а Галкин судим в 1928 г. советскими органами и расстрелян.

ЗВЯГИН П. М.

¹ Белов — командир одного из сводных красногвардейских отрядов в Бодайбо.

² См. комментарии к воспоминаниям А. С. Рыздинского.

³ См. там же.

⁴ Пальников Павел — военный комиссар Бодайбо в 1918 г. Поручиков Петр Яковлевич — большевик, один из военачальников Красной Гвардии, с 1918 г. бодайбинский окружной комиссар, зверски убит белогвардейцами в 1919 г. вместе с 31 заложником на ледоколе «Ангара».

⁵ Мальцев Константин Александрович (1888—1944) — большевик, председатель ЦИКа Советов ЛВГО (Лено-Витимского горного округа) с конца 1917 г. и член Бодайбинского военно-окружного штаба. С апреля 1918 г. — активный организатор и политический руководитель красногвардейских частей, в составе которых боролся до временного падения Советской власти в Бодайбо в августе 1918 г., был на командных и политических должностях.

⁶ Здесь неточно: был захвачен пароход «Николай».

⁷ Контрреволюционный переворот, организованный местной буржуазией и контрреволюционной организацией «Желтая ласточка», произошел в Бодайбо в августе 1918 г.

⁸ Имеется в виду восстание в Бодайбо, одним из руководителей которого был Николай Березнер (январь 1919 г.).

⁹ Ошибочно: в действительности отвечал управляющий Иркутской губернии эсер П. Д. Яковлев.

¹⁰ Очень важное свидетельство заблуждения восставших, что в Иркутске восстановлена Советская власть.

¹¹ Число расстрелянных дается по-разному: от 16 до 19 человек. П. А. Зорин называет даже цифру 21. Удалось выяснить фамилии 19 человек (см. в данном сборнике «Приказ № 5 по гарнизону г. Бодайбо Витимско-Олекминского горного округа»).

¹² Расстрелян младший брат Никифор Красноштанов, а не Степан. С. Красноштанов как семейный получил вечную каторгу, вместо расстрела.

¹³ Иванов — эсер, мировой судья в Бодайбо.

¹⁴ Мунгалов Василий — начальник 1-го Ленского партизанского отряда, после освобождения Киренска — заместитель начальника советского гарнизона г. Киренска.

¹⁵ Вероятно, имеется в виду: Петр Иосифович Аладын, боль-

шевик, бывший в то время военным комиссаром Бодайбо. (См. о нем: Революционный подвиг сибиряков. Иркутск, 1972). История с возвратом захваченного у белогвардейцев золота (45 пудов) требует еще документального обоснования, хотя свидетельство мемуариста заслуживает доверия.

¹⁶ Ошибочно: должно быть, Дуганова, колчаковского офицера, бежавшего из Иркутской тюрьмы. О Черепанове см. воспоминания Г. П. Сухарева.

¹⁷ Орлов Николай Алексеевич и Мясников Кирилл Павлович — организаторы Жигаловского восстания 10 декабря 1919 г. и руководители партизанских отрядов в Верхленском уезде в 1919—1920 гг. (см. комментарии к воспоминаниям И. С. Канина).

ВОСТРЕЦОВ И. Г.

¹ В Чечуйске 14 июля 1918 г. состоялась встреча отрядов Стояновича и Рызинского, вернувшихся из Якутска, и Бодайбинского отряда Алымова. Отряды следовали на Киренск с целью подавления контрреволюционного мятежа, поднятого гарнизоном и эсерами во главе с Савинским, Растомашвили и другими офицерами.

² Воспоминания И. Г. Вострецова наиболее четко отразили настроение среднего крестьянства Приленья, осторожно присматривавшегося к событиям и под их влиянием медленно менявшего свои «нейтрально-выжидательные» позиции. Решительный поворот в сторону Советской власти наступил в 1919 г., чему немало способствовал режим Колчака с его разнузданным и кровавым насилием. Потребовался урок и «своих» Рубцовых, Черепановых и других подобных претендентов на господство над массами.

³ Рубцов Г. — глава небольшого белогвардейского отряда из местных крестьян, бывший офицер царской армии. Сведения И. Г. Вострецова о нем новы, любопытны, должно быть, достоверны.

СУХАРЕВ Г. П.

¹ Публикуемые воспоминания Г. П. Сухарева — лишь небольшая часть, две последние главы, из неопубликованной документальной повести «Быль села Картухай» представлена автором для настоящего сборника.

² Бетонов Григорий Фомич — в это время не мог являться членом Верхленского Совдепа, так как находился в Иркутске, был преподавателем истории Девичьего института, затем Народного университета, в начале 1918 г. — работник Иркутского Совета (со слов его ученицы Ольги Николаевны Баталовой, живущей в Иркутске).

³ Мангазей, или государственный магазин — склад зерна и других продуктов.

⁴ В перевороте в Верхленске кроме отряда Красильникова принимали участие местные контрреволюционные силы, в том числе картухайские кулаки Черепановы.

⁵ Киселев Д. Д. — бывший эсер, член РКП(б) с 1918 г., до революции — инспектор местного училища, на Верхленском уездном съезде исполнял обязанности председателя, был избран представителем от Верхленского уезда в губернский исполнительный комитет. Сумел избежать расправы.

⁶ Е. В. Хабардин и М. Е. Жуков пытались бежать, когда верхоленских большевиков заковывали в кандалы, но неудачно. Жуков был убит сразу, а Хабардина, тяжело раненного, увезли в тюрьму.

⁷ Неточно: в Иркутске в это время был уже свергнут колчаковский режим, и остатки каппелевской армии уходили в обход Иркутска в Забайкалье.

⁸ По имеющимся сведениям Анна Черепанова (Черепаниха) была в это время в составе банды Дуганова, действовавшей в верховьях р. Лены. В декабре ее «следы» обнаруживаются в районах Северного Байкала, откуда она вместе с бандитами Дуганова проследовала по Нижней Ангаре в верховья Витима. Сдалась органам Советской власти, вероятно, в середине или в конце 1922 г.

ЗОРИН П. А.

¹ В июле 1918 г., в момент расправы над членами Верхоленского совдепа, проходил уездный съезд представителей крестьянства, преимущественно зажиточного и кулацкого. На собрание в с. Тутура съехалось свыше 150 человек. Этот съезд эсеровского направления был созван земцами для выборов новой власти — земской управы. Характерно, что съезд ничего не предпринял для предотвращения кровавой трагедии в Верхоленске.

² М. В. Воробьев, Д. О. Лемзяков, А. Г. Кузнецов, Г. В. Пуляевский, С. П. Черепанов — эсеры, видные земцы, руководители крестьянского съезда в Тутуре. В дальнейшем часть из них (Г. В. Пуляевский) перешла на сторону Советской власти, другие (М. В. Воробьев, Д. О. Лемзяков) — в первое время втерлись в доверие, но потом были разоблачены (см.: Житов И. Т. Верхоленская бль. — В кн.: Годы огневые, годы боевые. Иркутск, 1961, с. 150).

³ Речь идет о восстании в Жигалово в ночь на 10 декабря 1919 г. По поводу этого события в воспоминаниях и литературе существуют противоречивые данные. В воспоминании И. Т. Житова Жигаловское восстание датируется 25—26 ноября. В воспоминаниях И. С. Канина, Д. М. Чупанова, в сборнике документов «Борьба за власть Советов в Иркутской губернии 1918—1920 гг.» (Иркутск, 1959, док. № 73), в книге И. Д. Дубины «Партизанское движение в Восточной Сибири 1918—1920 гг.» (Иркутск, 1967, с. 121) и некоторых других это восстание относят к 9—10 декабря. В книге Н. В. и В. Н. Дворяновых «В тылу Колчака» приводятся две даты. Причем авторы рассматривают их как разные события. Таким образом, у Дворяновых получается два восстания в Жигалово за каких-нибудь две недели. Нам думается, что путаница внесена датировкой в одних случаях по старому, в других — по новому стилю. Восстание же произошло 9—10 декабря (нового стиля) или 25—26 ноября (старого). Проверка точности датировки может быть сделана и путем сопоставления. Вооруженное выступление было назначено на 9 декабря, на день святого Иннокентия. Вечером этого дня вся колчаковская верхушка Жигалова должна была собраться в доме купчихи Кожовой, чтобы отметить день рождения начальника местной милиции Иннокентия Петрова. Этим обстоятельством воспользовались местные партизаны. Они обезоружили милицию и солдат, со-

проводивших обоз с оружием, отправленных из Иркутска на помощь отряду Колодезникова. К вечеру в Жигалово была восстановлена Советская власть.

⁴ К о п е й к и н — белогвардейский офицер, поручик, начальник Верхоленского гарнизона.

⁵ Данная трактовка боя под дер. Коркино значительно отличается от уже имеющихся в литературе свидетельств. Вот как, например, описывает эти события И. Т. Житов: «...27 ноября на борьбу с партизанами из Верхоленска выехал колчаковский отряд офицера Копейкина и отряд милиции Горшкова. В дер. Коркино бывший фельдфебель царской армии, крестьянин Исаков проявил военную хитрость — поставил в снег по льду Лены срубленные елки и сосенки и командовал ими как бойцами. А с берега стреляли и больше кричали партизаны. Это навело такую панику на белогвардейцев, что они бежали в Верхоленское...» (см.: Годы огневые, годы боевые, с. 147—148). Аналогичное изложение событий мы встречаем у И. С. Канина. (см. настоящий сборник).

⁶ Ж и т о в И н н о к е н т и й Т р о ф и м о в и ч — один из руководителей борьбы за власть Советов в Верхоленском уезде, заместитель председателя Верхоленского ревкома в 1919—1920 гг.

⁷ К а л а н д а р и ш в и л и Н е с т о р А л е к с а н д р о в и ч (1874—1922) — один из организаторов и руководителей партизанского движения в Восточной Сибири, командующий верхоленской группой партизанских отрядов, член РКП(б) с января 1921 г. За боевые действия в Забайкалье награжден орденом Красного Знамени. Пользовался огромной популярностью среди сибирских партизан, которые называли его просто «Дедушка». Погиб 6 марта 1922 г. в боях с белобандитами в Якутии.

⁸ М и ш а р и н А л е к с а н д р Д м и т р и е в и ч (1884—1921) — командир верхоленского партизанского отряда, член уездного военно-революционного комитета. Зверски замучен в сентябре 1921 г. на р. Тальме бандой Черепанова.

⁹ В феврале 1920 г. на р. Лену прорвались остатки разбитой каппелевской армии — отряд генерала Сукина, численностью до 1500 человек. Верхоленские партизаны пытались остановить их у дер. Грузновка. Здесь были сооружены окопы из снега и заграждения по р. Лене. Но отряд Сукина 23 февраля неожиданно атаковал партизан с тыла и флангов, а с фронта на окопы повела наступление конница. В начале боя был захвачен и уничтожен штаб обороны партизан. Партизаны, понеся большие потери, начали отступать к дер. Знаменке. В этом бою погибли командиры отрядов — Ф. Ф. Колчанов, П. Ф. Пономарев, Н. Ф. Неугодников.

¹⁰ Б у р л о в Н и к о л а й А н а н ь е в и ч (1883—1927) — организатор партизанского движения в низовьях Ангары, командир Братской партизанской дивизии. В январе 1920 г. его дивизия вышла на Лену и совместно с отрядами Каландаришвили очистила верхнюю Лену от белогвардейцев.

В дальнейшем принимает участие в разгроме войск атамана Семенова и японских интервентов в Забайкалье. Член РКП(б) с 1920 г. После гражданской войны — сотрудник Иркутского ЧК. Трагически погиб 7 августа 1927 г. в Тулуне.

¹¹ Б о й п о д Б и р ю л ь к о й с о с т о я л с я 26 февраля 1920 г. Отряды Бурлова и Каландаришвили разгромили группировку каппелевцев под командованием генерала Сукина, остатки которой вместе с Сукиным вынуждены были пробираться за Байкал тайгой.

¹² Ч е р е п а н о в А н д р и я н — кулак из дер. Картухай, организатор и руководитель кулацко-белогвардейской банды, действо-

вавшей в Верхоленском уезде. Явился с повинной в 1922 г. Трагические события, описываемые П. А. Зориним, были делом рук бандитов А. Черепанова и группы колчаковских офицеров.

Донской — унтер-офицер, главарь кулацкой банды в Балаганском районе. В марте 1921 г. банда Донского, насчитывавшая до 200 человек, вторглась в пределы Верхоленского уезда и некоторое время действовала здесь. Донской был непримиримым противником Советской власти, отличался большой жестокостью. В декабре 1922 г. в одном из столкновений Донской был убит, а бандиты его рассеяны.

МОНАКОВ И. С.

¹ В Иркутске в это время действительно был так называемый Политический центр, в который входили эсеры и меньшевики. В ночь на 21 декабря 1919 г. по его приказу был совершен переворот в Черемхово, 24 декабря — в Глазково. Власть была передана Политцентру. Но все ограничилось отстранением от командования наиболее открытых колчаковцев и назначением новых командиров и комиссаров Политцентра. Выступившие части Политцентр назвал народно-революционной армией, общее командование возложил на эсера Калашникова, а порядки в частях оставил прежние. (См.: Очерки по истории Иркутской организации КПСС, Иркутск, 1966, ч. 1, с. 324—325).

² Никольский В. Г. — председатель Киренского уездного временного исполкома в начале 1920 г.

³ Алексеев Н. А. — председатель Киренского уездного съезда Советов в январе 1920 г. Старый политкаторжанин, большевик, делегат II съезда РСДРП.

⁴ Эшке Михаил — латыш, политссыльный, депутат Киренского уездного Совета в 1920 г.

⁵ См. комментарии к воспоминаниям П. А. Зорина.

⁶ Дулов Иван Афанасьевич (1895—1932) из крестьян — начальник военно-революционного штаба Илгинского сводного партизанского отряда, после гражданской войны — председатель кооперации в дер. Знаменка, затем бухгалтер управления Ленгоспароходства.

⁷ Речь идет, вероятно, о банде полковника Дуганова, объединившегося с бандой А. Черепанова.

⁸ Автор ошибается: известный советский поэт А. А. Сурков — уроженец с. Середнево Ярославской губернии, в годы гражданской войны находился в Центральной России и в Сибири не был. Имелся в виду, вероятно, А. И. Сурков — коммунист, участник гражданской войны Приленья, член Киренского окружного исполкома в 20-е гг.

АРБАТСКИЙ В. П.

¹ Люля Карл — один из ссыльных. Других сведений о нем не найдено.

² Мунгалов Василий — рабочий завода, впоследствии командир 1-го Ленского партизанского отряда. Был ли управляющим заводом — не установлено (см. также комментарии к воспоминаниям П. М. Звягина).

³ Бобряков — подпоручик, начальник Киренского гарнизона в годы диктатуры Колчака, арестован партизанами в 1919 г.

Лаврушин М. В. — прапорщик, офицер колчаковской армии, расстрелян партизанами в конце 1919 г.

⁴ Правильно — полковник Дуганов. В с. Карам его банда зверски расправилась с 18 коммунистами и сельскими активистами.

⁵ 19 августа 1921 г. из Якутска бежали восемь офицеров вместе с капитаном Толстоуховым, служившим военруком в военкомате и корнетом Коробейниковым. Двигаясь по р. Мае, они встретили пароход «Киренск», шедший из Нелькана с грузом в Якутск. Охрана парохода (семь человек) была расстреляна, и белогвардейцы на захваченном пароходе вернулись в Нелькан. Здесь было устроено секретное совещание, в результате которого военная власть была передана Коробейникову, а организация гражданской власти — эсеру Куликовскому. Так началось белое повстанческое движение в Якутской области. (Более подробно об этих событиях см.: Строд И. В тайге. М.; Л., 1928).

⁹ Строд Ян (Иван) Янович (Яковлевич) (1894—1938) — в 1918 г. в составе 1-го кавалерийского дивизиона Н. А. Каландаришвили сражался с белогвардейцами и белочехами в Прибайкалье, затем на Забайкальском фронте. В начале сентября 1918 г. с группой красновардейцев уходит в северную тайгу. Пленный белыми, оказался в Олекминской тюрьме. После падения колчаковщины в Олекминске продолжал борьбу с врагами революции. В 1920 г. в составе отряда Н. А. Каландаришвили участвовал в боях против семеновцев и японских оккупантов в Забайкалье. В декабре 1921 г. участвовал в походе отряда Каландаришвили из Иркутска в Якутск. После трагической гибели последнего возглавил отряд. Участвовал в разгроме пепеляевцев в 1923 г. Строд служил в армии до 1937 г. Награжден тремя орденами Красного Знамени. Кроме Строда в разгроме Пепеляева под Амгой в начале марта 1923 г. участвовали отряды Байкалова, Курашова, Мизина.

⁷ Пепеляев А. Н. — колчаковский генерал, организатор контрреволюционного мятежа в Якутии. Он с остатками своего отряда сумел скрыться и отошел сначала к устью р. Аим, оттуда в Нелькан и дальше в Аян, где и был взят в плен в июне 1923 г. экспедиционным отрядом Красной Армии под командованием С. С. Вострецова. В январе 1924 г. в Чите революционным трибуналом 5-й Краснознаменной армии слушалось дело генерала Пепеляева и его сообщников. 26 подсудимых во главе с Пепеляевым были приговорены к расстрелу, но по ходатайству Дальревкома и просьбе самих приговоренных о помиловании постановлением ВЦИК смертная казнь была заменена десятью годами лишения свободы. (Более подробно см.: Строд И. В Якутской тайге. М., 1934).

⁸ Коробейников В. А. — корнет царской армии, организатор белого повстанческого движения в Якутии в 1921—1922 гг. В марте 1922 г. в Чурапче был устроен съезд представителей нескольких восточных улусов Якутского округа. На этом съезде Коробейников получил звание командующего Якутской народной армией. Ему удалось в марте 1922 г. взять Якутск в кольцо окружения. Но после прибытия экспедиционного отряда из Иркутска армия Коробейникова стала терпеть одно поражение за другим. 20 апреля 1922 г. был издан декрет ВЦИК об образовании Якутской автономной советской социалистической республики. Узнав об этом декрете, повстанцы начали сдаваться целыми отрядами. Коробейников с несколькими сотнями своих приверженцев бежал к Охотскому морю. К лету 1922 г. гражданская война в Якутии

фактически закончилась. (См.: указанную книгу И. Строда, а также воспоминания К. К. Байкалова. «Статьи. Воспоминания». (Якутск, 1968).

⁹ Имеются в виду изложенные выше события в Нелькане осенью 1921 г. Кроме «Киренска» контрреволюционерам удалось захватить и пароход «Соболь», который стал плавучей тюрьмой для пленных красноармейцев.

¹⁰ О гибели Михея Ивановича Добрынина его брат рассказывает следующим образом: «В Нелькане расстреляли моего брата и еще 19 чекистов. Мой брат, Михей Иванович, погиб в 1921 г. на р. Алдан, в него стреляли на пароходе, он доплыл до берега, но его поймал якут, три дня он сидел в амбаре, затем его утопили живым в мешке».

АЛИС ИГУ, ф. 17, оп. 1, д. 1, л. 75.

ВЫСОКИХ Н. И.

¹ В большинстве других воспоминаний Зубов — бывший крестьянин, дослужившийся в царской армии до офицерского или унтер-офицерского звания. Васька Зубов — деревенская кличка Василия Егоровича Пуляева — это, к сожалению, свидетельство лишь одного Н. И. Высоких, проверить и уточнить которое не удалось.

² Восстание в Боярске произошло не 4 декабря, а в ночь с 5-го на 6 декабря 1919 г.

³ Хохряков, Брылев, А. К. Поляков — группа прогрессивно настроенных офицеров, оставленных восставшими в живых. А. К. Поляков стал командиром восставшего полка, Брылев — его заместителем. Впоследствии Брылев командовал войсками Витимско-Бодайбинского округа. О Хохрякове сведений найти не удалось.

⁴ Фамилия врача — Шадхан Яков Савельевич, в будущем заведовал партизанским лазаретом в Усть-Куте.

КАНИН И. С.

¹ Мясников Кирилл Павлович — член бодайбинской большевистской организации в 1918 г. После прихода в Бодайбо отряда Красильникова был выслан в Жигалово, где организовал подпольную группу, возглавившую восстание 10 декабря 1919 г. Затем был командиром жигаловского партизанского отряда.

² Орлов Николай Алексеевич (1889—1931?) — член жигаловской подпольной группы РКП(б), один из организаторов восстания 10 декабря 1919 г., командир партизанского отряда.

³ Копейкин окончательно разбит 17 декабря 1919 г. недалеко от дер. Манзурки.

⁴ Дер. Коркино находится примерно в 40 км от Верхоленска, а не в 7 км.

⁵ Отряд генерала Сукина насчитывал не более 500 человек, отряд генерала Перхурова был сравнительно малочисленным. Кроме этих двух отрядов сюда вышли еще отряды генерала Галкина и полковника Казакова, в которых было до 2000 человек. (См.: Гудошников М. А. Очерки по истории гражданской войны в Сибири. Иркутск, 1959, с. 195).

⁶ Описываемый И. С. Каниным Бирюльский бой в феврале 1920 г.

значительно отличается от других описаний его участников, оставивших воспоминания, вошедшие в настоящий сборник. Это может быть объяснено тем, что он, как связист, просто не наблюдал картины боя и сохранил в памяти только его общие результаты. К оперативной связи в момент боя, по-видимому, не был причастен. Связь командующего с войсками, принимавшими участие в этом большом и ожесточенном сражении, осуществлялась штабом через особых связных и ординарцев.

ЗЫРЯНОВ Г. Е.

¹ Капитан Колодезников — командир колчаковского карательного отряда, сформированного из 53-го Сибирского стрелкового полка (примерно 250 человек).

² Автор путает: фамилия врача — Шадхан. Впоследствии Яков Савельевич Шадхан был заведующим партизанским лазаретом в Усть-Куте. Малиновский — тоже врач, но служивший по гражданскому ведомству в Верхоленске и часто посещавший жителей ленских сел. Фамилия его запомнилась Г. Е. Зырянову вместо врача Шадхана, служившего в отряде Колодезникова.

³ О Полякове А. К. см. комментарии к воспоминаниям П. И. Шипицина. Г. Н. Полякова — жена командира восставшего в Боярске полка действительно находилась с мужем и в дальнейшем сопровождала его во всех боевых походах.

МАРКОВ Ф. Д.

¹ О Рубцове Г. — местном карателе, см. комментарий к воспоминаниям И. Г. Вострецова.

² Марков Михаил Николаевич — один из руководителей марковского восстания в декабре 1919 г., командир Концлугского отряда.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ И. А.

¹ Никольский В. Г. — см. комментарии к воспоминаниям И. С. Монакова.

² О Перхурове, Галкине, Казакове — см. комментарии к воспоминаниям И. С. Петухова.

³ См. комментарии к воспоминаниям П. И. Шипицина.

⁴ Бодэ — офицер-каратель, действовал в Бодайбо, Киренском уезде, а также и под Усть-Кутом.

ПЕШКОВ М. И.

¹ Автор правильно называет главных деятелей контрреволюционного переворота в Киренске в ночь на 2 июля 1918 г., организованного эсером Савинским с группой офицеров и солдат гарнизона. В числе их кроме названного прапорщика Лаврушина играл важную роль и Растомашвили, ставший во главе белогвардейского отряда.

² О Яшиных см. комментарии к воспоминаниям Грабовского.

³ Бодэ застрелился действительно в декабре 1919 г., но не во

время Киренского восстания, а несколько раньше, из-за неудачной попытки пробраться с карательным отрядом в Усть-Кут.

КРАВЧЕНКО С. Я.

¹ Восстание в Жигалово произошло 10 декабря 1919 г.

² Речь идет об отряде полковника Дуганова, бежавшего из иркутской тюрьмы и пытавшегося пробраться за Байкал.

³ Об Н. А. Орлове см. комментарии к воспоминаниям И. С. Канина и П. М. Звягина.

⁴ Колчанов Ф. Ф. — член Жигаловского Совдепа, делегат Верховенского уездного съезда Советов в 1918 г. В 1919 г. — член жигаловской подпольной группы РКП(б), затем один из командиров верхоленского партизанского отряда.

⁵ Неугодников Н. Ф. — член жигаловской подпольной группы РКП(б) в 1919 г., затем один из командиров верхоленского партизанского отряда.

⁶ Пономарев П. Ф. — член жигаловской группы большевиков, затем партизан верхоленского отряда.

⁷ Историю пленения генерала Перхурова и других см. в воспоминаниях И. С. Петухова и комментариях этого сборника.

ДОБРЫНИН И. И.

¹ 20 августа 1918 г. в дер. Паново на Ангаре 1-й взвод карательного отряда поручика Мамаева, убив командира, перешел на сторону партизан. Восстанием руководил большевик Д. Е. Зверев. Следовательно, в июне 1918 г. отряд Зверева еще не существовал. В действительности речь должна идти об отряде А. С. Рызинского.

² Колчаковский переворот произошел только 18 ноября 1918 г. Под колчаковцами автор имеет в виду власть контрреволюционеров: местных тойонов и буржуазии, эсеров и федералистов, установивших диктатуру в лице областного Совета.

³ Бондалетов, Гордеев — офицеры царской армии, затем контрреволюционных сил Сибирского временного правительства, руководители карательных отрядов.

⁴ Имеется в виду Якутский Совет.

⁵ Романченко Николай Александрович — бывший фронтовик, был освобожден из тюрьмы за несколько дней до декабрьского восстания. Во время пребывания в тюрьме связался с сидевшими здесь членами конспиративного комитета. Освободившись из тюрьмы, немедленно приступил к организации восстания.

⁶ Кочнев Павел Петрович — большевик с декабря 1919 г., член подпольного партийного комитета в Якутске. Во время колчаковщины сидел в тюрьме, освобожден после декабрьского восстания.

⁷ Аржаков Степан Максимович — большевик с марта 1917 г., член подпольного партийного комитета в Якутске. Во время колчаковщины сидел в тюрьме, освобожден после декабрьского восстания. В 1920 г. — председатель Вилюйского ревкома и член Вилюйского Совета.

⁸ Тверской Леонид — левый эсер, входил в состав руководящего органа по организации восстания, а после переворота — и в состав ревштаба. Спустя полгода после переворота вступил

в коммунистическую партию. (См. воспоминания А. А. Струлевича в сб. «За Советскую власть в Якутии» (Якутск, 1967, вып. 2, с. 209).

⁹ Восстание произошло в ночь на 15 декабря 1919 г.

¹⁰ Собрание было намечено провести на квартире Плаксеева, но он отказал подпольщикам, поэтому собрались у Еловского. На собрании присутствовали: матрос парохода «Лена» Селиванов, сапожник Глубоких, Михаил Дунаевский, солдаты из казармы Михаил Первухин и Григорий Потапов, Сучков из отряда особого назначения, Н. Романченко и сам Еловский (см. воспоминания Ф. Еловского в сб. «За Советскую власть...», с. 224).

¹¹ Еловский Ф. Е. рассказывает об этом несколько иначе: «Я был приставлен Романченко к дверям комнаты поручика Муравейского. Стоять пришлось до тех пор, пока Романченко не явился с солдатами. Романченко приказал взводному офицеру постучать в дверь спавшему у себя в комнате Муравейскому и предложить ему выйти «ввиду экстренных дел». Когда Муравейский вышел в накиннутой поверх нижнего белья шинели с наганом, тов. Потапов разоружил его, сорвал погоны». (Там же, с. 225).

¹² Каменский — капитан, военный комиссар Колчака в Якутске. (См. воспоминания П. П. Кочнева в сб. «За Советскую власть в Якутии». (Якутск, 1957, вып. 1, с. 254).

¹³ Лебедев В. Ф. — большевик, член подпольного комитета по организации декабрьского восстания 1919 г. После победы восстания был избран в составе городского партийного комитета. (См. воспоминания П. П. Кочнева. — Там же, с. 253).

Амосов Максим Кирович — член РКП(б) с 1917 г., активный участник борьбы за Советскую власть в Якутии, руководил Первым правительством Якутии, автор книги «С помощью русских рабочих и крестьян».

¹⁴ Ни о каком мятеже в 1920 г. в воспоминаниях других участников этих событий упоминаний нет.

Захаренко — командир белогвардейского отряда, зверски расправившегося с центросибирцами в 1918 г. Он был арестован в конце декабря 1919 г. и по приговору советского суда расстрелян в 1921 г. (См. воспоминания И. А. Захарова в сб. «Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии» (Иркутск, 1957, с. 238—239). Вероятно, слухи о мятеже, во главе которого желали иметь Захаренко, ходили. Их принял автор за реальный факт.

¹⁵ Соловьев — колчаковский областной комиссар. Арестован в декабре 1919 г.

¹⁶ Юшманов — городской голова Якутска. Арестован в декабре 1919 г.

¹⁷ Котрус — сотрудник Якутской ЧК, осенью 1921 г. командовал отрядом красных в 500 человек, попавшим в засаду в с. Амге. В описываемое время командир отряда ЧК, состоящего из интернационалистов.

¹⁸ Хорват — член отряда и непродолжительное время его командир. Чех по национальности.

¹⁹ Амгинский бой был в начале марта 1923 г.

²⁰ Каратаев — командир 7-го особого отряда 5-й Армии, прибывшего из Иркутска в сентябре 1921 г., в ноябре принял командование отрядом, оперировавшим в Охотском направлении, против повстанческой армии В. Коробейникова.

²¹ Гоммерштадт Аня — очевидно, Лия Давыдовна Гоммерштадт (Котенко), которую друзья называли Нютой (возможно, потому рассказчик и называет ее Аней), активная участница борь-

бы с колчаковщиной в Якутии. В описываемых событиях она участия не принимала и в это время находилась в Якутске. В отряде Н. А. Каландаришвили были две женщины: жена Гошадзе и сестра И. Карпеля. Они были захвачены белыми и по приказу Коробейникова изрублены и брошены в реку.

²² И. Строд считает, что нападение на отряд Каландаришвили — часть хорошо продуманного плана контрреволюционеров. Они были осведомлены о времени перехода и силах отряда от телеграфиста Тит-Аринского отделения Михаила Виноградова. Руководил этой операцией подпоручик Николаев.

РЯДИЧЕВ П. И.

¹ Жукóв — штабс-капитан, комендант г. Бодайбо. Во время восстания 1919 г. был арестован, но вскоре отпущен под честное слово — не продолжать борьбу с повстанцами. Оказавшись на свободе, он связался со 2-й ротой, находившейся на приисках и оставшейся на стороне колчаковцев, и вызвал ее в город.

² Попов Л. — подпоручик, сын бодайбинского купца, организатор молодежной колчаковской организации «Желтая ласточка» в г. Бодайбо. (И. И. Копылов, правда, считает, что это была эсеровская карательная организация и ее руководителем был офицер Рабинович. См. его воспоминания в сб. «Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии», с. 362). Председатель военно-полевого суда над участниками восстания 1919 г.

³ Березнер Николай (1897—1919) — сын сапожника, ссыльнопоселенца. Окончил 2 класса в городском Бодайбинском училище, дальше учиться не мог, так как надо было помогать семье. В 1916 г. был призван в армию, воевал под Ригой, попал в плен, бежал. В конце августа 1918 г. вернулся в Бодайбо. Начал сапожничать. Одновременно организовывал людей для подготовки восстания. К январю 1919 г. было уже около 70 человек. У восставших было всего 20 револьверов, потом удалось добыть оружие у солдат. Военно-полевой суд приговорил Николая Березнера к смертной казни. Казнен 31 января 1919 г.

⁴ Блукис — капитан, начальник штаба белогвардейского бодайбинского гарнизона в 1919 г., член военно-полевого суда над восставшими.

⁵ Восставшие продержались не 3 дня, а только один и к вечеру 26 января были захвачены и препровождены в тюрьму.

⁶ Стоянович не мог сопровождать золото, так как он еще ранее (в конце августа—сентябре 1918 г.) с партией арестованных был отправлен в Иркутск.

⁷ Военно-полевому суду было предано 66 человек. По приговору суда 19 человек были расстреляны, 5 оправданы, остальные приговорены к различным срокам каторжных работ.

⁸ В Иркутск был отправлен только один из Красноштановых — Степан, приговоренный к 15 годам каторжных работ. Никифор был расстрелян в первых числах февраля 1919 г. Олимпий к суду не привлекался, хотя и участвовал в восстании.

⁹ Ворончихин — к суду не привлекался.

¹⁰ Воробьев — к суду не привлекался.

¹¹ В статье В. Ф. Верещагина «Бодайбинское восстание 1919 г.», опубликованной в газете «Ленский шахтер» от 30 января 1971 г., называется другая фамилия — Павел Гвозднякин. Точнее эта фамилия приводится, должно быть, П. И. Рядичевым.

¹² Такая чистка действительно была необходима, так как эсэро-меньшевистское руководство района искажало линию партии. Среди них были люди, меняющие свои убеждения в зависимости от обстановки. Так, Шабанов в 1918 г. входил в Бодайбинский Совет, а после красильниковского переворота стал городским головой.

¹³ Полковник Дуганов бежал из Иркутской тюрьмы в 1921 г. Осенью того же года с небольшим отрядом пришел в Верхоленский уезд, где жестоко расправлялся с партийными и советскими работниками. Здесь, вероятно, произошло объединение его отряда с частью банды Черепанова. Возможно, у автора воспоминаний произошло хронологическое смещение, и он относит попытки этого объединения к февралю 1922 г. В декабре 1921 г. отряд Дуганова оказался на северном побережье Байкала, отсюда часть отряда пыталась пробраться через Баргузинскую долину к границе, сам же Дуганов, очевидно, решил идти на Охотское побережье, где в это время действовала банда Яныгина, которую поддерживало Владивостокское правительство и японцы. Встреча этой банды у Парамских порогов на Витиме вполне могла состояться, но к тому времени А. Черепановой в отряде, по-видимому, уже не было. Она отделилась от Дуганова и самостоятельных действий принимать уже не могла. А вскоре и сдалась Советской власти.

Раздел II ДОКУМЕНТЫ. ПИСЬМА

¹ Ружицкий А. И. (1894—1969) — член РКП(б) с 1920 г., заведовал санитарной частью отряда Т. Алымова, после разгрома отряда был отправлен в Бодайбо, затем переведен в Иркутск. В дальнейшем работал в 179-м эвакуационном пункте 5-й Армии, был начальником санитарной части Монгольской народно-революционной армии, работал в ОГПУ, на профсоюзной и советской работе.

Публикуемый отрывок — извлечение из автобиографии А. И. Ружицкого, датированной 24 сентября 1965 г. Автобиография находится в фондах польского отдела Иркутского областного краеведческого музея.

² Этот документ из Киренского уездного архива обнаружен в личном собрании старожила г. Киренска Г. А. Прошутинского, передавшего целую подборку (в копиях) оперативных сводок командования обеих сторон в годы гражданской войны и другие документы. Из этой подборки документов Г. А. Прошутинского, составившей дело № 13 (на 178 стр.), ниже публикуется еще ряд документов, без пояснений в комментарии.

³ Жигалов Илья Петрович — рабочий, подпольщик из Жигалово. Письмо адресовано Е. С. Толмачевой — вдове председателя Верхоленского совдепа П. К. Толмачева. Публикуется по копии, снятой с подлинника, хранящегося у Е. С. Толмачевой в Верхоленске.

⁴ Речь идет об Елисее Хабардине.

⁵ Из вышеуказанных лиц 19 человек были приговорены к смертной казни: Н. Березнер, М. Сорокин, М. Зуев, А. Зверев, Н. Красноштанов, Т. Мигалкин, Г. Линда, Н. Линда, В. Волков, Я. Гиндин, К. Яцкин, С. Куликов, Ц. Залесинский, В. Варфоломеев,

Ф. Лексин, Ф. Красиков, С. Патиюков, М. Сидоров, М. Поздняков. Приговор приводился в исполнение, начиная с 31 января, несколькими партиями. Пятеро (М. Куклин, И. Черных, Н. Залуцкий, М. Непомнящий, И. Пупко) были судом оправданы. Остальные приговорены к различным срокам каторжных работ.

Список составлен по воспоминаниям А. М. Коршунова, П. М. Звягина, Н. И. Копылова и некоторым публикациям газеты «Ленский шахтер» за 1927—1971 гг.

⁶ В действительности никаких резолюций рабочие собрания не выносили. Их просто не могло быть. Выдача же «решений» о неприсоединении правления профсоюза Федосеевского прииска и Земской управы, где преобладали эсеры и меньшевики, за рабочие собрания несостоятельна.

⁷ Отряд был организован в декабре 1919 г. и состоял из 100 добровольцев Марковской волости и бывших заключенных Александровской пересыльной тюрьмы, которым удалось освободиться из заключения в результате восстания 8 декабря 1919 г.

⁸ Впоследствии И. В. Бульвинский был назначен командиром 1-го Марковского партизанского полка.

⁹ Фамилия Туля в отчете председателя Марковского РВК Бульвинского (см.: Борьба за власть Советов в Иркутской губернии в 1918—1920 гг. Иркутск, 1959, с. 129) дана как Туев.

¹⁰ Голубев — командир колчаковского карательного отряда.

¹¹ Автор ошибается, речь должна идти, скорее всего, о Томских — казачьем есауле, назначенном Красильниковым командиром белогвардейского отряда в Бодайбо и осуществлявшем фактически власть по всему Витиму.

¹² Алексеев Николай Александрович — родился в 1873 г. Член РСДРП с 1897 г., был секретарем на III съезде РСДРП. С 1911 г. находился в Иркутской губернии, работал врачом. После революции — председатель исполкома Совета военных депутатов г. Иркутска, председатель Киренского ревкома. С 1922 г. работал в Главполитпросвете, Коминтерне и других организациях. Герой Социалистического Труда.

¹³ Вероятно, Брылев — командир одного из отрядов, боровшихся с белогвардейцами под Усть-Кутом.

¹⁴ Речь идет об отрядах Перхурова, Галкина и Казакова (о них см. комментарии к воспоминаниям И. С. Петухова).

¹⁵ Об этих событиях см. письмо Н. А. Алексева (документ VII).

¹⁶ Мемуаристы расходятся в датировке сдачи А. Черепанова. Одни считают, что это случилось в 1922 г., другие называют 1923 г. Точную дату установить трудно, но более реальной датой следует считать 1922 г.

¹⁷ Об Н. А. Орлове — см. комментарии к воспоминаниям И. С. Канина.

- Абрамович Ф. 140
 Авдеев К. — чиновник 122
 Адамов — матрос 43
 Аксаментов — комсомолец, учитель 78, 106
 Акулины — дружинники Бодайбо 112
 Аладьин П. И. (Аледин — ?) — большевик 41, 42, 62, 134, 236, 142
 Алексеев Н. А. — большевик 81, 103, 123, 146, 154
 Алексеевский И. А. 100, 137, 149
 Аленкин Т. — участник Бодайбинского восстания 120
 АLEXIN — партизан 105
 Алтропов 140
 Алымов Т. М. 28, 33, 34, 35, 37, 38, 39, 40, 41, 43, 44, 47, 52, 60, 112, 116, 133, 134, 137, 143, 153
 Алымова А. П. 41, 42
 Амбразевич — эсер 33
 Аммосов М. К. — большевик 110, 151
 Ананьева 29
 Андрэ — белогвардеец 120
 Антипин П. — участник Якутского восстания 109, 110
 Антипин С. С. — партизан 49
 Арбатский — белогвардеец 51
 Арбатский А. А. — участник Марковского восстания 57, 79, 81
 Арбатский А. В. — участник Марковского восстания 79, 99
 Арбатский А. В. — крестьянин 84
 Арбатский В. П. 84, 146
 Арбатский Т. — участник Марковского восстания 80
 Арбатский Ф. А. — крестьянин 84,
 Аргучинцев А. В. — красногвардеец 138
 Аржаков С. М. — большевик 110, 111, 150
 Артамович В. — белогвардеец 98, 99
 Байкалов (Некундэ) К. К. 95, 147, 148
 Балышев — белогвардеец 51
 Банщиков Е. — участник Бодайбинского восстания 120
 Баталова О. Н. — старожил Иркутска 143
 Бекман И. И. — член Верхоленского Совдепа 138, 139
 Белобородов Т. — участник Бодайбинского восстания 120
 Белов — красногвардеец 44, 45, 46, 60, 61, 142
 Белоногов Н. — участник Бодайбинского восстания 120
 Белоусов А. 65
 Белоусов С. И. — член подпольной организации 69
 Березин К. М. — красногвардеец 60
 Березнер Н. — руководитель Бодайбинского восстания 61, 112, 113, 119, 142, 152, 153
 Берестенев П. — партизан 49, 50
 Беспалов — белогвардеец 61
 Бетонов Г. Ф. — преподаватель

- Иркутского девичьего института 66, 69, 143
Беченников — белогвардейский офицер 54, 140
Биршов В. И. 42
Блукис — белогвардейский офицер 113, 152
Бобряков — белогвардейский офицер 50, 84, 103, 146
Богатырев И. А. 140
Бодэ — белогвардейский офицер 57, 58, 59, 80, 81, 102, 103, 149
Боев М. В. — белогвардеец 81
Болдин А. — участник Бодайбинского восстания 119
Большаков И. С. — командир партизанского отряда 83
Большедворский Е. — участник Бодайбинского восстания 120
Болюнчик И. — красноармеец 114
Бондалетов — белогвардейский офицер 23, 24, 25, 108, 133, 150
Боровский — эсер 79
Бормашенко А. — участник Бодайбинского восстания 120
Бострем — белогвардейский офицер 102, 122
Брешко-Брешковская 27
Брылев (Брюлев) — командир партизанского отряда 90, 124, 124, 137, 148, 154
Бужак — большевик 42, 136
Бузиков Е. Н. — крестьянин 76
Булгаев И. К. 140
Бульвинский И. В. — партизан 122, 123, 154
Бурков Н. А. — крестьянин 65, 66, 67, 69
Бурлов Н. А. — командир партизанского отряда 49, 77, 82, 83, 96, 107, 145
Бурхард — белогвардейский офицер 20
Бутаков Ф. П. — партизан 51
Бутарин Г. — член Верхоленского Совдепа 56, 141
Бухаров — белогвардеец 103, 104
Бушман — политический ссыльный 138
Варфоломеев В. — участник Бодайбинского восстания 119, 153
Василевский И. Ю. 42, 136
Васильев — 55, 111
Васильев С. — член подпольной организации Якутска 23, 133
Верещагин В. Ф. 152
Верхотуров — партизан 91
Виленская 26
Виленский (Сибиряков) В. Д. — большевик 18, 21, 132
Виноградов М. — телеграфист 152
Вишневикий 46
Вицин — белогвардейский офицер 121
Власов А. — житель Верхоленска 69
Волков — генерал 119
Волков В. — участник Бодайбинского восстания 120, 153
Вольф — служащий Илимтракта 49, 51
Воробьев А. — красногвардеец 48
Воробьев Г. К. — член Верхоленского Совдепа 66, 138, 139
Воробьев Е. — красногвардеец 48
Воробьев М. В. — эсер 74, 75, 144
Воробьев М. Д. 139
Воробьев — участник Бодайбинского восстания 47, 114
Воронов — красноармеец 114
Ворончихин — участник Бодайбинского восстания 114, 152
Вострецов И. Г. 62, 143, 149
Вострецов С. С. — командир экспедиционного отряда 147
Врангель 36
Выборов Н. Г. — партизан 122
Высоких Н. И. 86, 87, 91, 148
Высоких И. М. 87
Гаврилов 19
Галат (Левентас) М. Л. — большевик 32, 34, 43, 79, 135, 136
Галатец — красноармеец 114
Галкин — белогвардейский генерал 59, 100, 101, 125, 126, 141, 142, 148, 149, 154

Гвоздев — участник Боярского восстания 96
Гвозднякин П. — участник Бодайбинского восстания 152
Герасимов И. М. — красногвардеец 140
Гершкович (Гершкевич) — член Киренского Совета 79
Гиндин Я. — участник Бодайбинского восстания 119, 153
Гладких — медсестра 37
Гладунов — большевик 23, 24, 133
Глассон Н. В. — инспектор 140
Глубоких — участник Якутского восстания 151
Глухих — дружинник Бодайбо 112
Голубев—белогвардейский офицер 123, 154
Гольдман — меньшевик 18
Гоммерштадт Л. Д. — красногвардеец 111, 151
Гордеев—белогвардейский офицер 108, 132, 150
Горнаков Ф. А. — капитан 63
Горшков — начальник Верхоненской милиции 77
Гофман — красногвардеец 138
Грабовский [Я. А.] 31, 135, 149
Грабовский Ф. Ф. 135
Григорьев Е. А. — механик парохода 45
Грищенко — матрос 43
Гробищев И. Ф. — кузнец 69, 118
Грозин — присяжный поверенный 49, 140
Гростфельд — купец 50
Громов Л. — чекист 115
Громов — меньшевик 114
Грудо М. — кулак 67, 69
Грюнгоф Г. И. — член Верхоненского Совета 66, 139
Гудошников М. А. — историк 142, 148
Гусаров Ф. В. — большевик 41, 136
Гуть — красногвардеец 30, 134

Давидюк М. — участник Бодайбинского восстания 120
Даниш Л. Л. — командир красногвардейского отряда 136
Дворянов Н. В. — командир партизанского отряда 142, 144

Дворянов В. Н. — историк 142, 144
Декис 62
Деликин 46
Демченко — белогвардеец 77
Дербенев А. — участник Бодайбинского восстания 120
Дербенков А. — участник Бодайбинского восстания 120
Дмитриев Н. С. — член Киренского Совета 81, 82, 128
Дмитриев А. К. — член Верхоненского Совдепа 128, 138, 139
Дмитриевский В. И. — большевик 19, 32, 132
Добрынин М. И. — красногвардеец 85, 108, 148
Добрынин И. И. 107, 150
Долгих 48
Долгоруков — судья 140
Донской — эсер 75
Донской — главарь банды 78, 146
Донской — учитель 106
Дубина И. Д. — историк 142, 144
Дуганов (Дутов —?, Долганов) — главарь банды 54, 59, 62, 84, 115, 143, 146, 147, 150, 153
Дудолодов — эсер 114
Дулгашевский — эсер 20
Дулов И. А. — командир партизанского отряда 82, 83, 146
Дунаевский М. — участник Якутского восстания 151

Евдокимов — большевик 133
Езерский — эсер 21
Еловский Ф. Е. — житель Якутска 109, 151
Еремеев 44
Ермолаев А. У. — житель с. Боярского 97

Жигалов И. П. — член подполной организации 93, 117, 128, 153
Жиркова Д. — большевичка 42, 136
Житов И. Т. — руководитель подпольной организации 69, 70, 77, 144, 145
Житов И. И. 128
Житов К. Е. 128
Жмуров М. А. — ямщик 91
Жуков М. — крестьянин 50

Жуков М. Е. — член Верховенского Совдепа 54, 56, 66, 69, 118, 138, 139, 144
Жуков — полковник, белогвардеец 112, 113, 152
Жуков А. Н. — партизан 123
Жуков Максим 141

Залесинский Ц. — участник Бодайбинского восстания 119, 153
Залуцкий Н. — участник Бодайбинского восстания 120, 154
Зарубин 43
Захаров И. А. — левый эсер, впоследствии большевик 134, 151
Захаров С. С. — большевик 30, 133
Захаренко — белогвардеец 110, 151
Захаров И. — партизан 49
Зверев А. — участник Бодайбинского восстания 119, 153
Зверев Д. Е. 31, 33, 46, 49, 51, 55, 57, 84, 86—90, 91, 93—95, 97, 100—102, 104, 108, 123, 124, 135, 137, 141, 150
Звягин П. М. 59, 142, 150, 154
Зиневич С. — участник Бодайбинского восстания 120
Зинченко — большевик 32, 135
Знаменский — белогвардеец 114
Зорин П. А. 73—75, 77, 142, 144, 146
Зотов А. Н. — большевик 20, 131, 132
Зуев М. — участник Бодайбинского восстания 61, 119, 153
Зырянов Г. Е. 96, 149
Зырянов Е. К. — житель с. Боярского 89

Иванов А. 48
Иванов И. — партизан 49, 50
Иванов Л. — участник Бодайбинского восстания 120
Иванов — эсер 31, 142
Иванов — прокурор 61
Иванов — большевик 110
Ивашкевич Ф. И. 52, 137
Ивлев А. — красногвардеец 47
Игнатъев — красногвардеец 40
Иенович — член Верховенского Совдепа 138, 139
Имангуллов Х. — участник Бодайбинского восстания 119

Ионов А. И. — член Верховенского Совдепа 66
Исаков — партизан 77, 95

Казаков — белогвардейский полковник 101, 125, 126, 141, 142, 148, 149, 154
Каландаришвили Н. А. 19, 70, 71, 77, 78, 95, 96, 107, 111, 145, 147, 152
Калашников — эсер 146
Калинин Е. Д. — инженер 53
Калинников Г. — участник Бодайбинского восстания 120
Каменский — белогвардеец 110, 151
Канин И. С. 93, 143—145, 148, 150, 154
Каппель В. О. — белогвардейский генерал 70, 71, 77, 78
Капустин — купец 61
Караев — анархист 19, 20, 132
Карасев С. И. — крестьянин 74, 75
Каратаев — командир отряда ЧОНа 111, 151
Карпов Г. И. — организатор Боярского восстания 87—89, 96, 97
Карпов Д. Т. — участник Боярского восстания 87, 88
Карпов Е. А. — участник Боярского восстания 97
Карпов И. О. — партизан 97
Касаткин Ф. И. — участник Макаровского восстания 99
Катарский 115
Кательде 21
Кафанов А. — партизан 83, 84
Керенский 33
Кестель П. — участник Бодайбинского восстания 120
Киселев Д. Д. — инспектор 68, 143
Кислов — кулак 106
Клингф Д. Ф. — эсер 25, 133
Клячко 140
Ковалик И. — партизан 103
Кожевников — крестьянин 44
Кожевников А. А. — белогвардеец 61
Кожова — купчиха 94
Козлов И. Р. — член Верховенского Совдепа 138, 139
Колодезников — белогвардейский офицер 51, 87, 88, 90, 91, 93, 94, 97, 145, 149

Колчак А. В. 46, 55, 57, 61, 69, 74, 95, 109, 112, 122, 123, 135, 146
Колчанов Ф. Ф. — командир партизанского отряда 107, 145, 150
Колубов М. — участник Бодайбинского восстания 120
Конвасер 25
Кондрашенко — член подпольной организации 94
Копас Э. — член Верховленского Совдепа 139
Копейкин — белогвардейский офицер 75, 76, 94, 95, 145, 148
Копылов Н. И. — красногвардеец 36—39, 136, 138, 152, 154
Корнаков — капитан парохода 46
Коробейников В. А. — белогвардейский офицер 85, 107, 147, 151
Коровкин Я. — участник Бодайбинского восстания 120
Королев — красногвардеец 22, 25
Корчагин Т. — участник Бодайбинского восстания 119
Коршунов А. М. 154
Косминский (Космольский) — член Верховленского Совдепа 138, 139
Котенко В. Д. — большевик 25, 38, 136
Котрус — командир красногвардейского отряда 111, 151
Кочнев П. П. — член подпольной организации 109, 110, 150, 151
Кравченко С. Я. 105
Краковецкий А. А. — эсер 18
Красильников — белогвардейский офицер 27—30, 32, 35, 39, 44, 45, 47, 48, 52, 57, 60, 61, 68, 79, 112, 121, 134, 136, 141, 143, 148, 154
Красиков Ф. — участник Бодайбинского восстания 119, 154
Красноштанов — большевик 103
Красноштанов Н. — участник Бодайбинского восстания 119, 142, 152, 153
Красноштанов С. — участник Бодайбинского восстания 61, 114, 115, 119, 142, 152
Красноштанов С. А. — крестьянин 84

Красноштановы 114, 152
Краукле Ю. К. — красногвардеец 135
Кругликов — эсер 18
Крюков В. — красногвардеец 43
Кубанов — прокурор 114
Кузнецов А. Г. — эсер 74, 75, 144
Куклин М. — участник Бодайбинского восстания 120, 154
Куликов С. — участник Бодайбинского восстания 120, 153
Куликовский — эсер 147
Купцов В. С. 140
Курашов — командир партизанского отряда 147
Курбатов — крестьянин 32

Лавров — анархист 132
Лаврушин М. В. — белогвардеец 50, 51, 84, 102, 104, 147, 149
Лазарев — военком 128
Лазо С. Г. — большевик 19, 54
Лангалов — начальник Киренского гарнизона 21
Ласевич — большевик 20
Лебедев С. — член ревкома Иркутска 131
Лебедев В. Ф. — член Совета в Якутске 110, 151
Левандовский — красногвардеец 28
Левницкий — красногвардеец 46
Лексин Ф. — участник Бодайбинского восстания 119, 154
Лемзяков Д. О. — эсер 74, 75, 144
Леонов — чиновник 125
Леонов А. И. — член Верховленского Совдепа 138, 139
Леонов Г. С. — комиссар Киренского совета 34, 79, 136
Лесневский — красногвардеец 21—23, 132
Линда Г. — участник Бодайбинского восстания 119, 153
Линда Н. — участник Бодайбинского восстания 119, 153
Лисов — член окружного бюро Иркутска 19
Литван А. И. — красногвардеец 140
Лихаревский — белогвардеец 41, 42, 134, 136

- Логошный — политический
ссылный 138
- Луконин — командир парти-
занского отряда 83
- Лыков Ф. С. — политический
ссылный 73—75
- Любавский В. М. — участник
Макаровского восстания 58
- Любославский А. В. — красно-
гвардеец 138
- Люля К. — политический ссыл-
ный 84, 146
- Макаров — красногвардеец 46
- Макаревич 140
- Максимов — командир отряда
115
- Малахов П. А. — крестьянин
87
- Малиновский — эсер 30, 134
- Малиновский М. К. — врач 98,
140, 149
- Мальцев К. А. — член Бодай-
бинского Совета 31, 33, 41, 60,
142
- Мамай (Мамаев) — белогвар-
дейский офицер 150
- Марков А. Ф. — партизан 98,
99
- Марков Д. — участник Бодай-
бинского восстания 120
- Марков К. К. — красногварде-
ец 139
- Марков К. М. — участник Мар-
ковского восстания 99
- Марков Л. С. — крестьянин 91
- Марков М. Н. — командир пар-
тизанского отряда 99, 149
- Марков Н. Л. — белогвардеец
84
- Марков Ф. Д. 98, 99, 149
- Матвеев П. — участник Бодай-
бинского восстания 119
- Мезенцев Л. И. — командир
партизанского отряда 122, 123
- Мельников Д. — член РВК Ир-
кутска 135
- Меркурьев К. Н. — участник
Макаровского восстания 58
- Мигалкин Т. — участник Бо-
дайбинского восстания 61, 119,
153
- Мизин — командир красногвар-
дейского отряда 147
- Мионов П. — партизан 71
- Мишарин А. Д. — командир
партизанского отряда 70, 73,
77, 82, 83, 94, 95, 105, 128, 145
- Могилева — учительница 76
- Мойле — красногвардеец 28
- Молодых И. Ф. 85
- Молчанов В. — командир пар-
тизанского отряда 51, 94, 137
- Молчанов Г. — партизан 76
- Молчанов П. — партизан 76
- Монаков И. С. 58, 79, 80, 141,
146, 149
- Мордвов (Мордов) — больше-
вик 23, 133
- Мостиц — дружинник Бодай-
бо 112
- Мунгалов В. — член Киренско-
го Совета 62, 79, 84, 142, 146
- Мунгалов Н. 45
- Муравейский — белогвардей-
ский офицер 110, 151
- Мухортов — командир роты
ЧОНа 128
- Мясников Б. — член подполь-
ной организации 94
- Мясников К. П. — командир
партизанского отряда 62, 93,
94, 105, 143, 148
- Нарым Н. — участник Бодай-
бинского восстания 120
- Наумов И. — житель Якутска
109
- Наумов М. И. — член Кирен-
ского ревкома 103
- Некундэ К. К. — см. Байка-
лов К. К.
- Непомнящий И. — участник Бо-
дайбинского восстания 119
- Непомнящий М. — участник Бо-
дайбинского восстания 120, 154
- Нератов В. С. — участник Мар-
ковского восстания 58, 81, 82,
141
- Нестеров — начальник Бодай-
бинского гарнизона 120
- Неугодников Н. Ф. — коман-
дир партизанского отряда 75,
77, 107, 145, 150
- Нечаев С. С. — житель с. Бояр-
ского 97
- Нечаев — партизан 94
- Никитин 75
- Николаев — белогвардеец 152
- Никольский В. Г. — больше-
вик 81, 82, 101, 103, 124, 146,
149

- Новопашин И. Л. — партизан 123
- Носков В. — участник Бодайбинского восстания 120
- Оберюхтин И. — партизан 65, 69, 71
- Обухов С. — участник Бодайбинского восстания 119
- Одинцов Н. — участник Бодайбинского восстания 61
- Одишария И. И. — командир красногвардейского отряда 24, 60, 133, 134
- Озолин — белогвардеец 61
- Оконешников П. — партизан 50, 80
- Оконешников С. С. — житель с. Макарово 57
- Окулов 18
- Оржаков С. — большевик 109
- Орлов — белогвардейский офицер 62, 94
- Орлов Н. А. — командир красногвардейского отряда 75, 93, 94, 106, 128, 143, 148, 150, 154
- Осташенко В. П. — командир партизанского отряда 47, 50, 51, 101, 137
- Отрадных-Васильев (Хрипательный) Ф. — партизан 49
- Павлов Е. — участник Бодайбинского восстания 120
- Палкин — житель Иркутска 42
- Пальников П. — красногвардеец 60, 61, 142
- Панин — белогвардейский офицер 51
- Парадовский А. И. — большевик 42, 136
- Патрушев В. — участник Бодайбинского восстания 120
- Патушинский — член Центрсибири 138, 139
- Патюков С. — участник Бодайбинского восстания 119, 154
- Пауткин И. — красногвардеец 47, 48
- Пашенко — белогвардейский офицер 97
- Пепеляев А. Н. — белогвардейский офицер 46, 61, 85, 111, 137, 147
- Первухин В. — участник Якутского восстания 109, 151
- Пережогин — анархист 132
- Перхуров — белогвардейский генерал 59, 83, 84, 95, 100, 101, 107, 124—126, 141, 142, 148—150, 154
- Петров — чекист 111
- Петров И. — надзиратель 93—95, 144
- Петухов — партизан 83
- Петухов И. С. — 57, 80, 149, 150, 154
- Петухов Ф. Д. — партизан 81
- Пешков И. С. — партизан 122
- Пешков М. И. 102, 149
- Пешков С. П. — партизан 122
- Пилсудский 20
- Пияшев В. — участник Бодайбинского восстания 120
- Плаксеев — житель Якутска 151
- Пластинин К. А. — урядник 140
- Племянницын Н. И. — житель с. Воробьевка 74
- Поворотнев Н. — красногвардеец 43, 45
- Поворотнев С. — красногвардеец 43, 46
- Подвойский Н. И. 131
- Подгорбунский С. Н. — учитель 65
- Подпрудин Н. М. — член Верхоленского Совдепа 139
- Поздняков М. — участник Бодайбинского восстания 113, 119, 154
- Поляков А. К. — командир партизанского отряда 51, 59, 82, 90, 92, 94, 97, 104, 137, 141, 148, 149
- Полякова Г. Н. 149
- Пономарев П. Ф. — командир партизанского отряда 77, 107, 145, 150
- Попов — белогвардеец 61, 113
- Попов Л. — эсер 112, 152
- Поручиков П. — большевик 28, 60, 115, 142
- Постоловский И. С. — член Центрсибири 138, 139
- Постышев П. П. 32, 131, 135
- Потапов Г. — участник Якутского восстания 109, 110, 151
- Потапов Г. А. — партизан 82
- Потапов Г. И. — партизан 82

- Потапов Н. Ф. — участник
 Макаровского восстания 80
 Потапов Ф. И. — участник
 Макаровского восстания 80
 Потапович В. — участник Бо-
 дайбинского восстания 120
 Преловский В. — партизан 49
 Прокопьев — большевик 19
 Прошутинский Г. А. — краевед
 153
 Прудников А. К. 75
 Пуляев В. Е. — руководитель
 Боярского восстания 51, 88—
 90, 97, 137, 148
 Пуляев В. И. — крестьянин 51
 Пуляев И. 47
 Пуляевский Г. В. — эсер 74,
 75, 140, 144
 Пуляевский К. И. 74
 Пупко И. — участник Бодай-
 бинского восстания 120, 154

 Рабинович — белогвардеец 152
 Рагозин П. А. 82
 Радо Э. — командир партизан-
 ского отряда 55, 140
 Разумовский — юрист 54
 Растомашвили — эсер 27, 29,
 43, 134, 143, 149
 Ремишевский А. Ю. — коман-
 дир партизанского отряда 31,
 135
 Рогульский — купец 42, 43
 Розенталь М. И. — член Верхо-
 ленского Совдепа 138, 139
 Романов П. И. — житель Якут-
 ска 109
 Романченко Н. А. — руководи-
 тель Якутского восстания 108—
 110, 150, 151
 Романченко Ф. — связной пар-
 тизан 111
 Рубнак — партизан 31
 Рубцов Г. — белогвардеец 50,
 63, 86, 87, 99, 143, 149
 Рудых — крестьянин 74, 75
 Ружицкий А. И. — врач-крас-
 ногвардеец 37, 116, 153
 Рукавишников И. — участник
 Бодайбинского восстания 120
 Русаков А. — участник Бодай-
 бинского восстания 119
 Рыдзинский А. С. 18, 29, 30,
 34, 35, 37—39, 41—45, 52, 60,
 79, 108, 131, 133, 136, 137, 142,
 143, 150
 Рябиков В. В. — член Центро-
 сибири 55, 141
 Рядичев П. И. 111, 115, 152

 Савинский — белогвардеец 102,
 143, 149
 Сазонов А. — партизан 65, 69,
 71
 Сазонов М. И. — крестьянин
 65
 Санджаренко — белогвардеец
 33, 136
 Сандер 44
 Сафонов А. К. — большевик 19
 Сафронова — крестьянка-ком-
 мунистка 106
 Сахаровский Г. — участник Бо-
 дайбинского восстания 119
 Свенцицкий — царский генерал
 20
 Селиванов — матрос 151
 Семенов — атаман 19, 96, 107,
 111, 132
 Сидоров М. — участник Бодай-
 бинского восстания 119, 154
 Синеглазова В. С. — больше-
 вичка 41, 136
 Скибенко — инспектор 64, 65
 Скретнев Д. И. — участник Ма-
 каровского восстания 57, 58
 Скретнев О. Н. — участник Ма-
 каровского восстания 80, 81
 Скубилин — большевик 78
 Слепцов П. А. — член Центро-
 сибири 133
 Слюсарев И. — красногварде-
 ец 47, 49, 50, 85, 101, 137
 Смолик О. К. — учительница
 65, 68, 69
 Соболевский — белогвардеец 61
 Соболевский Г. К. — член Цент-
 росибири 131
 Соколов Л. — житель Верхо-
 ленска 42, 66, 68
 Соловьев — белогвардеец 111,
 151
 Соловьев А. — партизан 49, 66
 Соловьев А. X. 140
 Соловьев С. — партизан 49, 66
 Сорокин — начальник почты 105
 Сорокин М. — участник Бодай-
 бинского восстания 119, 153
 Спиридонов Д. Д. — участник
 Макаровского восстания 80
 Спиридонов Д. М. — крестья-
 нин 80, 81

Спиридонов Н. Д. — участник
Макаровского восстания 80
Старов Н. — партизан 71
Старынкевич С. — белогварде-
ец 117
Сташевский Б. М. (Станислав-
ский) — член Центросибиря
19, 138, 139
Стоянович А. Б. 22, 25—31, 33,
34, 36—39, 41, 43—45, 47, 52,
60, 112, 113, 126, 132—134, 136,
137, 143, 152
Стоянович Г. — жена Стояно-
вича А. Б. 38
Строд И. Я. 85, 111, 147, 148
Струлевич А. А. — участник
Якутского восстания 151
Сукин — белогвардейский ге-
нерал 82, 96, 100, 106, 107, 145,
148
Сурков А. И. — партизан 83,
146
Сухарев Г. П. 64, 143
Сучков — участник Якутского
восстания 151
Сырцова-Влащенко Д. В. 35,
37, 136
Сычев — белогвардеец 55, 141

Тананайко Д. — член ВРК Ир-
кутска 135
Тараканов И. И. — большевик
34, 136
Тараканов — участник Якут-
ского восстания 109, 110
Тарасов П. Н. — командир
красногвардейского отряда 138
Тарков З. П. — ямщик 91
Татарников — участник Бодай-
бинского восстания 115
Тверской Л. — участник Якут-
ского восстания 109, 150
Телис М. — белогвардеец 46
Тетерин А. М. — партизан 32,
80
Тимофеев — эсер 18
Тирской — партизан 99
Толмачев П. К. — председатель
Верхоленского Совдепа 56, 66,
117—119, 138, 139, 153
Толмачев И. П. 138
Толмачева Е. С. 56, 117, 119,
153
Толстоухов — белогвардеец 107,
147

Томский (Томских) Г. — бело-
гвардеец 61, 123, 154
Точеный И. К. 101
Третьяков — партизан 77
Трилиссер М. А. — большевик
19, 20, 131
Туль С. — партизан 122, 123,
154
Тулчинский — дружинник Бо-
дайбо 112
Тумаков А. Н. — партизан 122,
123
Тумаков И. И. — партизан 122,
123
Тупицин С. М. — житель с. Бо-
ярского 88
Турусов — партизан 99
Тюленев — инженер 46
Тюменцев В. — партизан 77
Тюменцев Н. Р. — член Верхо-
ленского Совдепа 66, 68, 69,
118, 138, 139
Тюменцев Н. С. — председатель
ВРК 69, 78, 106

Уваров А. С. — командир пар-
тизанского отряда 54, 140
Уваров И. С. — командир пар-
тизанского отряда 140
Ульянов 76
Уральский — красногвардеец 46

Федоров Я. — участник Бодай-
бинского восстания 119
Филон — учительница 81
Фок — капитан 21, 85

Хабардин В. Е. 138
Хабардин Г. В. 138
Хабардин Е. В. — член Верхо-
ленского Совдепа 54—56, 66,
69, 118, 119, 138—141, 144, 153
Халматов И. — красногвардеец
48
Хорват — красногвардеец 111,
151
Хорошев В. Н. — крестьянин 57
Хорошев Е. В. — торговец 81
Хорошев С. М. — телеграфист
80
Хороших И. П. — крестьянин
81
Хохлов — командир роты ЧОНа
128
Хохряков 90, 148
Христолюбов Ф. — участник
Бодайбинского восстания 119

- Худояров И. — эсер 26, 133
- Часовитин Н. — красногвардеец 61
- Чащин Т. — участник Бодайбинского восстания 120
- Чекмарев В. — участник Бодайбинского восстания 119
- Челпанов Е. И. — член Верховленского Совдепа 66, 138, 139
- Черепанов А. — главарь банды 56, 67, 69, 71, 73, 105, 115, 128, 129, 141, 143, 145, 146, 153, 154
- Черепанова А. П. (Черепаниха) — жена Черепанова А. 71, 72, 115, 144, 153
- Черепанов В. — царский офицер 71, 72
- Черепанов Я. 67, 69
- Черепанов С. П. — эсер 74, 144
- Черепановы — купцы 56
- Черкашин А. Н. — член Верховленского Совдепа 138, 139
- Черных Е. — участник Бодайбинского восстания 120
- Черных И. — участник Бодайбинского восстания 120, 154
- Черных Г. П. — красногвардеец 47
- Чечугин М. — член подпольной организации 94
- Чиркунов — меньшевик 18
- Чужак-Насимович Н. — большевик 131
- Чупанов Д. М. — 128, 138, 144
- Шабалда — белогвардейский офицер 97
- Шабанов И. В. — эсер 114, 153
- Шадхан Я. С. (Малиновский?) — врач 137, 148, 149
- Шапиро — эсер 33
- Шапошников Г. А. — житель д. Лазарево 80
- Шаренда — эсер 114
- Швецов К. И. — партизан 82
- Швецов М. — участник Бодайбинского восстания 120
- Швецов П. — участник Бодайбинского восстания 120
- Шевцов 19, 20
- Шелковников Д. И. — офицер 140
- Шеметов П. Н. — офицер 140
- Шеметов Н. Д. — коммерсант 140
- Шергин — белогвардейский офицер 121
- Шестаков В. И. — участник Макаровского восстания 80
- Шипицин П. И. 47, 123, 137, 149
- Шипулин Н. — участник Бодайбинского восстания 120
- Шишкин Д. — участник Бодайбинского восстания 120
- Шпильников П. — участник Бодайбинского восстания 120
- Штеллер (Штельбер) — секретарь укома Верховленска 128, 139
- Шумяцкий Б. З. — большевик 19, 32, 131, 135,
- Шумяцкий Я. Б. — член Центросибиря 19, 32, 55, 131, 140
- Щербинин Я. С. — большевик 26—28, 31, 33, 34, 39, 41, 42, 60, 133
- Эшке М. — член Киренского Совета 82, 146
- Юргинский Н. 139
- Юрченко В. — красногвардеец 48
- Юшманов — белогвардеец 111, 151
- Яковлев Е. А. — член Верховленского Совдепа 138, 139
- Яковлев И. А. — офицер 140
- Яковлев П. Д. — эсер 18, 27, 55, 133, 142
- Якушев — эсер 55, 141
- Янковский — командир красногвардейского отряда 25, 133,
- Янсон Я. Д. — большевик 18, 31, 32, 55, 135, 141
- Яныгин — главарь банды 153
- Ярыгин М. И. — участник Макаровского восстания 58
- Яцкин К. — участник Бодайбинского восстания 120, 153
- Яцко 138
- Яшин В. Ф. — большевик 32, 35, 46, 135, 149
- Яшин В. В. — большевик 135
- Яшин И. В. — большевик 32, 35, 46, 135, 149

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Коваль С. Ф.)	3
Агалаков В. Т. Установление Советской власти в Приленском крае	8
Раздел I. ВОСПОМИНАНИЯ	18
Рыдзинский А. С.	18
Грабовский [Я. А.]	31
Сырцова-Влащенко Д. В.	35
Василевский И. Ю.	42
Шипицин П. И.	47
Ивашкевич Ф. И.	52
Хабардин Е. В.	54
Толмачева Е. С.	56
Петухов И. С.	57
Звягин П. М.	59
Вострецов И. Г.	62
Сухарев Г. П.	64
Зорин П. А.	73
Монаков И. С.	79
Арбатский В. П.	84
Высоких Н. И.	86
Канин И. С.	93
Зырянов Г. Е.	96
Марков Ф. Д.	98
Алексеевский И. А.	100
Пешков М. И.	102
Кравченко С. Я.	105
Добрынин И. И.	107
Рядичев П. И.	111
Раздел II. ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА	116
I. Из автобиографии А. И. Ружицкого	116
II. Объявление управляющего Министерством внутренних дел	116
III. Письмо И. П. Жигалова Е. С. Толмачевой	117
IV. Приказ № 5 по гарнизону г. Бодайбо и Витимско-Олекминскому горному округу от 26 января 1919 г.	119
V. Приказ № 10 по Киренскому гарнизону от 28 января 1919 г.	120
VI. Из письма Н. Г. Выборова краеведам восьмилетней школы с. Усть-Илга Жигаловского района Иркутской области	122
VII. Из письма Н. А. Алексеева П. И. Шипицину, бывшему красному партизану	123
VIII. Телеграмма из Подымахиной о белогвардейской банде под Усть-Кутом	124
IX. Оперативная сводка № 1, 28 февраля 1920 г.	125
X. Оперативная сводка № 3, 29 февраля 1920 г.	126
XI. Светлой памяти А. Б. Стояновича	126
XII. Из письма И. Г. Жигалова Д. М. Чупанову	128
ПРИЛОЖЕНИЕ	130
КОММЕНТАРИИ	131
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	155

**БОРЬБА
ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ
В ПРИЛЕНСКОМ КРАЕ
(1918—1921)**

Редактор *С. А. Рудых*
Художественный редактор *Е. О. Турунов*
Технические редакторы *Л. А. Жернова, И. Н. Корецкая*
Корректор *А. С. Меркурьев*

ИБ № 164

Сдано в набор 24.09.86. Подписано в печать 3.02.87.
HE 01202. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типогр.
№ 3. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Уч.-изд. л. 10,13+0,41 вкл. Усл. печ. л. 8,82+
0,84 вкл. Усл. кр.-отт. 9,04+0,89 вкл. Тираж
3 000. Заказ 1728. Цена 40 коп.

Издательство Иркутского университета,
664000, г. Иркутск, бульвар Гагарина, 36

Типография издательства «Восточно-Сибирская
правда», 664009, г. Иркутск, ул. Советская, 109

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ИРКУТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1987—
1988 гг. ВЫХОДЯТ В СВЕТ КНИГИ:

Самосудов В. М. Большевики Сибири в борьбе против царизма (1894—1917). — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987.

В монографии раскрываются основные события борьбы большевиков Сибири против царизма на всем протяжении от первых марксистских кружков до свержения самодержавия. В советской историографии исследование в указанных хронологических и географических рамках осуществляется впервые.

Книга носит очерковый характер и представляет интерес не только для специалистов, но и для массового читателя.

Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.), вып. II: Сб. науч. тр./Под ред. Н. Н. Щербакова. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1988.

В сборник включены статьи исследователей из Иркутска, Новосибирска, Красноярска, Омска и Якутска, посвященные различным сюжетам истории политической ссылки в XIX — начале XX вв. Большое внимание в них уделено общественно-политической и культурно-просветительской деятельности декабристов, ишутинцев, польских революционеров, проблеме влияния ссылных большевиков на рабочее и социал-демократическое движение в Сибири. Представлены также материалы историко-правового, историографического и источниковедческого плана.

Рассчитан на научных работников, преподавателей техникумов и школ, студентов и пропагандистов.

Заказы направлять по адресу:
664000, г. Иркутск, центр, бульвар Гагарина, 36,
Издательство Иркутского университета

40 к.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИРКУТСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**